

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ГЕНЕРАЛЕ

* * *

*Генерал армии В.П. Дубынин
в воспоминаниях друзей
и сослуживцев*

Москва
2004

УДК 37.0
ББК 68.49(2Рос)3
П42

Под общей редакцией генерала армии В.И. Исакова

П42 Повесть о настоящем генерале (Генерал армии В.П. Дубынин в воспоминаниях друзей и сослуживцев.) М.: Издательская группа «Граница», 2004. — 192 с., ил., 3-е издание, дополненное.
ISBN 978-5-94691-525-0

Генерал армии В. П. Дубынин ушел из жизни в 1992 году. Ему было только 49 лет. Но он оставил о себе необыкновенную, яркую память. По свидетельству многих людей, Виктор Петрович был самым заметным военачальником российских Вооруженных сил последних десятилетий.

Авторы-составители: Михаил Кожухов, Владимир Снегирев.

В подготовке книги приняли участие: А. Бондаренко, О. Егорова, Г. Калинина, А. Колпаков, В. Литовкин.

Фото: В. Хабарова и из архива семьи Дубыниных.

УДК 37.0
ББК 68.49(2Рос)3

ISBN 978-5-94691-525-0

© Издательская группа «Граница», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последнее десятилетие минувшего века — один из самых сложных и противоречивых периодов в истории Вооруженных сил России. Отношение к событиям того времени еще долго будет неоднозначным. Афганская война, распад СССР в 1991 году и, как следствие, раздел Советской армии, необходимость создания Вооруженных сил Российской Федерации вызвали целый комплекс международных, политических, идеологических, социально-экономических проблем. От того, как разрешатся эти поистине глобальные противоречия, зависели обеспечение военной безопасности государства, стратегия строительства российских Вооруженных сил.

Назначение Виктора Петровича Дубынина в июне 1992 года первым начальником российского Генерального штаба ни у кого не вызвало удивления. Переломное время выдвигало на ответственные посты неординарные личности — генерал-«афганец», до этого командовавший Северной группой войск в Польше, пользовался заслуженным авторитетом в армии.

Эта книга знакомит нас с человеком, отдавшим всю свою сознательную жизнь службе Родине в Вооруженных силах и прошедшим с честью путь от курсанта танкового училища до генерала армии, начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

Виктор Петрович Дубынин родился и рос в многодетной трудовой семье в Курганской области. В 1961 году поступил в Дальневосточное танковое училище, по окончании которого был направлен в Краснознаменный Белорусский военный округ, где и прошло его становление как командира и офицера. Он командовал танковым взводом, ротой, затем батальоном. Став умелым наставником и воспитателем подчиненных, сам никогда не переставал совершенствовать свои знания. В 1973 году окончил Высшие офицерские курсы «Выстрел» по программе подготовки командиров танковых полков. Уже будучи заместителем командира дивизии, он в 1978 году окончил факультет заочного обучения Военной Академии бронетанковых войск им. Маршала Советского Со-

юза Р.Я. Малиновского. Ему удавалось плодотворно сочетать работу командира с учебой, а полученные теоретические знания успешно применять на практике.

В 1981 году дивизия полковника В. П. Дубынина приняла участие в учениях «Запад-81». За проявленное высокое мастерство и профессионализм он был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР II степени».

В 1984 году генерал-майор В. П. Дубынин с отличием окончил Военную Академию Генерального штаба и получил назначение на должность заместителя командующего армией в Среднеазиатский военный округ. В короткие сроки он освоил новый для себя театр военных действий. Вскоре он уже принимает должность заместителя командующего действующей в Афганистане 40-й армии.

С сентября 1984 по апрель 1986 года генерал-майор В.П. Дубынин является первым заместителем командующего 40-й армией. Это было время наиболее активных военных действий, которые советские войска вели совместно с вооруженными силами ДРА против мятежников. Виктор Петрович Дубынин принимает личное участие в планировании большинства операций, сам выезжает в районы наиболее тяжелых боев. Здесь как нигде проявились его знания, богатый опыт и полководческие качества. Зачастую его личное вмешательство в развитие событий способствует успешному решению поставленных задач.

Более года, с апреля 1986-го по июнь 1987-го, генерал В.П. Дубынин был командующим 40-й армией. В этот период значительно расширилась финансовая и военная помощь мятежникам. Они активизировали действия, стремясь нанести максимальные потери советским войскам, разгромить афганскую армию и свергнуть существовавшее правительство Афганистана. Помимо ответственности за боевые действия советского воинского контингента, за ведение совместных операций, охрану маршрутов, военных и хозяйственных объектов, командарм нес ответственность и за проведение в жизнь государственной политики в данном регионе.

В этих трудных и неординарных условиях военно-политической обстановки командующий армией генерал В.П. Дубынин постоянно находится в районах боевых действий, лично контролирует выполнение поставленных задач, организует взаимодействие с командованием афганских войск. Его отличает огромная работоспособность, умение управлять войсками с учетом конкретной обстановки, мужество, воля, находчивость, выдержка и самообладание, умение быстро принимать решения в самых сложных ситуациях.

За успешное выполнение заданий по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан генерал В.П. Дубынин был награжден орденами Боевого Красно-

го Знамени и Красной Звезды, а также орденом ДРА «Красное Знамя».

После Афганистана Виктор Петрович продолжил ратную службу. Он становится командующим 7-й танковой армией, начальником штаба Киевского военного округа, командующим Северной группой войск.

В мае 1992 года Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ о создании Вооруженных сил Российской Федерации. В это время на начальника Генерального штаба возлагалась сложнейшая задача по реорганизации Вооруженных сил, оставшихся под юрисдикцией России, их техническому оснащению, поддержанию боевой и мобилизационной готовности. Решение этой задачи осложнялось тем, что на постсоветском пространстве стали возникать межнациональные конфликты, в которые отдельные политические силы стремились втянуть и армию. В этой чрезвычайно сложной обстановке требовалось сохранить Вооруженные силы, призванные гарантировать стабильность Российского государства.

Приняв должность начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в сложное для страны время, генерал армии В. П. Дубынин смог внести большой вклад в строительство новой Российской армии. К сожалению, большие нервные и физические перегрузки, дававшие о себе знать еще в Афганистане, привели к его безвременной кончине в ноябре 1992 года.

На жизненном пути Виктора Петровича Дубынина не было случайных взлетов. Он всего добивался неустанным кропотливым ежедневным трудом. Это был русский офицер, подвижник, посвятивший всего себя службе Родине.

Судьба этого замечательного человека, запечатленная на страницах предлагаемой читателю книги, служит ярким примером того, как надо любить свое дело и служить своему народу и Отечеству.

Подтверждением его заслуг перед своей страной и Вооруженными силами является Указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2003 года о присвоении звания Героя Российской Федерации генералу армии В.П. Дубынину (посмертно) за мужество, героизм, проявленные при исполнении воинского долга.

А.В. КВАШНИН,
начальник Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ

Сергей ЛАГУТКИН,
*сотрудник администрации
Шумихинского района Курганской области*

У этого села в западной части Зауралья необычное и красивое название — Большая Рига. Обитателей его так и называют — рижанами. А во всем остальном — село как село, каких сотни.

Здесь, в Шумихинском районе Курганской области, — малая родина Виктора Петровича Дубынина. Его родственные корни, детские, юношеские годы крепко связаны с Зауральем.

Здесь прожили свою крестьянскую жизнь и были похоронены родственники генерала. На сельском погосте — могила деда Виктора Петровича по отцовской линии, который был раскулачен в разгар коллективизации за то, что имел добротный крестовой дом, плуг, лошадь и молотилку... Сам Виктор Петрович никогда не видел ни своих бабушек, ни дедов. Только из рассказов родителей знал о том, как тяжело складывались их непростые, но такие обычные для того времени судьбы.

В трагическом 1937 году не избежал репрессий и его отец — Петр Сергеевич Дубынин. Как правило, беда редко приходит одна: незадолго до ареста и высылки у него умерла жена, и он остался вдовцом с двумя мальчишками на руках. Тогда и встретился с будущей матерью Виктора Петровича — Ириной Ивановной Леготиной. Она стала ему любящей женой, хорошей хозяйкой и замечательной матерью для всех детей большого объединенного семейства. Ведь от первого брака у Ирины Ивановны была восьмилетняя дочь Нина, а Петр Сергеевич уже имел двух сыновей — тринадцатилетнего Леонида и десятилетнего Николая. Они любили друг друга: даже высылка Петра Сергеевича в город Каменск-Уральск не сумела разрушить эту сплоченную семью. На Урал они отправились впятером.

В 1938 году в Каменск-Уральске у Дубыниных рождается еще один сын — Владимир, а в 1943-м появляется на свет Виктор.

С самого рождения маленькому Вите пришлось ощутить на себе все невзгоды и беды военной поры. Большой многодетной семье было очень непросто одеться и прокормиться в те тяжелые годы. Во многом им помогало то, что репрессированного отца оставили в тылу. Несмотря на заболевание астмой, ему приходилось работать в несколько смен на оборонном заводе. Подросший Леонид тоже ушел на завод, а мать не покладая рук трудилась в пекарне. Холод, голод и постоянная усталость отходили на второй план перед главной и основной задачей — приблизить Победу...

В 1946 году семья Дубыниных получает возможность вернуться на родину в Зауралье. Повзрослевшие Нина и Леонид остаются работать в Каменск-Уральске. Николай, уехавший еще в годы войны на Украину, не давал о себе знать вплоть до пятидесятых годов. Вместе с двумя сыновьями, Володей и Витей, практически без багажа, родители переезжают жить к родственникам в Малую Ригу, которую от Большой Риги отделяли всего несколько десятков метров.

Привольные поля, прекрасное Рижское озеро и березовые колки с кустами дикой малины, шиповника, вишни... Именно здесь для Виктора Дубынина началось детство, с которым будут связаны его первые воспоминания.

Послевоенные годы для зауральских крестьян были трудными, хотя, впрочем, для кого они были легкими?

Ко всем прочим тяготам, Дубынин-отец все чаще страдал от приступов астмы и получил вторую группу инвалидности, мать мучили сильные боли в желудке. Но чтобы хоть как-то прожить, приходилось работать. Петр Сергеевич устроился в колхоз кузнецом, Ирина Ивановна — няней в ясли. Их недельная заработная плата составляла от пяти до восьми килограммов дробленых зерноотходов. Ничем другим колхоз с работниками рассчитаться не мог. Из этой дробленки вперемешку с картофелем мама В.П. Дубынина пекла хлеб. Несколько кусочков хлеба подчас составляли весь рацион семьи. Так в те годы здесь жили многие...

По воспоминаниям старшего брата генерала — Владимира Петровича, особенно голодными и неурожайными выдались 1946 и 1947 годы. Только десять ведер картошки удалось собрать Дубыниным в первую осень после возвращения в село. Этого урожая семье из четырех человек не могло хватить даже и на половину зимы, приходилось экономить на всем и добывать себе пропитание везде, где представлялось возможным.

Важным подспорьем для рижан были озера. Благодаря рыбной ловле у них на столах появлялись жареные, сушеные караси, вкусная и ароматная домашняя уха. Щедрая зауральская природа спасала в зиму и осенними заготовками. Вместе с остальными ребятами Владимир и Виктор постоянно ходили в лес за ягодами и грибами.

Самым большим лакомством для братьев были редкие кусочки сахара и ягодные лепешки, которые им готовила мать. На большие листы лопуха выкладывались добытые в лесу ягоды — земляника, костяника, малина, добавлялась мука. Высушив листья с содержимым в горячей печке, мать складывала их в полотняный мешок и держала в тепле. Холодными зимними вечерами она доставала эти лепешки и делила между сыновьями, для которых, казалось, никогда и ничего не было вкуснее и слаще.

Растущему Виктору было явно недостаточно скудного питания этих лет. От рождения он был очень худым и высоким ребенком. По воспоминаниям самого генерала о тех далеких годах, самой большой мечтой его детства было постоянное желание сытно поесть.

Несмотря на это, шестилетний Витюшка был самым бойким и непоседливым из всех детей. И, кстати, из всех нехитрых детских игр будущий генерал уже тогда больше всего любил играть в войну. Правда, пистолеты и автоматы тогда еще были деревянными... Очень нравилось Виктору бывать в колхозной кузнице у отца. Там он порой проводил целые дни, копаясь в железе, наблюдая за тяжелой отцовской работой и, конечно же, пытаясь во всем ему помогать. Не сказать, что был он большим чистюлей: поддерживаемые в доме чистота и порядок неоднократно страдали от сажи и грязи, которую на сапогах и одежде приносил маленький непоседа. Воспитательные порки от матери и «серьезные разговоры» с маминым братом давали положительный, но недолговременный результат. Сам отец практически никогда не ругал сына за какую-либо провинность и уж особенно редко наказывал его ремнем. Петр Сергеевич был очень добрым и мягким человеком, но и Ирина Ивановна, несмотря на свою материнскую строгость к Виктору, из всех детей, пожалуй, именно его любила больше других. Будущий полководец платил своим родителям ответной любовью, вниманием, лаской.

В 1949 году семилетний Витя Дубынин пошел в первый класс Рижской школы. А семья их стала еще больше: родился младший брат Юра. Так Виктор перестал быть младшим, а раз так, то и спрос с него уже был другим.

Рижская школа послевоенных лет была совсем не похожа на ту, что теперь носит имя земляка-генерала. Деревянные стены, тяжелые парты и лавки, печка, которая едва согревала классные комнаты даже в солнечный зимний день, — все это казалось обычным в условиях общей бедности.

Оба брата Дубыниных — Володя и Витя — пешком ходили в школу, до которой было не менее двух километров. В легкой одежде, в перешитых матерью из старых вещей рубашках, дотканых льняных штанах на лямках, в изготовленных отцом тулупах, ботинках или сапогах им приходилось добираться до

школы в любую погоду. Одежда Виктору доставалась, как правило, от Володи. А Владимир нередко донашивал то, что оставалось от маминого брата или отца. К счастью, ходить в школу им приходилось в разное время, так как учились они в разные смены. А к счастью потому, что несколько лет подряд у них на двоих была всего лишь одна пара валенок, и надевать их приходилось, конечно, по очереди. Из-за этих валенок между братьями нередко случались баталии. Виктор частенько задерживался в школе в различных кружках, он и забывал о Володе. Владимир из-за этой забывчивости нередко опаздывал на уроки. Впрочем, если не считать споров из-за валенок, жили братья дружно и вместе помогали родителям.

Каждую осень до самых снегов Володя и Виктор по дороге до или после школы копали на участках картошку, которую по каким-либо причинам упускали из виду или просто оставляли на произвол зимы хозяева огородов. Для некоторых семей той поры даже мелкая и мороженая картошка была драгоценной прибавкой к полупустому обеденному столу. Ее давили, добавляли муки и пекли пресные, абсолютно несъедобные по нынешним меркам лепешки. Ежедневно, придя с учебы, братья выкладывали из школьных сумок плоды своих детских трудов, искренне радуясь успешным поискам или огорчаясь неудачам. Виктор торжествовал, когда приносил хотя бы на несколько картошин больше, чем Вова.

Частенько братья отправлялись в березовые колки на заготовку дров. Зимой запрягали в сани свою сильную и большую собаку, на которой «с ветерком» добирались до леса. Нарубив большие охапки старых веток и нагрузив ими сани доверху, мальчишки возвращались домой с чувством гордости за успешно выполненную работу.

Из-за необходимости помогать родителям Виктору не всегда удавалось учиться в школе на «отлично». Порой он приносил и тройки. Родители не ругали его за это, но воспитывали в нем старательность и стремление к наукам. Очень хотела увидеть детей образованными мать — Ирина Ивановна, которая за свое не менее трудное детство не завершила ни одного класса начальной школы. С особой теплотой генерал армии В.П. Дубынин вспоминал свою первую учительницу Таисию Семеновну Грязнову. Она смогла с первых дней обучения в школе привить ему любовь к знаниям.

В свободные часы Виктор забирался на русскую печку с очередной книжкой или журналом в руках. Он любил читать повести и рассказы о военной поре, восхищался подвигами советских солдат, мудростью полководцев. Особенно привлекали будущего генерала книги о танковых войсках. Он бесконечно перечитывал книги о битве на Курской дуге, об освобождении советских рес-

публик от фашистских захватчиков, о взятии Кенигсберга и Берлина. Видимо, именно эти книги и разбудили в деревенском мальчишке желание стать танкистом, воспитали в нем уважение к военной профессии.

Не менее любимым занятием Виктора Дубынина было участие в школьной художественной самодеятельности и театральных кружках. Долгое время, по его собственным автобиографическим признаниям, профессия артиста была для него настолько привлекательной и заветной, что он мечтал после окончания школы поступить в московское театральное училище. Бывало, ровесники поддразнивали по этому поводу Виктора, и ему приходилось пускать в ход кулаки, защищаясь от обидчиков.

По словам его старшего брата Владимира, Виктор всегда был не прочь подраться даже с более взрослым и сильным соперником, особенно если тот нарушал очень важные для Дубынина понятия о чести и справедливости. Как и все остальные ребята, будущий генерал с уважением относился к общественным поручениям в пионерской организации, а вступив в комсомол, активно работал в молодежном активе села.

Начиная с 5-го класса Виктор принимал участие во всех школьных и колхозных делах, обычных для тех времен: подбирал колоски на пшеничных полях после прохода комбайнов, а став взрослее, в месяцы летних каникул боронил на лошадях и работал «на прицепе» в уборке колхозного сена. Именно тогда Виктор заработал свои самые первые деньги, которые пошли на приобретение костюма к школе, тоже первого в его жизни.

Жили Дубынины трудно и бедно даже в пятидесятые годы. Неважно чувствовали себя родители, с самого детства слабым был их младший сын Юра. У него часто болели ноги, и доктора поставили диагноз: полиартрит. Чтобы хоть как-то прокормиться и накопить средства для поездки с Юрой к хорошим врачам, двенадцатилетний Владимир первым оставляет учебу в школе и устраивается на работу в колхоз.

Когда из-за астмы совсем занемог их отец, Виктор также был вынужден устроиться в колхозную мастерскую и продолжал обучаться в девятом классе уже не в обычной, а в вечерней школе. Чем только ни пришлось заниматься в колхозе пятнадцатилетнему парнишке! Ремонтировал бороны в МТМ, работал на токарном станке, молотобойцем в кузнице и штурвальным на комбайне в уборку.

Иногда допоздна задерживаясь на работе, будущий генерал не забывал об учебе. Весь десятый, последний класс Виктору пришлось заниматься практически самому. В Рижской школе десятиклассников не обучали, а регулярно ездить в соседнее село Галкино было некогда, да и не на чем. Выпускные экзамены в средней школе Виктор сдал успешно — экстерном. С завершени-

ем десятилетки перед ним открывалась новая жизнь, полная романтики и перспектив.

Теперь профессия офицера еще больше манила Виктора, хотя мать настаивала: «Будешь инженером, ни о какой армии даже слышать не хочу!»

Последним доводом в выборе профессии для Дубынина стало знакомство с мужем сестры Нины. Выйдя замуж за летчика-офицера, она приезжала с ним в Ригу, чтобы повидаться с матерью и отцом. Десятки восторженных детских глаз провожали нового родственника и сестру в совсем другую, неизвестную Ригу, находящуюся возле Балтийского моря, за тысячи километров от их зауральской земли.

Как ни отговаривала Виктора мать, как ни просила его «пойти в инженеры», он настаивал: буду поступать в танковое училище. Лишь несколько месяцев спустя, смирившись, Ирина Ивановна и брат Владимир со своей молодой женой, собрав все имевшиеся у них деньги, проводят Виктора в поездку на Дальний Восток. Шел 1961 год, и еще никто не догадывался, что этому крестьянскому пареньку предстоит стать боевым генералом, известным на всю страну...

Прошло уже немало лет с тех пор, как Виктора Петровича не стало. Но многие рижане до сих пор помнят встречи с прославленным земляком. Этих встреч здесь ждали каждый год, и послушать земляка приходило почти все село: зал просторного Дома культуры всегда был забит до отказа.

В одну из таких поездок на родину Виктор Петрович пообещал подарить односельчанам настоящий танк и, конечно же, сдержал свое слово. Приехавший своим ходом от самой станции, из Шумихи, тяжелый танк Т-10 был установлен на постаменте в самом центре Большой Риги. Боевая машина — подарок Дубынина — и сегодня одна из главных достопримечательностей села.

С не меньшей гордостью относятся рижане и к другому подарку земляка-полководца — замечательной библиотеке. Ее многотысячный книжный фонд по справедливости разделен между Рижской средней школой, носящей его славное имя, и сельским Домом культуры.

В Большой Риге и сейчас живут родственники В. П. Дубынина. Самые близкие из них — старший брат генерала Владимир Петрович с супругой Ниной Ивановной и брат по отцу Николай Петрович. Здравствует и школьный товарищ Виктора Петровича — Анатолий Федорович Прошкин.

Особым авторитетом у рижан пользуется основатель и бесценный хранитель местного краеведческого музея Георгий Петрович Леготин. Почти тридцать лет Г.П. Леготин собирал информацию и материалы о самом прославленном рижанине — генерале Дубынине. В музее хранятся фотографии Виктора Петро-

вича от детских лет и до самых последних снимков, сделанных незадолго до его кончины. Представлена биография генерала, многочисленные награды, множество газетных вырезок, документы, книги, журнальные очерки и статьи о боевом опыте и личности зауральского полководца... Здесь же хранятся и материалы переписки Г.П. Леготина с земляком, автобиография, составленная самим генералом. Самым же бесценным сокровищем и достоянием музея Георгий Петрович считает парадное обмундирование земляка, подаренное после кончины полководца его женой Людмилой Васильевной Дубыниной.

Из года в год Георгий Петрович, несмотря на свой преклонный, 75-летний возраст, проводит в школе торжественные линейки в день рождения героя села и тематические классные часы, посвященные его памяти. Создатель и хранитель Рижского музея с удовольствием рассказывает о личных встречах с Виктором Петровичем, делится информацией обо всем, что ему удалось узнать.

О земляке-полководце помнят не только в Большой Риге — во всем Зауралье. Не так давно по инициативе военного комиссара области был выпущен литературный сборник «Живая память Афгана». Среди очерков и рассказов о зауральцах — участниках войны в Афганистане — есть и большой материал о полководце В.П. Дубынине. А к 60-летию со дня рождения генерала администрация Шумихинского района планирует выпуск книги о нашем выдающемся земляке.

Ежегодно по инициативе заслуженного учителя Российской Федерации И.А. Сычева на базе Крутогорской средней школы проводятся соревнования памяти генерала Дубынина, в которых принимают участие ребята из многих городов и сел Курганской области. Так, на примере их земляка, у юных зауральцев воспитывается гордость за мужество и героизм предков, чувство ответственности и долга перед будущими поколениями.

Ну а у тех, кто лично знал и любил Виктора Петровича, ежедневно есть повод помянуть его добрым словом: зачерпнуть чистой зауральской воды из колодца, который был недавно открыт в Большой Риге в память о генерале Дубынине.

СВЕТ ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Иван КОРОТЧЕНЯ,
*бывший исполнительный секретарь
Содружества Независимых Государств*

По существу, Виктор Петрович Дубынин был в числе тех, кто дал мне путевку в большую политику, и в какой-то мере благодаря ему я оказался на острие проблем, связанных со становлением СНГ после развала Советского Союза.

Это случилось на закате перестройки, в 1990 году. Мы оба были избраны депутатами Верховного Совета Белорусской ССР. На первой же сессии парламента избирались члены его Президиума и председатели комитетов. Мои коллеги выдвинули и меня на пост председателя Комитета средств массовой информации, прав человека и гласности. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что по образованию я агроном, вроде как не по профилю, да к тому же в ту пору был первым секретарем горкома КПСС. А конкуренцию мне составила дюжина радикалов, половина из которых известные на всю республику писатели и журналисты. Помнится, выступил я с программой, началось обсуждение, депутаты потянулись к микрофонам. И тут абсолютно неожиданно для меня — клянусь, мы об этом не договаривались! — попросил слово Виктор Петрович. Он дал мне блестящую характеристику как организатору, общественному деятелю и политику. Он сказал, что знает меня не один год, не сомневается в моей порядочности, и призвал депутатов отдать предпочтение моей кандидатуре.

Это был поистине переломный момент. Поддержка боевого генерала сыграла, пожалуй, решающую роль. Я был избран главой этого депутатского комитета и стал членом Президиума Верховного Совета республики.

Позже Виктор Петрович признался, что поддержал меня тогда в парламенте не только во имя нашей дружбы. Он считал, что было бы рискованным отдать республиканские бразды правления «горячим головам», пришедшим в большую политику на волне демократизации и не имевшим опыта работы во властных

структурах. Проводя военную аналогию, Дубынин подметил, что в Афганистане он никогда не поручал выполнение ответственной операции офицерам без боевого опыта...

А познакомились и подружились мы за много лет до этих событий. Виктор Петрович тогда еще носил погоны майора и занимал должность начальника штаба полка, а я был только что избран председателем одного из колхозов в Любаньском районе Минской области. Можно сказать, нас свела география: земли моего колхоза граничили с территорией той воинской части, где проходил службу Дубынин.

Как и подобает новому, да к тому же молодому руководителю сельхозпредприятия, а мне тогда было всего 27 лет, я тотчас отправился, как говорят дипломаты, с визитами вежливости к соседям. Поехал в том числе и в близлежащий танковый полк, который был связан с моим колхозом шефскими узами.

Командовал полком некто Банников. Мы с ним тепло, но пармейски сжато побеседовали. И тут выяснилось, что Банников буквально на следующий день уходил в отпуск. Услышав эту новость, я расстроился. Но командир полка понимающе перехватил мой взгляд и сказал, что, мол, унывать не стоит. Банников вызвал к себе Дубынина, представил нас друг другу и сказал, что Виктор Петрович на время отпуска остается в полку за командира и несет полную ответственность за все, в том числе и шефскую помощь колхозу. Молодцеватый, подтянутый красавец майор сразу же пообещал мне, что сделает все, что может.

Помню, что Виктор Петрович в конце той нашей первой деловой беседы тонко подметил, что, мол, не зря в этих партизанских местах надежный сосед ценится дороже золота и что по части шефской помощи полк всегда был на отличном счету.

И очень скоро мне пришлось в этом убедиться. Пришло время уборки урожая, а тут, как назло, непогода, дожди, слякоть... Но как только небо прояснялось, солдаты выезжали в поля и ударно работали рядом с колхозниками. Апогеем же той шефской кампании стала наша с Дубыниным совместная инициатива. Дело было в том, что огромное количество соломы залежалось на полях в копнах. Нужно было стаскивать ее в скирды, а техника наша была маломощной даже по тем, социалистическим, временам. Тогда мы сделали две огромные волокуши, а вместо гражданских тягачей использовали два танка, присланных на колхозные поля из полка по приказу Виктора Петровича. Люди наши диву давались: такого военно-полевого маневра в тех краях отродясь не видали. Грохот был, как на учениях, пыль стояла столбом... Тем не менее, всего за трое суток (темпы просто фантастические не только по тогдашним белорусским, но и западноевропейским меркам) нам удалось подтащить солому к скирдам и образцово подготовить ее к хранению.

Не прошло и полгода, как наше военно-полевое сотрудничество повторилось, но уже при новых обстоятельствах: при транспортировке леса. В местах вырубки стволы спиленных деревьев, хлысты, подтягивались тракторами и складировались. Так вот, эти огромные, просто неимоверные вязанки хлыстов, по 30–40 штук в каждой, танки волокли с гулом и ревом до пилорам по проселкам мимо изумленных колхозников. Зимы под Минском не мягкие, для подобного лесотанкового маневра времени, как правило, бывает в обрез. Но мы с Виктором Петровичем уложились в сроки полностью, поставив при этом своеобразный областной рекорд по вывозке хлыстов. Не удивлюсь, если он не побит и сегодня. Дубынин уже тогда проявлял себя как смелый и талантливый организатор.

Впрочем, как военачальника пусть оценивают Виктора Петровича его коллеги. Им, как говорится, виднее.

У меня же свой, гражданский взгляд. Для меня Дубынин всегда был образцом русского офицера. Таким, на которых держится наша армия. Честным, мужественным, справедливым, немногословным, умеющим слушать и понимать людей, чутким, по-мужски красивым, мудрым и сострадающим, совестливым человеком, истинным интеллигентом. Он искренне служил Отечеству, а не выслуживался ради чинов и наград.

Кто-то из наших общих с ним друзей находил его похожим на маршала Жукова, кто-то — на генерала Серпилина из «Живых и мертвых». А мне он напоминал того командарма из романа «Горячий снег», который, вручая героям Сталинградской битвы ордена, виновато приговаривал: «Все, что могу...» Виктор Петрович даже внешне был немного похож на артиста Георгия Жженова, блестятельно сыгравшего эту роль в кинофильме. Но гораздо важнее внутреннее сходство Дубынина с героем этой кинокартины. Как и он, Виктор Петрович точно так же, несколькими простыми и емкими словами, мог выразить суть происходящего. У него была своеобразная манера речи отсекаать все лишнее. Но даже в скупых словах угадывалась душа не по годам мудрого и обаятельного человека, и это придавало всему сказанному им особую сердечность и глубину.

Мне вспоминается праздник, посвященный 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Он торжественно отмечался в танковом полку, которым тогда командовал Виктор Петрович.

В полк приехали десятки ветеранов Великой Отечественной. У каждого из них судьба — хоть роман пиши. Мне на всю жизнь запомнились двое из них. Один — подполковник-орденоносец с выжженными в танке глазами. Второй — седой как лунь молчаливый комбат. Про него рассказывали сослуживцы, что в одном и том же бою он сначала сам чудом уцелел в подорвавшемся на mine танке, а затем, спешившись, с ракетницей в руках вел за собой батальон в атаку через минное поле.

Вот такие люди приехали в свой танковый полк, с которыми они защищали Родину. Торжественные мероприятия, посвященные славной дате, продолжались дня три-четыре. Конечно, на празднестве были и речи, и цветы, и тосты — все шло по уже знакомому сценарию, как обычно в подобных случаях. Единственный, кто выбивался из привычного ряда, — Виктор Петрович. Выступая перед ветеранами, он говорил на редкость сердечно и просто. Не протокольно. Вообще все, что бы он ни делал, окрашивалось его личным обаянием, его душевностью.

Апофеозом тех юбилейных торжеств стали проводы ветеранов на железнодорожной станции. У поезда был выстроен полк. Полощутся на ветру боевые знамена, играет военный оркестр, и Дубынин с неподдельной дрожью в голосе отдает прощальный рапорт ветеранам. Не только у них, у всех нас, собравшихся на станции, слезы засверкали в глазах.

Я заметил: он вообще не умел работать формально. Если брался за что-то, то делал это на совесть и выкладывался полностью, сгорал без остатка дотла.

В быту мы называли его Петровичем. Никаких других прозвищ за Дубыниным не закрепилось. А это говорит только о том, что отношение к Виктору Петровичу и в армии, и на «гражданке» было в высшей степени уважительным.

Дубынин прекрасно понимал психологию людей, облеченных властью. Иногда он приглашал нас, штатских, на танкодром и давал возможность порулить «железным конем», ощутить боевой азарт. Ни один из нас, районных руководителей, не упускал такую возможность. Потом мы долго выходили из образа, представляли себя танкистами, защитниками Родины. Вспоминали об этой экскурсии на танкодром как о ярком событии, достойном настоящего мужчины.

У Дубынина и хобби было тоже истинно мужским, исконно русским. По субботам Виктор Петрович приглашал к себе в полк гостей, в обыкновенную солдатскую баню. Он, надо отметить, толк знал в банном деле и любил это занятие. Поэтому никогда не был полным, лишний вес периодически сгонял в парной, выходил оттуда помолодевшим, еще более жизнерадостным и обаятельным. Снимал в бане накопившуюся усталость. Ведь служба в армии даже в мирное время — работа напряженная и нервная, особенно если к ней относиться так, как это делал Петрович. Я видел: он уставал от перегрузок, хотя, как говорят боксеры, умел держать удар. На усталость не жаловался... Он и нас приучил к баньке, его друзей по Любаньскому району.

Черствость и цинизм напрочь отсутствовали в его характере. Я никогда не забуду один эпизод из нашей жизни. Как-то раз поздно вечером мы с ним возвращались с какого-то районного мероприятия. Ехали в моей машине. Я сидел за рулем, он рядом

со мной. Позади нас шел его служебный «газик». Вдруг наши фары высветили перевернутую фуру на обочине шоссе. Мы остановили машины и бросились к грузовику. В его кабине слышался стон, по стеклам стекали струйки крови. Сначала мы попытались открыть дверцы, но их заклинило, а водитель был прижат сиденьем к потолку кабины. Орудя монтировкой и ломиками, мы пытались спасти молодого дальнбойщика, который стонал и просил нас о помощи. В конце концов нам удалось разбить лобовое стекло и вынуть из кабины пострадавшего.

Под утро, грязные и уставшие, мы поехали в солдатские бани отмываться. Потом выпили по стакану водки. Я до сих пор не могу забыть лицо Дубынина. Оно светилось. Он, как всегда, был сдержан и немногословен, но в глазах сверкала радость – мы спасли жизнь человеку...

Афганская война сделала его еще более совестливым, еще более требовательным по отношению к себе. Помню, как-то раз я приехал к нему в гости в Борисов, где он проводил последние дни своего отпуска перед возвращением в 40-ю армию. Мы беседовали на кухне до самого утра. Виктор Петрович был предельно откровенен со мной. Он говорил, что часто не может уснуть ночью — наплывают афганские воспоминания, перед глазами встают погибшие солдаты и офицеры. Виктор словно каялся и повторял:

– Я за каждого из них в ответе. За каждого!

Он уже тогда понимал, что необходимо быстрее выводить войска из Афганистана. Я сказал ему:

– Ну так в чем же дело?! Вот вы, военные, и выступите с такой инициативой!

Он недоуменно посмотрел на меня и ответил:

– Мы, военные, исполняем приказ. А политическое решение о выводе войск должны принимать политики, причем на самом верху. В Афганистане полно всяких дипломатов, советников, посланников, это их прямой долг подсказать верхам правильное кардинальное решение. Но что-то в этом механизме, видимо, не срабатывает...

В ту ночь я невольно обратил внимание на поседевшие вихры Дубынина и застывшую боль в его голубых, есенинских глазах.

Такую же боль я увидел в его взгляде несколько лет спустя. Мы встретились в Минске на сессии республиканского парламента Белоруссии. Только что наши российские коллеги приняли Декларацию о независимости России. В кулуарах Верховного Совета Белорусской ССР по-разному комментировали это московское известие. Виктор Петрович, как человек военный, отличался особой сдержанностью и осмотрительностью при обсуждении внутривполитических вопросов. Но тут и его, видимо, прорвало. Выбрал момент, когда мы остались одни, и сказал:

– Знаешь, Иван, мне кажется, эта Декларация о независимости России ставит крест на будущем Союза. Я чувствую: приближается агония ослабшей державы. У меня такое ощущение, что сейчас реанимировать Советский Союз так же сложно, как в начале 80-х прекратить войну в Афганистане.

Я возражал Виктору: не надо сгущать краски, у Союза есть еще запас прочности... Но Дубынин внимательно посмотрел мне в глаза, и я осекся. Мы оба понимали, что он был прав.

Позже Виктор Петрович избегал досужих разговоров на эту тему. Боль за рухнувшую державу носил в себе, и, мне кажется, она изнутри его подтачивала наравне с неизлечимой болезнью.

Дубынин был мудрым политиком, тонким психологом и надежным другом. Он обладал обаянием, но не жестким, как у Александра Лебеда, а мягким, которое никогда не выпячивал. И люди относились к нему с искренним уважением — от рядового трудяги-колхозника до депутата парламента.

Недавно мне удалось побывать в родных местах, где я когда-то председательствовал, где служил Виктор Петрович. То, что я увидел, потрясло меня до глубины души: бесхозные казармы, опустевшие гаражи... А ведь когда-то там стояли, несомненно, лучшие в Белоруссии, два танковых полка.

Я вовсе не милитарист, но мне было до слез горько видеть эти осиротевшие армейские строения. Честно говоря, я тогда подумал: слава богу, что Дубынину не суждено было это застать...

Кстати, сам Виктор Петрович, будучи командующим Северной группой войск, сделал все возможное, чтобы отстоять интересы нашей страны в очень непростой ситуации. Ему удалось с достоинством вывести войска из Польши. Причем, в отличие от того, как это происходило в Германии, в Польше этот процесс, можно сказать, прошел почти образцово. Я полагаю, во многом благодаря командующему.

Я знаком с десятками офицеров и генералов, но второго такого, как Дубынин, по складу характера, по личностному притяжению, по чистоте души, я не встречал. В этом смысле он уникален и тем, что нисколько не изменился за свою долгую и успешную армейскую карьеру. От командира полка до начальника Генштаба Виктор Петрович в этом смысле был как кремень: всегда исключительно порядочным человеком и на редкость внимательным к людям. Как жаль, что болезнь сразила его на взлете. Я уверен, он поднялся бы в своей славной государственной карьере на еще большие высоты. Однако судьба распорядилась иначе...

Проходят годы, но воспоминания о Викторе Петровиче не стираются в сердцах его друзей, сослуживцев, воспитанников — всех, кого жизнь свела с этим человеком. Петровича нет среди нас, но память о нем освещает нас, как свет погасшей звезды, все еще идущий к нам из другой галактики.

ЧЕЛОВЕК ИЗ СВЕТЛОЙ РОЩИ

Петр ПЕТУХ,

председатель горисполкома г. Борисова (80-е годы)

Мы познакомились в Светлой Роще. Мало кто о ней знает, а это ведь второе Бородино — свое Бородинское поле в Белоруссии, то самое место на Березине, где Барклай-де-Толли с русскими солдатами стояли насмерть в 1812 году и откуда погналы французоз окончательнo.

— Здорово было бы и нам здесь сделать панораму, как Бородинскую, хоть небольшую, — мечтал Дубынин.

Ему хотелось, чтобы о поле, где пращурь лежат, — а мы застали те времена, когда из речки Студенки еще таскали оружие тех времен, — чтобы о том поле не просто помнили, но чувствовали: свое, не чужое это — и раны, и слава.

Мы оба загорелись тогда этим проектом, строили планы. Обязательно, говорили, обновим Светлую Рощу. Чтобы уж на века...

Виктор Петрович был тогда командующим танковой армией в Борисове, а я — председателем горисполкома, и мы встречались практически ежедневно, звонили друг другу точно уж каждый день.

С ним было хорошо и надежно. Ему были интересны все люди, он любил общение и умел дружить. Светлый, добрый, очень ответственный за все на свете человек. Если и можно достичь чего-то в жизни, то только так — неспешно, неярко. Жизнь — это не стихия, не пожар... Надо быть спокойным, любить жизнь, иметь единомышленников и профессионально знать дело. Так он и жил — и в Светлой Роще, и в Борисове, и в Афганистане, и в Польше. Виктор многое успел повидать, хотя прожил всего 49 лет. Точнее говоря, не прожил — проработал. Он всегда работал.

Я видел его рядом с разными людьми, в том числе, к примеру, и с маршалами Советского Союза. Он не растворялся среди них. Однажды при мне очень спокойно защитил, не дал в обиду одного офицера, своего подчиненного, перед высоким начальством. Тут его самого начали отчитывать, а он командира полка своего

отстаивал, и голос не дрогнул. Судьба человека для него была важнее всего, и он отстоял офицера, не дал разжаловать, а в конце концов ведь прав оказался! Мне довелось потом встретить того офицера, он стал генерал-полковником на Дальнем Востоке, и все у него было хорошо. Уж он-то, я думаю, на всю оставшуюся жизнь должен быть благодарен Виктору Петровичу.

Он дарил мне книги, в основном мемуары, а я ему — разное оружие. Однажды вручил охотничий нож и спросил: «Копейка есть?» — «Зачем?» — «Чтобы все было хорошо у тебя». Он нашел одну монетку, да и то не нашу. Смеялся...

Иногда мы ездили на рыбалку. Виктор любил подшутить. Наловим рыбки, а он куда-нибудь спрячет — уплыла, мол. И сам хохочет громче всех... Легко с ним было.

...Как-то позвонил мне в два часа ночи с борта самолета: «Лечу над Беларусью, хочешь, сейчас сяду, встретимся?» — он летел из Польши. «О, ну конечно!» — «Да я уже над Смоленском...»

И из Афганистана звонил. При встречах был откровенен: «Что за войну мы ведем?»

Он не любил службистов и тех, кто унижал подчиненных. Берег огромную армию. От безалаберности берег, от ошибок. Переживал за каждого солдата, как за сына.

Плохо, когда у начальника развивается мания величия. У Дубынина даже намек на это не было. Никогда не подумаешь, что это командарм, если бы не форма. Мягкий, скорее, человек... Но стоило перейти к делу, как он тут же внутренне менялся. Выслушает подчиненных, а потом всего несколько слов скажет, но так, что нет нужды переспрашивать. И сам он был немногословен, и с ним не надо было тратить лишних слов.

— Получить полковника — повезло, получить генерала — счастье, — так он обращался к подчиненным, вручая погоны.

Он, когда уже в Киеве служил, пригласил нас с женой на свадьбу сына. Мы, конечно, поехали с радостью, мы любили бывать в этом доме: шумно,людно, родственники всегда рядом, Дубынины вечно кого-то опекали, принимали, помогали...

Перед избранием в депутаты Верховного Совета Виктор Петрович трижды побывал в Хотимске — это глубинка Могилевской области, самая бедняцкая в Белоруссии. С каждым из избирателей находил общий язык, хотя все помнят: в те годы бушевали страсти.

Однажды, в разгар споров с оппозицией, он вышел из машины, окруженной толпой. Был один. Настороженные, недобрые люди стояли вокруг. Вдруг какая-то девчонка запрыгнула на машину, задрала юбку и стала отплясывать прямо на капоте. Виктор Петрович не растерялся, возмущаться не стал, просто спокойно снял девчонку с машины: «Не надо так... Спасибо тебе». Обычное для него дело: успокоил всех, и дальше поехал.

Его кандидатура рассматривалась на пост министра обороны Республики Беларусь. Как знать, как все сложилось бы, если бы он был с нами...

Помню: красивый, высокий, подтянутый человек в шинели стоит в Светлой Роще. Он навсегда для меня — там.

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК

Егор ШАРИПО,
полковник

Я застал Виктора Петровича Дубынина еще в капитанских погонах, и майорские звездочки он впервые примерил при мне. В середине 70-х годов мы служили в одном полку в белорусском Полесье, в местечке Уречье. Я был заместителем командира полка по технической части, короче говоря, зампотехом, а Дубынин командовал батальоном.

Он выделялся на фоне других офицеров. Я про себя еще тогда, почти тридцать лет назад, отметил: этого майора ждет большое будущее. Сейчас вижу, что не ошибся. Только жаль, что жизнь у Виктора Петровича оказалась такой короткой. Он был как комета — не жил, а летел, пылая...

Когда Виктор Петрович командовал танковым батальоном, произошел, может быть, не выдающийся, но весьма показательный случай. Его батальон совершал марш во время тактических полковых учений. Дело происходило в заболоченном Полесье, осенью. И надо же было такому случиться, что командирский танк и две другие машины, следовавшие за ним, переправились по деревянному мосту через речку, а под четвертым танком настил рухнул. Хорошо еще, что сама машина не свалилась в реку. Но все равно — ЧП полкового масштаба.

Что делать? Комбат вправе был просить о помощи. Но Дубынин не растерялся: он сам нашел место для брода и не покинул его до того момента, пока последний танк батальона не преодолел водный рубеж. В результате батальон наверстал в пути потерянные минуты и в пункт назначения прибыл даже раньше намеченного срока. Кстати, затем на этих же учениях танки Дубынина образцово преодолели реку Березина под водой и отстреляли боевые стрельбы с оценкой «отлично».

На учениях «Западная Двина-81» Виктор Петрович уже командовал дивизией. И вот на торжественном построении, завершавшем учения, тогдашний министр обороны СССР Устинов удивился: уж как-то необыкновенно ровно выстроились танко-

вые ряды дивизии. Словно по линейке. Будто кто-то сверху, из вертолета, корректировал их построение.

На самом деле смекалистый Дубынин при подготовке к построению отдал приказ открыть нижний люк у каждого танка и вбить по центру колышки в землю. А затем настолько вышколил своих танкистов по этим колышкам, что к самому построению водители уже не только с закрытыми люками, а с закрытыми глазами могли бы поставить свои боевые машины точно на отведенные места.

Несколько лет прошло после тех памятных учений в Белоруссии, и судьба опять свела меня с Дубыниным. Правда, к тому времени я дослужился только до полковника, а он — уже до генерала. Дело было так. В составе комиссии Центрального аппарата Министерства обороны я прилетел в столицу Украины с целью проверки Киевского военного округа. Разумеется, в той делегации мне отводилась скромная роль. Поэтому я был страшно удивлен, когда меня у трапа встретил улыбающийся Виктор Петрович и пригласил в свой служебный автомобиль. На тот момент он был начальником штаба Киевского военного округа. Я смутился и, помнится, сказал, что, мол, у вас, Виктор Петрович, других забот хватает, вон, дескать, вместе со мной сколько генералов прибыло. А Дубынин по-дружески положил мне руку на плечо и ответил: «Генералы без внимания не останутся — там есть кому их сопровождать. А вы, Егор Васильевич, — мой учитель, так что позвольте вашему ученику подвезти вас до гостиницы, а по пути побеседуем, вспомним наш полк, Уречье...»

Не скажу, что между нами в полку были какие-то особые отношения, что я создавал ему, как любимчику, льготные условия. Нет. Все было как обычно. Иногда и доставалось комбату Дубынину от меня — за дело, конечно. Но Виктор Петрович понимал, что на службе иначе нельзя, да и замечания делаются, как правило, не ради придирки. Он был настоящим воином и внимательным, сердечным, заботливым человеком. Для меня это честь — то, что он называл меня не бывшим своим командиром, а учителем.

Увы, судьба распорядилась так, что учитель пережил своего ученика. Любимого ученика.

НЕПРАВДА, ДРУГ НЕ УМИРАЕТ...

Николай ЧЕРГИНЕЦ,
генерал-майор

«Интеллигентный полководец» — до встречи с Виктором Дубыниным мне бы даже в голову не пришло поставить рядом эти слова. Но он именно таким и был: военным интеллигентом. Человека, с ним незнакомого, могла сбить с толку его мягкость. Но те, кто работал с ним, — а я в Кабуле служил советником по линии МВД, — знали: когда было принято решение, Дубынин становился непреклонен. Понимал: от приказов, которые он отдавал, зависели жизни людей.

Однажды я вернулся с боевых и прямо с вертолета, в пыли, в грязи, зашел к Виктору Петровичу во дворец, где располагался штаб 40-й армии. Командующий сидел в кабинете. Лампа под абажуром горела на столе. Дубынин листал бумаги и не видел меня. А я стоял, замешкавшись, и не хотел ему мешать. И вдруг вижу, что глаза его как в пелене, как в тумане, — они меня не видят. Рассмотрел: слезы... Генерал в слезах!

— Виктор, что случилось, что с тобой?

— Давай по рюмке выпьем.

— Оказалось, он подписывал родителям похоронки. Выпили.

Каково мне? Что будет твориться в семьях? Моя фамилия — как символ их горя! — так сказал мне тогда Дубынин.

И еще одно воспоминание, с ним связанное, и тоже почему-то грустное. Однажды, уже после Афганистана, Виктор Петрович неожиданно позвонил мне в Минск: «Вот лечу в Москву, но хочу сесть в Минске, не возражаешь?..» Попытался шутить, но голос звучал необычно, чувствовалось, что настроение у него было невеселое... Он был с женой и дочкой Таней. Я обрадовался их приезду, конечно. Встретились, обнялись, расцеловались. Заказали столик в гостиничном ресторане, Дубынин попросил чего-нибудь горяченького, и мне зачем-то врезалась в память совершенно ненужная подробность: ему принесли солянку. Виктор говорит:

— Ты знаешь, дела мои плохи, еду в Москву, будут делать операцию, вот — прилетел попрощаться на всякий случай...

К счастью, время для «всякого случая» тогда еще не пришло. Спустя несколько месяцев, уже в Москве, мы ждали указа о назначении Дубынина начальником Генерального штаба. Павел Грачев обещал мне сказать первому, когда будет указ. Сидим с Виктором Петровичем, разговариваем. Звонит Грачев. Дубынин поговорил с ним и вдруг произносит: «Так точно, он у меня, товарищ министр». И дает мне трубку. И Грачев действительно мне первому сказал, что Ельцин указ подписал. Так мне довелось раньше всех поздравить Виктора Петровича с новой должностью.

...А однажды ночью раздался у меня звонок. Я поднял трубку и долго ничего не мог понять: шепот какой-то. Кричу: «Алё!» — в ответ шепот... И вдруг все же слышу:

— Это я, Дубынин, прошу, чтоб ты приехал в Москву...

Я наавтра выехал. Но опоздал...

На Новодевичьем кладбище было очень зябко, промозгло. Пришло много людей, мы стояли в толпе боевых офицеров- «афганцев». Дрожали все — и от холода, и от горя. Вдруг ко мне подошел порученец Грачева: «Срочно идите к трибуне, вас просит министр... От друзей».

Я смотрел на Виктора, лежащего в гробу. И не узнавал: так изменила его болезнь. И вот смотрел я на него, смотрел, и слова сами выговаривались: «Дорогой наш, родной друг и брат, Виктор Петрович, кто может ответить, сколько лет отняла у тебя та война? Сколько лет отняли те письма, которые ты подписывал, те похоронки?!.»

...Все время помню об Афганистане, о Викторе. Он для меня словно не вернулся с той войны.

ГЕНЕРАЛ ПО ПРИЗВАНИЮ

Игорь РОДИОНОВ,
генерал армии

Афганистан в середине 80-х — это сплошные боевые действия. Ни дня без боя... Дубынин был моим заместителем как раз по боевым действиям, моей правой рукой, моим ближайшим другом и соратником.

Когда я в 1985 году уезжал в Афганистан, меня пригласили в ЦК на беседу. Сказали: «Одна из ваших главных задач — сократить до минимума потери наших военнослужащих». А чтобы решить такую задачу, следовало исключительно взвешенно подходить к подготовке и обеспечению боевых операций. Избегать ненужной поспешности и не лезть напролом — без разведки. Непродуманные, неосторожные действия были тогда главной причиной наших потерь. Подразделения попадали в засады, подрывались на фугасах, на минных полях. Искусству воевать нас, конечно, обучали в военных училищах и академиях. Но практика заставила многое пересмотреть. Война на картах и в горах — разные вещи...

Обычно мы встречались с Виктором Петровичем в конце недели, когда он прилетал в Кабул из афганской глубинки. Всегда опрятный, подтянутый, собранный, он докладывал о ситуации. Иной раз я чувствовал, что, несмотря на внешнее спокойствие, внутри у Дубынина все кипит, он натянут как струна. При таких нагрузках человеку требуется разрядка, иначе долго так не выдержит никто. А разрядка в Афганистане одна — баня, но и там наши разговоры были все о том же — как выполнить поставленные задачи, как избежать потерь...

Мы быстро стали единомышленниками. Нас спаяли служба, решение сложнейших боевых задач, общие взгляды на стратегию военных действий. Вместе пришли к однозначному выводу, что 40-я армия должна выполнять те функции, которыми ее наделили изначально, а именно — нести охрану инфраструктуры страны, обеспечивать работу важнейших коммуникаций, объек-

тов общегосударственного значения. А регулярная афганская армия пусть сражается с вооруженной оппозицией. Нам следовало уйти от ширококомасштабных военных действий. Именно в этом и я, и Дубынин видели существенный резерв для снижения боевых потерь.

Это был исключительно ответственный человек. Равного ему по профессиональным качествам в 40-й армии тогда просто не было. Он выделялся сдержанностью, меткостью высказываний, продуманностью и глубоким смыслом почти каждой произнесенной фразы. Дубынин не любил пустых слов и высокопарностей, но при этом был настоящим интеллигентом и даже отчасти философом. Если Виктор Петрович улетал в очередную горячую точку, я знал: Дубынин все сделает так, как сделал бы я сам, окажись на его месте. Иметь рядом такого заместителя — мечта любого командующего армией, тем более воюющей. Я доверял ему полностью. Это был истинно русский боевой генерал. Генерал не только по чину и должности, а по призванию, если хотите, по таланту.

В конце концов для меня афганская командировка кончилась плохо: я тяжело заболел. Ощущение, помню, было таким, словно я в засаду попал, — так неожиданно подстерегла меня болезнь и вывела из строя. В Москве мне задали прямой вопрос: «Кого видишь вместо себя во главе 40-й армии?» К тому времени стало совершенно ясно, что обратно в Афганистан меня по состоянию здоровья уже не пустят. Поэтому на поставленный высоким начальством вопрос ответил однозначно: «Другой кандидатуры, кроме Дубынина, у меня нет». Когда вышел приказ, утвердивший его в должности командующего, у меня отлегло от сердца: я знал, что армия в надежных руках.

К тому времени Дубынин глубоко врос в управление боевыми действиями, если так можно выразиться, всеми корнями ушел в эту работу. Война поглощала нас целиком, требовала от каждого невероятной концентрации, высочайшей самоотдачи и даже самопожертвования. Не каждому такую ношу сдюжить. Дубынин тянул свою афганскую ляжку честно.

Еще я очень хорошо помню, как тяжело переживал Виктор Петрович каждую потерю. А потери, к сожалению, были, редкий день обходился без них. Темными душевными кабульскими ночами мы, случалось, поминали ушедших. В эти минуты Дубынин словно камень. Это был человек с ранимой душой и железными нервами. Он никогда не срывался, но немногие знали, какой ценой это ему давалось. Его потрясающая выдержка удивляла всех окружающих. Но что творилось у него внутри, — этого мы никогда не узнаем. Сгорел человек...

И для меня, и для Дубынина уже тогда, в 1985 году, было ясно, что ввод советских войск в Афганистан — огромная военно-

стратегическая ошибка. Мы жили и воевали с ощущением горькой расплаты за непродуманное роковое решение, принятое в верхах. У нас даже был такой тост: «За успех нашего безнадежного дела!» Да, мы честно исполняли свой долг, старались не ронять воинское и человеческое достоинство, стремились свести к минимуму потери. Но при этом хорошо понимали, что войска надо выводить, иного пути нет. В этом вопросе ни у меня от Дубынина, ни у него от меня секретов не было.

Я никогда не забуду, как он пришел ко мне в госпитальную палату, поздравил с удачной операцией, пожелал быстро поправиться, снова встать в строй. Мы обнялись, расцеловались. Мне кажется, то свидание на меня подействовало лучше, чем лекарства. Виктор Петрович умел, как никто другой, поддержать в трудную минуту, вселить уверенность, заразить оптимизмом... В эти минуты, казалось, солнечный зайчик залетал в палату, и на душе становилось светлее и радостнее. Вот такие ассоциации навеиваются той встречей с Дубыниным.

Есть у меня перед ним один долг. Своего боевого заместителя я представил к награде — к самому высокому советскому ордену. Дубынин этот орден заслуживал, как никто другой. Однако почему-то мое представление не прошло. Не знаю почему, могу только догадываться. Дело старое, а жаль. Может быть, сейчас, когда минуло 20 лет после смерти Виктора Петровича, найдут в архивах то представление и справедливость восторжествует?

Светлая, вечная ему память!

ТАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОМАНДИР

Махмут ГАРЕЕВ,

Президент Академии военных наук, генерал армии

Виктор Петрович Дубынин был на редкость талантливым человеком. Среди поколения военных, которые выдвинулись в восьмидесятые годы, таких, к сожалению, было немного. Дубынин выделялся из общего ряда — организаторскими способностями, глубоким знанием военного дела. Отличался он и исключительной порядочностью. Умел слиться с коллективом, но вместе с тем оставаться лидером. Таким и должен быть командир.

Мы познакомились, когда я командовал учебной дивизией в Белорусском военном округе. Он прибыл на должность командира роты и, как положено по уставу, представился мне. Первое впечатление, говорят, самое верное. Так или нет, рассуждать не берусь, но Дубынин сразу же показался мне собранным, подтянутым человеком. Чувствовалось во всем, что это — настоящий офицер. Хотя, в отличие от некоторых, не пытался произвести впечатление, выделиться. Но армия учит, среди прочего, быстро распознавать внутреннее существо каждого человека. Даже из короткой беседы.

Не скажу, что я тогда уделил ему много внимания — была обычная короткая беседа. Вскоре после этого я был назначен начальником штаба армии в Гродно, а он остался служить в дивизии. Вырос до командира батальона, полка, дивизии. Дивизией, я знаю, он командовал отлично.

Когда он стал во главе 40-й армии, я дважды, как заместитель начальника Генерального штаба, был в Афганистане и видел, как он действует в роли командарма. За все годы нашего пребывания там сменилось семь командармов, каждый был по-своему хорош, но среди всех них он выделялся какой-то особенной собранностью, деловитостью и конкретностью. И именно тогда, когда командармом был Дубынин, там шли самые напряженные боевые действия.

И нельзя не заметить, что благодаря полководческому таланту Дубынина эти боевые действия были наиболее эффективны-

ми, а потери — минимальными. В этом плане он был, можно сказать, учеником жуковской школы.

Историки спрашивали маршала после войны: какой вы теории придерживались — затухающей или незатухающей операции? Жуков отвечал: я не придерживался никакой схемы, я всегда исходил из того, какая конкретно обстановка складывается, чего эта обстановка требует. Жуков считал основным законом военного искусства соответствие решения конкретной боевой обстановке.

Эта конкретность подхода была и у Виктора Петровича. Он всегда находил целесообразное решение. Даже вопреки давлению на него вышестоящих начальников, которые, в принципе, ни за что не отвечали, но всегда были готовы советовать, указывать, наставлять...

Поражала и его огромная трудоспособность. Дубынин работал фактически круглые сутки. Его почти невозможно было застать в Кабуле — он все время был на позициях, на вертолете или в машине. Не сыщете такой точки в Афганистане, где бы он ни побывал. И это тоже жуковский принцип — обязательно все увидеть самому. Только так можно полностью учесть все детали и особенности конкретной обстановки, принять правильное решение.

Например, какая-то операция уже подготовлена, штаб готовит предложения по работе командующего: вот, мол, товарищ генерал, надо бы вам посмотреть планы дивизий, планы полков, разобраться, как подготовлена операция.

Дубынин внимательно выслушивал пожелания штабистов, но ехал сразу в роты и батальоны. Он говорил: если там все поняли, все хорошо сделали, значит, и наверху все хорошо сработали. Это очень похоже, кстати, на Черняховского. У него тоже не было каких-то там бесконечных заслушиваний, обсуждений, «принятых решений» и так далее. Он приезжал и начинал сличать карты командира артиллерийского дивизиона и командира мотострелкового батальона. Если данные о противнике сошлись, значит, все в порядке. Или заставит послать один-два снаряда за линию фронта. Если противник «откликнулся», как и было запланировано командирами, значит, они на верном пути, если нет — требует, чтобы разночтения были устранены. Ведь цена таких неувязок — человеческие жизни.

И Дубынин очень конкретно работал, без всяких признаков формализма при подготовке к операции танковых, мотострелковых, других подразделений. Тщательно готовил офицеров, солдат, которые только прибыли в Афганистан. Не посылал в бой, пока не были проведены с ними дополнительные занятия и тренировки. Хотя это, казалось бы, общеизвестные вещи, но он и эти общеизвестные вещи делал со свойственной ему конкретностью и последовательностью.

Перед выполнением боевой задачи тренировал подразделения примерно на такой местности, с воссозданием тех укреплений, которые есть у противника. Многократно тренировал и только затем посылал в бой. И надо сказать, это был очень грамотный и правильный подход к ведению боевых действий.

Я думаю, что он уже там, в Афганистане, изнутри себя сжег. Тому, кто не испытывал такую ответственность на своих плечах, трудно понять, какое нервное напряжение испытывает командующий армией. Виктор Петрович никогда не выдавал, каково ему приходилось. Были ведь там командармы, которые могли и попсиховать, понервничать и на подчиненных свое настроение сорвать, он — никогда. Были моменты, когда на него оказывался страшный нажим со стороны родного Министерства обороны, его представителей, которые там постоянно находились. Афганское руководство тоже пыталось воздействовать на командующего своими методами — все это огромный пресс, непереносимое давление. Он мог все это внутри себя переварить, пропустить сквозь свое нервное сито, но никогда не опускался до истерики, до крика на командиров низового звена, что нередко случалось при некоторых других командармах 40-й армии.

Ведь как бывало тогда? Например, в Москву уже доложили, что завтра начинается операция. Многие командармы, если уже доложено начальству, редко отваживались что-то там пересмотреть. А Дубынин приезжает на позицию, видит, там — туман. Пока еще действовать нельзя. И принимает решение приостановить операцию. На него начинают нажимать: почему, мол, сделал это без спросу? Почему не доложил, не получил разрешения, не согласовал? Он отвечает: пока согласуем, еще три тумана ляжет! Виктор Петрович, кроме всего остального, проявлял еще и большую самостоятельность, чем было принято в те годы.

Не пререкался, ни с кем не ругался, но всегда спокойно, молча делал свое дело. Так, как он его понимал. Поэтому и пользовался очень большим авторитетом и среди своих офицеров, и среди афганцев. Зато не все у него ладилось с приезжающими да проверяющими, а туда наездов было много, и каждый торопился выдать очередное руководящее указание. Он все это терпеливо сносил и оставался при своем мнении. Короче говоря, я считаю, в Афганистане это был лучший командарм!

Мы работали вместе с ним и тогда, когда афганская война стала уже историей.

Это был очень интересный этап в жизни нашей армии: мы начали осваивать автоматическую систему управления войсками. АСУ требовала детального совершенствования техники управления. Резко поменялись технические и технологические требования ко всей системе управления. Дело было абсолютно новое, очень много возникало всяких неясностей. Пока, кстати, мы не

подключили к этому процессу генерала Дубынина, который был тогда уже командующим 7-й танковой армией в Белоруссии.

Многие генералы ворчали тогда: что за новости? Как привыкли, так и надо управлять! Не обращая внимания на эти стоны, мы с Дубыниным подготовили показательное занятие для руководящего состава всех округов и флотов, как с помощью АСУ управлять войсками по-новому. Там были командующие и еще шесть-семь человек от каждого округа: начальник штаба, начальник оперативного управления, артиллерист, авиатор и так далее. Ну и все академии наши, руководящий состав Министерства обороны...

Виктор Петрович смело говорил, хотя это многим не нравилось, что мы со своими устаревшими методами управления никогда АСУ не освоим. У нас очень громоздкая документация. Еще после гражданской войны у нас командирам, как буржуазным военным специалистам, не всегда доверяли, требовали каждый шаг фиксировать на бумаге. В Российской армии, кстати, этот принцип до сих пор еще живет — на каждый чих писать пустомельный документ. Словно это не войсковые приказы, а решения съездов партии!

Можно же указать в двух словах: например, дивизии такой-то атаковать в таком-то направлении, к такому-то сроку выйти на такой-то рубеж... Нет, у нас начинают расписывать: «решительно перейдя в наступление, стремительно наращивать усилия...» Накручивается очень много, а это все загружает память машины, не дает возможности обработать полезную информацию. В результате — тормозится процесс управления.

Он, как опытный командарм, предложил выбросить то, что никак не влияет на процесс управления. Упростить работу командира до предела. Я руководил подготовкой этого занятия, а Дубынин выступал в роли командарма, и мы несколько месяцев отработывали, формировали разные варианты.

И, должен сказать, он не был тут в роли подопытного кролика, а ко всему подходил творчески. Благодаря его настойчивости, его уму, умению проникнуть в суть вопроса мы вынуждены были многие наши генштабовские взгляды пересмотреть, согласиться с ним. А он, если видел, что мы что-то толковое предлагали, поддерживал нас.

Очень умный, толковый был человек. Когда-то Белинский писал Герцену: «Александр Иванович, у вас столько ума, столько ума, что я даже не знаю, зачем его столько одному человеку».

После нашего занятия я повторил эти слова Дубынину. Он, конечно, засмеялся, но я и сегодня считаю, что это был один из умнейших людей в нашей армии. И когда спустя несколько лет после этого Виктор Петрович стал начальником Генерального штаба, я был этому искренне рад. Он не стал рубить сплеча, сра-

зу все ломать и перестраивать, как тогда было модно: взгляды на военную реформу были примерно такие же, как сегодня. Но он, как всякий умный человек, исходил из того, что надо менять систему. Раз Вооруженные силы новые, обстановка новая, значит, нужна и абсолютно новая система военного строительства. А где ее взять при той нищете, в которой прозябала армия, при том руководстве страной и Вооруженными силами, которое было в те годы?!

К сожалению, ему не хватило времени, чтобы осуществить все, что им было задумано. Мы часто встречались тогда, обсуждали, спорили... Судьба отвела ему очень короткий отрезок жизни, а размах работы был такой, что в считанные месяцы не разберешься с тем грузом проблем, которые накопились. И на должности начальника Генерального штаба он вновь, как и в Афганистане, работал круглые сутки, не жалея себя.

По общему мнению, генерал армии Виктор Петрович Дубынин был лучшим и наиболее талантливым командующим из числа военачальников, прошедших афганскую войну. Полагаю, он был лучшим и из начальников Генерального штаба за всю постсоветскую историю, он действительно внес большой вклад в развитие военного дела в нашей стране.

Дубынин по праву заслуживал высшей воинской награды — звания Героя России. По разным причинам тогда он эту награду не получил. Справедливость восторжествует, если сейчас боевому генералу за проявленный личный героизм и умелое руководство войсками присвоят это высокое звание.

ОН СПАС МНЕ ЖИЗНЬ

Владимир ИСАКОВ,
*заместитель министра обороны России —
начальник Тыла Вооруженных сил России,
генерал армии*

Виктору Петровичу Дубынину я обязан жизнью. Поэтому и отношение у меня к нему особое.

Судьба связала нас в 1984 году, когда я приехал служить в Афганистан в должности заместителя начальника тыла, а он был тогда первым заместителем, впоследствии — командующим 40-й армией.

За два года мы с ним прошагали, проехали, пролетели через весь Афганистан. Бывали в разных ситуациях и обстоятельствах — и трагических, и забавных. Вместе прошли десятки боевых операций. Но что интересно: сегодня, когда вспоминаются эти дни и месяцы, на память чаще приходят не подробности исторических событий, а эпизоды, казалось бы, второстепенные, незначительные. Но из них ведь и складывается жизнь...

Однажды сидели с ним под Гардезом. Недели три. В открытом поле. Жарко, под сорок пять в тени. Ни помыться, ни постираться. Я ему и говорю:

- Виктор Петрович, разрешите нам в баню слетать в Кабул!
- Это на чем же?
- Да есть тут один вариант...

А дело в том, что с рассветом к нам прилетал вертолет главкома войск Южного направления Михаила Митрофановича Зайцева. День он проводил с нами, а вечером, с последними лучами солнца, возвращался. Ну, мы и схитрили: дали команду летчикам задержать одну машину: ведь вертолеты в Афганистане всегда летали парами. Зайцев, прощаясь, спрашивает строго:

- Почему только один вертолет?
- Второй сломался, товарищ генерал армии! Неисправность.

К утру будет ликвидирована!

Он и улетел. Часа через два мы по-тихому, не включая сигнальных огней, поднялись и полетели в Кабул — в баню. Помылись и так же в темноте улетели назад, чтобы до прилета Зайцева быть на месте...

Нет, на любой должности и при всей своей сдержанности Виктор Петрович не был «сухарем», таким, знаете ли, «правильным» генералом из учебника по истории.

Жили мы с ним на окраине Кабула в одном доме. Я с начальником штаба тыла на первом этаже, он — на втором. Это был двухэтажный кирпичный дом на территории штаба армии. Назвать это домом в полном смысле слова было бы, конечно, некоторым преувеличением. Походные, в общем, условия, как и у всех старших офицеров... Но мы и бывали там редко.

В ту пору в Афганистане шли весьма частые боевые действия. Только заканчивалась одна операция, сразу же начиналась подготовка к следующей. На долю Дубынина как зама по боевым, а потом как командующего выпал пик интенсивности боевых действий в Афганистане. 1984–1985 годы — самые что ни на есть «аховые». Случалось, мы по две-три недели находились при штабе временной группировки, созданной на период боевых действий. Жили и спали в кунгах. А когда выпадали затишья, бывало, сидели с Виктором Петровичем за чаем, вспоминали о Родине, о доме. Мечтали.

Он иногда рассказывал о своей жизни. Оказалось, его мучила, как заноза, одна мысль: он ведь родился за колючей проволокой. Тогда это называлось — «сын врага народа»... Меня это, признаться, потрясло. Ведь его отца, металлурга по профессии, «компетентные органы» за что-то непонятное отправили на Урал, как и тысячи других ни в чем не повинных людей. И 1 февраля 1943 года он там, на поселении, и родился. Он тяжело, видимо, по этому поводу переживал. Хотя в особенные подробности никогда не вдавался. Только однажды, в каком-то ночном разговоре, у него это вырвалось — как крик души.

Он был абсолютно бесстрашным человеком. Сначала проверял дорогу сам, только потом отправлял по ней караваны или посылал бойцов. Не раз сам поднимался на вертолете над районом боевых действий, чтобы оценить обстановку и принять решение, хотя, строго говоря, необходимости в этом не было: просто такой у этого человека был характер. У него даже любимое место было в вертолете — между пилотами. Садился, надевал шлемофон, а карту — на колени. Сам всегда просчитывал путь. Нам приказывал надевать парашюты, а сам никогда не надевал. Ну и мы, конечно, тоже не надевали.

Многих поражало его хладнокровие. Он действительно умел держать себя в руках при любых обстоятельствах. Но те, кто работал с ним бок о бок, знали: была у него одна особенность, по которой можно было легко догадаться, что творилось у него на душе. Когда он очень волновался, у него менялась интонация голоса, немного картавить начинал. И надо было привыкнуть к этой манере, чтобы понять, что он от тебя хочет.

В ту пору командиром 108-й баграмской дивизии был генерал Василий Иванович Исаев. К сожалению, он погиб впоследствии... Он, бывало, обращался к нам как к переводчикам. Говорит: получил приказ, но что-то прослушал, чего-то недопонял, а переспрашивать неудобно было. Вот и звонил Исаев к нам на командный пункт уточнять: мужики, повторите точно, что мне Дубынин приказал?

Но зато уж когда Виктор Петрович серчал, то умел отчитать так, что виноватый был готов сквозь землю провалиться. В 1985 году меня рекомендовали на учебу в Академию Генерального штаба. И вдруг полковник Магда, начальник политотдела, который невзлюбил меня за что-то, вмешался. Доложил по инстанциям, что я, мол, недостаточно занимался марксистско-ленинской подготовкой. А какая там подготовка — я ведь почти все время на боевых... Я, конечно, расстроился, узнав об этом. И попался на глаза Виктору Петровичу.

— Ты чего? — спрашивает.

Я говорю:

— Да вот, Магда не подписывает партийную характеристику. Говорит, что я пропустил много занятий по марксистско-ленинской подготовке.

Я присутствовал при том, как Дубынин по телефону высказывал политработнику все, что он думает по поводу моей марксистско-ленинской подготовки и идейной зрелости. Не хотел бы я в тот момент оказаться на месте полковника!

Но Виктор Петрович умел заботиться не только о своих ближайших друзьях и сослуживцах, но и о солдатах. Три шкуры снимал за неоправданные потери, переживал очень, когда получал очередную сводку о раненых и убитых в боях. Все делал, чтобы спасти людей, которые попадали в плен. Однажды во время боевых действий в районе Саланга мы захватили несколько мешков с афгани — местными деньгами. Дубынин приказал:

— Все пересчитать, документально оприходовать и использовать только на выкуп пленных!

Легко с ним служилось даже там, в Афганистане. Он очень тщательно подбирал людей, умел доверять им, формировал команду. А когда работаешь в одной команде, это здорово.

В апреле 1986 года Виктор Петрович стал командармом. Как раз тогда планировались очень серьезные боевые действия на Парачинарском выступе — это горный район юго-западнее Кабула, он как бы вдается в Пакистан. Там-то и проходил кратчайший путь из Пакистана, по которому «духи» доставляли снаряды, зенитные управляемые ракеты, другое оружие. Было принято решение разгромить их базовые районы.

Мне же к тому времени уже пришлось распоряжение ехать поступать в Академию Генерального штаба. А у нас там ведь

такое поверье было: перед отъездом домой на войну лучше не ходить. И ведь что удивительно, не на пустом месте эта традиция возникла. Многие боевые офицеры, которые полтора-два афганских года прошли без единой царапинки, погибли буквально за несколько дней перед возвращением домой. Так что я для себя решил: от участия в операции на этот раз воздержусь.

Накануне перед отлетом в район командного пункта на Парачинарском выступе я подошел к Дубынину. Считал, что за эти два года мы с ним близко сошлись, понимаем друг друга с полуслова. Говорю ему:

– Виктор Петрович, какое-то чувство у меня неприятное, неспокойно на душе. Лететь не хочу.

А он поворачивается в полголовы и отвечает:

– Что ж, если боишься, не лети.

Ну как после таких слов остаться?! А Виктор Петрович мне говорит:

– Ты же со мной два года на войну ходил, мне с тобой надежнее. Давай еще раз напоследок!

В общем, деваться мне было некуда. 15 мая мы вылетели в район боевых действий. И угодили в самое пекло!

Наш вертолет сел на высокогорную площадку, где как раз разворачивался штаб группировки. Первый раз моджахеды ударили туда накануне вечером из реактивных установок, но находившиеся там офицеры не придали этому особого значения. Решили: совпадение, случайность. А оказалось — место было пристрелянным. На следующий день, как раз к нашему приезду, по командному пункту был нанесен массированный артиллерийский удар. Человек десять на КП было ранено сразу. Небо — в разрывах, площадка — в дыму.

Я тоже был тяжело ранен, даже трудно объяснить — куда. Легче сказать, что осталось у меня тогда невредимым, — двадцать две «дырки» насчитали потом в теле. На языке военных медиков это называлось: «множественные осколочные ранения правой стороны тела — гемапневмоторекс». Это означает: проникающие ранения грудной клетки, брюшной полости и так далее — по всему учебнику анатомии.

Шанса выжить при таком ранении — практически никакого.

Вызвали авиацию, чтобы эвакуировать раненых. Но летчик, увидев, что творится на площадке, передал по радиации:

– Посадка невозможна, я возвращаюсь на базу.

Винить его, в общем, нельзя. Вертолетчики в Афганистане обычно все делали, чтобы спасти людей. На таких высотах воевали, с таких площадок забирали раненых, что мы только диву давались. На этот раз риск погибнуть, потерять экипаж и машину действительно был очень велик. А счет моей жизни уже шел

на минуты. В горах, в полевых условиях, при таком ранении медики помочь мне ничем не могли.

И тогда Дубынин буквально заставил летчика сесть под кинжальным огнем. Дал предупредительный выстрел из «Шилки» и прокричал в микрофон командиру экипажа:

— Если не сядешь, я тебя сам собью!

Это мне потом уже рассказали. Я-то в ту пору ничего уже не соображал и не чувствовал. «Духовские» артиллеристы, когда меня уже несли к вертолету, мне ведь еще осколков добавили...

Вот так Дубынин спас мне жизнь. Тем, что до сих пор дышу, живу, служу, — обязан, считаю, ему.

Рассказали мне и о том, что Виктор Петрович неоднократно запрашивал по радио у начальников разрешение открыть огонь по тому месту, откуда по нам стреляли. А это была территория Пакистана. Никто, конечно, дать добро не решался. И тогда он на свой страх и риск отдал команду открыть огонь.

Сегодня трудно представить, что это означало — самостоятельно дать такую команду, когда Москва молчит. Но Дубынин этим и отличался: он умел принимать решения, а если надо было — отвечать за них.

Тогда все обошлось: Пакистан промолчал. А ведь если бы появилась нота протеста, что было очень даже вероятно, то судьба Виктора Петровича тут же была бы решена. Вот из-за таких эпизодов, я думаю, в его медицинском диагнозе и было записано: «заболевание — рак, полученное во время прохождения службы в Афганистане».

Такие сильнейшие нервные потрясения, как тогда, на Парачинаре, ни для кого не проходят бесследно. Тем более когда ты — командующий, когда ты лично отвечаешь за судьбу и жизнь многих тысяч людей. Отвечаешь не только перед начальством, но, в конечном счете, — перед самим собой, перед собственной совестью.

Когда закончились эти боевые действия, Дубынин приехал ко мне в Кабульский госпиталь. Мы остались в палате вдвоем. И он, вспоминая мои сомнения перед отлетом на операцию, сказал мне:

— Извини, что я тебя тогда не понял.

У меня, признаться, тогда комок к горлу подкатил... С тех пор мы с ним крепко дружили.

В Афганистан я уже не вернулся. Меня сначала основательно подштопали в Кабульском госпитале, потом отправили в Москву, а там новые операции, потом еще и еще... После окончания Академии Генштаба я получил назначение на Украину, в 1-ю Черниговскую армию. И через некоторое время, к моей радости, начальником штаба округа приходит В.П. Дубынин, а затем командующим войсками Киевского военного округа становится Борис Всеволодович Громов.

Мне посчастливилось восемь месяцев прослужить вместе с ними. Именно так — посчастливилось... Но служба есть служба: вскоре я оказался в Германии, а Виктор Петрович был назначен командующим Северной группой войск.

Я хорошо понимаю, почему Павел Сергеевич Грачев, когда стал министром обороны, именно Дубынина пригласил на должность начальника Генерального штаба. Не было в ту пору для этой должности кандидатуры лучше, достойнее. Сочетание полководческого таланта, высокого интеллекта, способности мыслить стратегически и при этом отменных человеческих качеств — такое в нашей жизни встречается нечасто. У Дубынина все это было в избытке.

Когда Виктор Петрович был вызван к Грачеву на первую беседу в Москву, он залетел за мной в Германию. Мы о многом говорили тогда, у него были очень точные мысли по строительству новой Российской армии, масса планов по поводу того, что и как необходимо делать в первую очередь. Жаль, он не успел эти планы осуществить...

Он знал, что смертельно болен. И шел на эту должность, сознавая, что времени для работы у него немного. Павел Сергеевич Грачев рассказывал мне, как много Дубынин успел сделать, как сплавивал заместителей, как помогал объединять в одну команду очень непростых людей.

Виктор Петрович был сильной личностью, одним из тех людей, которые себя жалеть не умеют. Интересы Вооруженных сил, государственные интересы всегда были для него выше собственных. Все без исключения, кто служил под его началом, относились к нему с глубочайшим уважением.

Я горжусь тем, что был его другом. Что до сих пор считаю себя другом его семьи.

Дочка Виктора Петровича Татьяна — сегодня лейтенант, она закончила юридический факультет Военного университета, вышла замуж. Сын Юрий — в прошлом танкист. В свое время он служил в Западной группе войск, дошел до командира батальона. В силу различных причин после смерти отца уволился из армии. Сейчас тоже в Москве.

Проходят годы, быстро летит время. Много меняется в жизни. Но все, что связано с Виктором Петровичем, для нас свято и незаблемо. Он всегда с нами.

Два раза в году по зову сердца друзья и товарищи собираются, чтобы вспомнить его, почтить память.

Такого командира, человека забыть невозможно...

ВСПОМИНАЮ О НЕМ С ГОРДОСТЬЮ

Валентин ВАРЕННИКОВ,
*Президент Ассоциации Героев России,
генерал армии*

В нашем офицерском сообществе за долгие годы службы мне не слишком часто, но все же встречались очень яркие люди, о которых я вспоминаю с гордостью за российскую, русскую армию. Виктор Петрович Дубынин, без сомнения, относился к категории таких людей.

Мне довелось служить вместе с ним в Афганистане, когда я возглавил представительство нашего Министерства обороны в Кабуле. В то время Виктор Петрович был заместителем командующего 40-й армией, на него возлагалась организация абсолютного большинства операций, которые проводила армия. И самые сложные, самые тяжелые и в то же время — самые успешные операции проводились именно Дубыниным: на Парачинарском выступе, в Панджшере, Хосте, Джелалабаде и в Кунарском ущелье шли очень напряженные, тяжелые бои. Он всегда стремился выполнить боевую задачу малыми силами, с минимальными потерями. Говорю как свидетель и непосредственный участник этих событий: он делал все для того, чтобы избежать потерь.

Начиная с 1985 года, мы изменили стратегию и подход к решению военно-политических проблем внутри страны, а в связи с этим и тактику действий наших Вооруженных сил и Вооруженных сил Афганистана. Эти изменения состояли в том, что боевые задачи в основном решались афганцами, а наши войска поддерживали их. Конечно, это не всегда получалось, не все шло гладко, боеспособность и выучка афганской армии была не на высоте. Афганцы допускали и очевидные ошибки. Не могу исключить, что подобные «ошибки» они нередко допускали умышленно.

И все же, взяв курс на национальное примирение и применяя эту новую тактику, мы сумели существенно, в полтора-два раза по сравнению с предыдущим периодом, снизить количество потерь личного состава. Уменьшились потери и среди афганской армии, и среди мирного населения.

Виктор Петрович проявлял удивительную активность и находчивость как командующий армией. Он умело организовывал боевые действия, взаимодействуя с афганцами и применяя наши подразделения.

Он многому научился у своего предшественника на этом посту — Игоря Николаевича Родионова. Родионов был очень хорошим командующим 40-й армией. Он — педант, в лучшем смысле слова, в том, что касается организации службы войск, работы аппарата военного совета и управления армией. Он очень хорошо наладил подготовку боевых операций, которые до него зачастую проводились с бухты-барахты. Родионов скрупулезно готовился к боевым действиям, собирал командование и на большом макете местности, который был устроен в штабе, проигрывал все детали предстоявших боев.

Когда Родионов вернулся в Союз, Дубынин стал ему достойной заменой. Мы даже были рады тому, что у московского начальства не было никаких возражений против его кандидатуры: его утвердили сразу же. Это говорило о том, что у военного руководства страны сложилось о нем правильное впечатление. И афганские власти, и все представительства наших министерств и ведомств в этой стране — КГБ, МВД, посольство — тоже хорошо восприняли его назначение.

Что же касается Виктора Петровича, то назначение на новую, более высокую должность нисколько не изменило его в человеческом плане, как это порой случается с некоторыми людьми. Дубынин остался таким же. Разве что работать стал еще напряженнее, потому что понял: от него теперь требуется еще больше, чем прежде. И он выкладывался, работал без устали, воевал как положено.

А самое главное, у него всегда и все получалось. Где бы он ни появлялся, какую бы должность ни занимал, у него всегда начинал прекрасно работать коллектив. Никаких интриг и чисток, никакой подковерной борьбы, никаких обвинений в адрес предшественников. Всегда говорил: то, что было сделано, это хорошо. Но мы с вами обязаны сделать еще лучше. Мне это особенно импонировало, потому что я и сам придерживался таких же принципов.

Помню, я прилетел к нему на Парачинарский выступ. Он меня по телефону отговаривал:

— У нас тут очень напряженно, идут тяжелые бои. Может быть, отложите вашу поездку? Прилетите попозже.

— Нет, — отвечаю, — я решил, прилечу сейчас.

И действительно: прилетаю, а площадка, на которой надо было приземляться, очень жестко обстреливается. Все в пыли, не видно ничего, вертолет сел с большим трудом. Смотрю, два человека стоят неподалеку в касках и бронежилетах. Не пойму, кто такие? Выбегаю и быстренько к ним. Оказывается, это командарм и его ближайший соратник, начальник оперативного отдела. Мы с ними

сразу отправились на командный пункт. Кстати, в Афганистане в оперативном отделе армии всегда были очень сильные, грамотные и опытные офицеры. В частности, Чуркин, Зиневич.

Дубынин детально, дотошно доложил мне по всей ситуации, которая сложилась на Парачинарском выступе. Оказалось, он досконально знал возможности и способности каждого нашего подразделения, имел полную информацию о противнике, о том, что ожидается в ближайшие часы. Войсковая разведка у него работала отлично, помогала и агентурная сеть, организованная Главным разведывательным управлением и Комитетом госбезопасности... Мы с командующим подробно все разобрали, и я понял, что судьба операции в надежных руках, что все тут будет доведено до конца, как и требуется. И не ошибся.

Дубынин очень умело руководил армией. Часто некоторые большие начальники, вместо того чтобы принять решение, любят поволыннить: это, мол, надо проработать, это надо изучить, согласовать, завизировать и так далее... У Дубынина все сразу решалось на месте, без всяких проволочек. Я бы сказал, и, думаю, в этом нет преувеличения: он был чем-то похож на Жукова, во всяком случае, у него был тот же стиль, тот же почерк.

Это был умный, глубоко мыслящий, талантливый генерал. И спасибо ему за то, что он успел сделать. Я радовался и в то же время переживал, когда он стал начальником Генерального штаба. Генштабовскую работу я все же знал не понаслышке: был в свое время начальником Главного оперативного управления, работал под началом маршала Огаркова. Но чтобы в такое время принять Генеральный штаб? Кошмар. Наша беда, горе, несчастье. Не скрою: я был обеспокоен, справится ли Виктор Петрович в этой тяжелой ситуации?

Но, будучи человеком умным и правильно ориентируясь, Дубынин многое успел сделать за то недолгое время, которое отвела ему судьба на этом посту. Независимо от всех объективных трудностей того времени, ГШ под его началом дал новый импульс для жизни наших Вооруженных сил.

Жаль, мало ему удалось побыть в этой должности, сгорел он, сгорел на работе. Правда, он много курил, на что я ему постоянно указывал и даже просил, чтобы он прекратил курение. Но, наверно, труд, напряжение высокое ему не позволяли от этой привычки отказаться...

Едва ли найдется кто-нибудь — не только среди военных, но и среди гражданских лиц, которые сталкивались с ним по долгу службы, — кто хоть в чем-то мог бы упрекнуть Виктора Петровича Дубынина. И хотя уже довольно много прошло времени после его смерти, я искренне говорю ему спасибо за все, что он сделал. Редкостный он был человек.

Он не стал, к моему сожалению, Героем России. Но уж кто-кто, а Виктор Петрович Дубынин этого звания, безусловно, достоин.

ПЕДАГОГИКА ПАНДЖШЕРА

Александр ПРОХАНОВ,
писатель

Мы встретились с Дубыниным в Панджшере в нелегкие для нашей армии дни. Шла операция: подразделения советского воинского контингента пытались выбить из этого стратегически важного ущелья моджахедов Ахмад-шаха Масуда.

И вдруг — все застопорилось. Партизаны взорвали так называемую «полку» — часть горы, которая возвышалась над дорогой, тянувшейся вдоль по ущелью. Афганские подразделения, располагавшиеся за взорванным участком, были отрезаны и разбиты. Движение по ущелью стало невозможным. Остро встал вопрос о восстановлении контроля над утраченными позициями. Было необходимо помочь афганцам восстановить посты и закрепить вдоль трассы. А для этого требовалось во что бы то ни стало «пробить» эту обрушенную «полку» и протащить сквозь завалы военную технику, «горючку», боеприпасы, продовольствие.

Но сделать это оказалось непросто: у дороги, рядом с завалом, находилась огромная скала сиренево-розового цвета. Внутри нее, как в головке сыра, было около двадцати дыр — пещер, а в них «духи» установили с десяток крупнокалиберных пулеметов ДШК. С помощью этого мощного оружия они и преграждали путь в ущелье.

Чтобы подавить огневые точки и взломать укрепленный рубеж обороны, к этой «сырной» горе на прямую наводку выходили наши танки. На скалу обрушился шквал снарядов. Но все было тщетно. Моджахеды очень продуманно оборудовали свои огневые точки. Тяжелые пулеметы они установили на металлические рельсы и во время обстрела откатывали ДШК в глубь пещер. А когда танки отходили, они снова выдвигали их к скальным амбразурам.

Наши войска уже несколько дней штурмовали эту проклятую гору и несли серьезные потери. В операции участвовали и танкисты, и десант. Саперы пытались разминировать подходы к обрушенному участку и расчистить бульдозерами завал на трассе.

А по ним из пещер нещадно лупили пулеметы...

И вот туда, в Киджоль, прибыл Дубынин, тогда — заместитель командующего армией. Я был рядом с ним в тот день и запомнил его навсегда. Стояла жара. Мы приехали в район боевых действий около полудня. Остановились на пшеничном поле. Хлеба стояли неубранными и уже осыпались. Пшеница, яркая, ослепительно золотая, обреченно гнила под пронзительными лучами палящего солнца.

В одном из полуразрушенных кишлаков располагался командный пункт, откуда велось руководство операцией. Здесь же находились полевой лазарет и тыловые службы. Сюда, во второй эшелон, отходили танки, чтобы пополнить боезапас и дозаправиться топливом. Причем когда наши стальные машины приходили с передовой, то они напоминали каких-то фантастических чудищ: утыканные сердечниками пуль от ДШК, которые вонзались в броню, словно гвозди в пластилин, танки становились похожими на ежей-инопланетян.

После оперативного совещания с командиром дивизии Дубынин отправился со своей свитой в лазарет, где лежали раненные. Он по-отечески подходил к ним, подбадривал, успокаивал, а иногда просто молча, понимающе смотрел на бойцов, как на своих сыновей. И его глаза светились болью и состраданием. В лазарете стоял неприятный сладковатый запах крови. Дубынин был похож на Данте, идущего сквозь один из кругов ада. А вслед за ним двигалась его свита. Я видел, как мучительно было этим уже немолодым штабным офицерам смотреть на страдания солдат и офицеров, на кровь и раны. Но, кажется, Дубынин намеренно привел их сюда: смотрите, запомните, почувствуйте боль тех, кто выполняет разработанные в штабах боевые операции.

После этого генерал пригласил своих штабистов в бронетранспортер. И мы отправились на передовую. Мы видели, как из всех танковых орудий велся прицельный огонь, как в скале появлялись ослепительные вспышки, сопровождаемые грохотом обвалившихся камней. Потом наш БТР по команде Дубынина миновал позицию, занятую танками, и приблизился к зловещей скале. Я невольно обратил внимание на то, как сразу занервничали сидевшие рядом офицеры. На лицах некоторых из них выступили капли холодного пота.

Дубынин шел на риск. Возможно, и не требовалось подставлять под пули всю эту свиту, он мог и один оценить ситуацию или направить сюда других, младших по званию офицеров. Но мне показалось тогда, что Виктор Петрович сделал это намеренно. Он хотел, чтобы штабники понюхали пороха, оказались в ситуации реального боя. Он исходил из того, что только так можно воспитать настоящего, с большой буквы, Командира. Команди-

ра, который будет ценить жизнь своих подчиненных, владеть реальной боевой обстановкой, воевать не числом, а умением, принимать нестандартные решения в условиях боя. Психологию настоящей войны нельзя постичь лишь по лекциям и учебникам. А без этого любая штабная разработка — лишь мертвый кусок аккуратно расчерченной бумаги.

Я видел, как Дубынин оглянулся, почувствовал нервную напряженность в глазах своих подчиненных. Он ободрил всех нас и дал команду развернуть бронетранспортер, возвращаться к командному пункту. «Экспедиция» закончилась.

Это был урок из педагогики афганской войны. Потом в разговоре со мной Виктор Петрович подтвердил мои догадки. Он действительно хотел, чтобы офицеры, которые разрабатывают операции, понимали не абстрактно, а через свой собственный опыт, что такое «планируемые потери» и каково «сынкам»-солдатам выполнять спущенные из штабов боевые задания.

На войне легко стать циником с дубленой, почти пуленепробиваемой кожей. Особенно опасна эта зараза в среде штабных офицеров. Вот в качестве профилактической прививки против такой болезни Дубынин и организовал, говоря сухим армейским языком, посещение штабистами военно-полевого лазарета и рейд на бронетранспортере под обстрелом противника.

Между тем в Киджоле ситуация не менялась: огневая мощь танков и авиации не могла вынудить моджахедов покинуть свои позиции в «сырной» горе и отступить. Формирования Масуда по-прежнему удерживали обрушенную «полку» и сохраняли контроль над отрезанной зоной Панджшера. Тогда в штабе родилась идея высадить вертолетный десант. Так в конце концов и поступили. Задача десанта была захватить господствующие высоты по ту сторону «сырной» горы, оттуда спускаться и уничтожать «духовские» опорные пункты. Тем самым десантники расчистили бы фронт наступления и под угрозой полного окружения моджахеды были бы вынуждены оставить свои позиции в пещерах и ретироваться.

Однако, прежде чем был отправлен десант, Дубынин и его помощники не теряли надежду найти какой-то неожиданный и относительно бескровный способ выкурить моджахедов из зловецких дыр. Были предприняты своего рода психические атаки с воздуха с помощью вертолетов. Противник свои позиции удерживал, однако был явно сбит с толку. «Духи» готовились к повторению таких атак и обстрелам из танковых орудий, а в это время с тыла по ним ударил десант...

Мне врезался в память тот вечер после жаркого, потного, кровопролитного дня сражений. В свете заходящего солнца зловецкие серые горы превращались в разноцветные нагромождения: золотые, фиолетовые, сиреневые, лазоревые, розовые, алые, ма-

линовые... Мы с Дубыниным спустились к вечерней реке, оба разнулись, зашли в воду, ощутив сладостный холод, ополоснулись, утолили жажду.

Выйдя на берег, увидели, как мимо нас проплывают какие-то ошметки: фрагменты камуфляжа, куски продуктов, клочья от упаковочного материала с иностранными надписями. Мы догадались: это работала наша десантура, там, выше по течению, грома вражеские опорные пункты. Видимо, где-то у реки под ее обстрел попал какой-то склад...

В небесно-голубых, есенинских глазах Дубынина искрилось чувство выполненного долга, светились огоньки гордости за наших «сынков», давших прикурить противнику, и — немного за себя и своих штабников, сумевших перехитрить «духов».

ПОГОНЫ НА ПАМЯТЬ

Сергей МАЕВ,

*начальник Главного автобронетанкового управления
Министерства обороны Российской Федерации,
генерал-полковник*

...Молодой красавец майор энергично шел по длинному коридору командного факультета Академии бронетанковых войск. Он явно выделялся из массы слушателей. У него была очень представительная внешность: мощная шевелюра, лицо прирожденного военного. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять: этот человек — офицер. И дело было совсем не в военной форме и даже не в том, что в руках он держал характерный черный портфель для секретных документов. На улице, в толпе, военного всегда можно отличить от гражданского. Даже если на нем обычный костюм. В лице каждого офицера обязательно есть какая-то властность и строгость, и на лице красавца майора ясно читалась эта уверенность человека, способного управлять большим количеством людей.

Таким я впервые увидел Дубынина в 1976 году в Академии бронетанковых войск. Он в то время был начальником штаба полка, а я — майором, заместителем командира полка. Я учился на факультете руководящего инженерного состава, а Виктор Петрович там же — слушателем заочного отделения командного факультета.

Но бывает же: между нашей первой встречей и знакомством с ним прошло целых шесть лет. Ведь тогда, в 76-м, мы так и не познакомились с ним. Но так случается иногда: достаточно одного взгляда на человека, чтобы понять: вы одной крови, как говорится в известной сказке.

Встретив Дубынина через шесть лет в Академии Генерального штаба, где мы одновременно учились, я сразу же узнал его. Он был в ту пору уже командиром дивизии. Однажды за ужином в гостинице Академии Генштаба, где мы оба жили, я подсел за его столик, разговорился. Почему-то запомнилось, что он был одет «в гражданку». Я уже знал, как его зовут, поэтому обратился к нему по имени-отчеству:

— Виктор Петрович, а я помню вас по Академии бронетанковых войск.

Он ответил, что мое лицо тоже знакомо ему. С тех пор и началась наша дружба.

Тот вечер, когда мы познакомились, был как раз накануне Дня танкиста. Мы пригласили еще нескольких офицеров, взяли шампанского и отметили праздник. Дубынин сразу же стал душой компании. Нет, длинных тостов он произносить не умел, зато очень весело рассказывал забавные истории из своей жизни. Не припомню ни одного случая, чтобы кто-то представлял в этих его историях в нелепом облике, чтобы он зло посмеялся над кем-то. Напротив, самый неприятный случай он мог представить в забавном свете.

Однажды, уже в Афганистане, я сам стал действующим лицом одной такой истории, типичной для военной жизни. Мы тогда ждали приезда высокого начальства из Союза, для которого я специально раздобыл на несколько дней «мерседес». Был, правда, у этого автомобиля один изъян — сломанный кондиционер, который уже не подлежал ремонту. Я не придавал этому значения: отсутствие такой мелочи было для нас, прямо скажем, не самой большой проблемой в Афганистане. Виктор Петрович, во всяком случае, в то время уже командующий 40-й армией, обходился без кондиционера.

Почему я вспоминаю об этом? Вроде бы мелочь, однако вот задерживаются в памяти такие незначительные, проходные, что называется, эпизоды. Вроде бы стараешься запоминать то, что сегодня кажется самым важным и главным, а по прошествии лет обнаруживаешь, что именно мелочи жизни особенно дороги тебе.

Вот еще одна из таких мелочей. У Виктора Петровича была своеобразная манера речи: он говорил очень быстро, темпераментно, порой проглатывая слова. Одна из кабульских телефонисток («ОПЕРА-50» — таким у нее был позывной) умела очень здорово пародировать его. Но страшно боялась, чтобы об этом не узнал командующий. Однажды я проговорился о телефонистке Виктору Петровичу. Он спросил, как ее зовут, и тут же, сняв телефонную трубку, весело попросил: «Татьяна! А ну-ка скажи что-нибудь, как Дубынин!» И весело рассмеялся, оценив по достоинству ее способности. А я в очередной раз оценил его умение посмеиваться над самим собой, не столь уж распространенное в военной среде. Впрочем, в Афганистане нам чаще было не до шуток.

Виктор Петрович прибыл в Кабул на полгода раньше меня — в конце 1984-го. Я же появился там только в мае следующего года, а в июле участвовал в первой моей боевой операции — в Панджшерском ущелье. Операция была очень тяжелой, одной из самых тяжелых и кровопролитных в истории афганской вой-

ны. Противником нашим был знаменитый Ахмад-шах Масуд — «панджшерский лев».

Командующий вел себя на операции очень уверенно и по-военному азартно. Была там такая ситуация. В одном месте Панджшер пересекает глубокое ущелье, образуя своеобразный перекресток. Так вот: на этом перекрестке и засел снайпер, бывший наш солдат, который оказался на стороне моджахедов. Прозвали его почему-то Костя Бородатый. Он прятался в пещере на совершенно отвесной скале и простреливал весь перекресток. Когда пошли танки, снайпер стал бить по их смотровым приборам. За двадцать секунд он успевал сделать десяток выстрелов и сразу прятался в пещере-щели, а на скалах этих щелей — море. Танки «слепли», и нам приходилось снова и снова доставлять для них на вертолетах новые смотровые приборы. Вот мы и застряли на этом проклятом перекрестке на несколько суток — не могли его пройти!

Виктор Петрович мог бы, конечно, приказать «пройти любой ценой», потребовать от подчиненных «результата». Но это было бы не по-дубынински. Он решил: не может быть, чтобы не нашлось способа убрать снайпера! Сначала придумал сбросить бочки с бензином на скалу — облить ее горючим, чтобы она загорелась. Не получилось. Тогда и появился присущий ему боевой азарт. И вот что придумал: на рассвете мы выпустили на перекресток танк-приманку, чтобы снайпер раскрыл себя. Надо ведь было засечь, из какой пещеры он работал! А в стороне, на расстоянии прямого выстрела, замаскировали другой танк, который в этот момент и срезал Костю Бородатого прямой наводкой.

Тут вся сложность была в том, чтобы в очень узком месте ущелья найти такую позицию, с которой угол подъема пушки танка позволил бы ударить по снайперу, засевшему высоко в скале. Это мог сделать только настоящий профессионал. А Дубынин и был настоящим профессионалом: он умел не только руководить войсками, но и мог дать фору любому наводчику орудия. Вот так, если перевести эту ситуацию на армейский язык, его доскональное знание специфики применения танкового оружия позволило нам пройти этот чертов перекресток!

Во время этой операции у меня как раз случился день рождения. Понятно, что отметить его удалось только через две недели, уже в Кабуле. Я собрал друзей, не ожидая, естественно, никакого подарка. И вдруг Виктор Петрович вытаскивает старинную душманскую саблю и протягивает ее мне: «Вот тебе подарок от командующего, от всех нас!» Я был очень тронут. Ни у кого не оказалось монеты, и мы ее потом долго искали. Есть ведь такое поверье: если тебе дарят холодное оружие, то надо обязательно вернуть дарителю монетку. Не подаришь — будет ссора. Не сказать, что мы там верили в приметы, но все же...

Командир одного из полков никогда не мылся и не брился перед операцией, считая это плохой приметой. Виктор Петрович всегда был чисто выбрит и ни в какие приметы, по-моему, не верил. Разве что один талисман у него был — итальянские трофейные ботинки. Желтые, на толстой микропорке. В другой обуви я его в Афганистане ни разу не видел. Две пары таких было в 40-й армии — у Дубынина и у его заместителя по боевой подготовке.

Когда у командующего спрашивали, когда же он наконец заменится и уедет из Афганистана в Союз, он неизменно отвечал: «Когда башмаки сношу, тогда и заменюсь». А чтобы сносить те башмаки, в них сто лет надо ходить. Среди друзей генерала были даже желающие получить те ботинки «в наследство». Просили: «Будешь уезжать, оставь башмаки мне!» Достались ли эти башмаки кому-нибудь? Не знаю.

А разговоры о том, что Виктор Петрович задержался в Кабуле, имели под собой основания. К тому моменту, когда его назначили командующим вместо заболевшего Игоря Николаевича Родионова, Дубынин уже почти отслужил в Афганистане положенные два года. Приобрел колоссальный опыт боевого управления. Он не мог позволить себе попроситься в Союз, только-только получив новую должность. Да что там — такое и не могло прийти в голову настоящему боевому офицеру.

Потому и снашивал Дубынин свои желтые башмаки в Афганистане еще почти полтора года.

Я был рядом с ним на боевой операции в районе Алихейля, в двенадцати километрах от границы с Пакистаном. Памятная была «война» для всех ее участников... В день, когда началась операция, по командному пункту армии был нанесен мощный ракетный удар. Это было часов в шесть утра, когда как раз начиналось движение наших войск. Одна из ракет угодила как раз в пункт управления, где я находился. Взрывом сорвало дверь, загорелась маскировочная сеть. На моих глазах, буквально в двух шагах от меня, погиб майор, наш товарищ. Когда реактивные снаряды ложатся так близко от тебя, только удивляешься: почему ты еще жив? Я с тревогой подумал: «А где же командующий?!» Заскакиваю к нему и вижу: он спокойно стоит над столом, держит телефонную трубку в руке, смотрит на карту и совершенно невозмутимо отдает приказания. Меня это тогда просто поразило! Абсолютная невозмутимость в опасной для жизни ситуации может быть только у очень смелого и сильного человека.

Но он не был роботом, такой военной машиной, совсем нет. Хладнокровие удивительно сочеталось в нем с умением глубоко сочувствовать людям, переживать за них. Он рассказывал мне как-то о своей первой боевой операции, в которой было много по-

терь. В 40-й армии действовал железный закон: пока все убитые не будут собраны, никто не имел права уходить, покидать поле боя. Виктор Петрович с горечью вспоминал, как он, когда боевые действия завершились, открыл кузов машины и увидел лежащие там тела погибших солдат. Он говорил, что на него эта картина произвела шокирующее впечатление, что это был один из тяжелейших моментов в его жизни.

Несмотря на свою человеческую доброту, Виктор Петрович был очень жестким и требовательным командующим. Как говорится, у него не пошалишь. Особенно в тех ситуациях, когда от него пытались скрыть правду. Тогда газеты об этом помалкивали, хотя все мы знали: люди в Афганистане нередко гибли не от пули противника, а, можно сказать, по небрежности, по дурости даже. За боевые потери с командиров был один спрос, а за небрежность — другой, вплоть до возбуждения уголовного дела. Ну а раз так, понятно: находились умники, которые пытались списать свою халатность за счет боевых потерь.

Так вот, когда появлялось хоть малейшее сомнение на сей счет, Дубынин садился на вертолет и разбирался во всем сам. И не дай бог, если вскрывался обман! Я был его заместителем по вооружению, и происшествия, связанные с боевой техникой, подпадали, среди прочего, под мою ответственность. Так что командующий часто брал меня с собой в такие поездки.

Командующий жестко спрашивал с подчиненных, но при необходимости и вставал за них горой. Помню, как к нам приехал довольно крупный военачальник — Иван Моисеевич Третьяк, ветеран Великой Отечественной, генерал армии, Герой Советского Союза, очень уважаемый человек. И вот, выслушав доклад об одной из боевых операций, Иван Моисеевич вдруг встает и говорит: «Плохо воюете». Что, почему? А потому, отвечает, что у вас незначительные потери среди офицеров. Я никогда не видел Дубынина таким взбешенным, как в тот момент! Надо было слышать, как Дубынин ответил Ивану Моисеевичу. А ведь в свое время Третьяк был командующим Белорусским военным округом, в котором Виктор Петрович начинал службу лейтенантом. И сейчас Третьяк мог легко его осадить, но Дубынин говорил настолько убедительно, что генерал армии и сам понял: его обвинения были совершенно неуместны.

Помню, как Виктор Петрович защитил Дмитрия Герасимова, который служил в Лашкаргахе, недалеко от Кандагара. Он командовал бригадой, которая постоянно вела боевые действия и была форпостом нашей группировки на самом юге страны.

Гиблое и жаркое это было место, в прямом и переносном смысле. У нас в 40-й армии этот городок в переводе на русский Лошкаревкой называли. Лететь туда от Кандагара минут сорок, а воздух наполнен даже не пылью, а мелкой красной суспензией.

В Кабуле градусов сорок пять жары, а в Лошкаревке — пятьдесят пять. Мало того что Герасимов лично был смелым и решительным офицером, так он еще прекрасно и бригадой командовал. А ему при этом — ни наград, ни званий. Видимо, какой-то недоброжелатель мешал «наверху». Отправили на Герасимова очередное представление на орден, а в ответ снова — отказ. Да к тому же с нелепой мотивировкой.

Сказано было, что офицер этот, мол, в одной из операций не принимал участия — «не исполнял служебные обязанности» из-за того, что банально приболел чем-то. Виктор Петрович был страшно возмущен, когда узнал об этом.

Оказалось, что Дубынин сам был свидетелем того, как «заболел» Герасимов. На глазах у генерала около Герасимова разорвалась граната, и офицер был контужен. «Мерзавцы! — возмущался Дубынин, читая отказ. — Я же был рядом с ним в бою, когда его контузило». Виктор Петрович добился восстановления справедливости, и офицер получил заслуженную награду. Впоследствии Герасимов стал генерал-лейтенантом, подтвердив свое звание настоящего офицера, в чем кто-то пытался усомниться.

Ничего выдающегося в этом поступке Дубынина не было, конечно. Но любой «афганец» вам подтвердит: сколько командиров молча проглатывали такие отказы на наградные листы — лишь бы только не вызвать лишний раз раздражения у высоких московских начальников...

Вообще он был человеком очень азартным, увлекающимся. Он рассказывал, как однажды позволил себе поступок, за который, если бы о нем узнало начальство, по головке бы его не погладили.

Возвращаясь откуда-то в Кабул на вертолете, он увидел большой караван, который шел с пакистанской границы. Верблюды, лошади, овцы для маскировки, но по всему видно было: явно «духи», да к тому же с военным грузом. В этой ситуации ему как командующему армией самое разумное было бы связаться со штабом, сообщить координаты каравана, а самому продолжать полет. Поднялась бы авиация и поразила цель. Он и сам понимал: не дело командующего ввязываться в драку в таких обстоятельствах. Да и рисковать собой, когда в твоём распоряжении всего-навсего одна вертолетная пара, формального права у него не было никакого. Но у него, рассказывал Виктор Петрович, разгорелся боевой азарт: «А дай-ка я сам их долбану!» Он приказывает вертолетчикам зайти на боевой разворот и начинает бомбить этот караван. Душманы, конечно, отстреливаются. И на втором заходе пуля попадает в вертолет командующего. Генерал рассказывал, что машина вмиг окуталась дымом и начала падать. Дубынин говорил, что первая мысль была: «Доигрался, так-раз-этак!» Командир экипажа чудом ухитрился посадить машину.

Вертолет сопровождения, сделав крут, отогнал «духов» от подбитой машины, сел и забрал командующего на борт. И уже только после этого Дубынин вызвал подкрепление. И пока не появились десантники, вертолет сопровождения кружил над подбитым, не подпуская к нему бандитов. Рассказывая об этом случае, Виктор Петрович сам над собой посмеивался: «Надо же было додуматься дураку — самому в бой ввязаться!»

Мы продолжали дружить и тогда, когда Афганистан остался в нашем общем прошлом. Особенно памятли встречи в Киевском военном округе, куда Виктор Петрович в 1988 году был назначен начальником штаба округа, а вскоре за ним в командование округа вступил Б. В. Громов. Приятно было наблюдать за их слаженной работой, за их взаимоотношениями. Совершенно очевидно, Киевскому военному округу очень повезло, что в то тяжелое время начала распада государственной системы в его руководстве оказались два замечательных человека: сильные и умные руководители, да еще и истинные друзья. Посчитал я, работая над воспоминаниями, что за сорок один год моей армейской службы был я заместителем у двадцати пяти командиров и командующих. Обо всех, за исключением, может быть, одного, у меня сохранились самые добрые воспоминания. Но память о службе с командующими 40-й ОА, а их у меня было три (И.Н. Родионов, В.П. Дубынин, Б.В. Громов), особенно приятна и дорога.

Помню, как в июне 1992 года Виктор Петрович прибыл в Москву уже начальником Генштаба. Мы встретили его с Русланом Аушевым, проводили до кабинета по пустым генштабовским коридорам: дело было в субботу... Виктор Петрович очень быстро сумел завоевать авторитет среди офицеров Генштаба. Все знали: Дубынин никогда не принимал решение, не проработав, не продумав его в деталях. А когда принимал решение, твердо проводил его в жизнь. Это осталось до настоящего времени в памяти у многих офицеров и генералов Генерального штаба.

Вспоминается эпизод, который сам Виктор Петрович вряд ли бы запомнил: для него это была обычная, рядовая ситуация. Я же в очередной раз получил возможность восхититься особой дубынинской реакцией на происходящее.

Случилось так, что я оказался у него в кабинете, когда ему по телефону докладывал генерал Лебедь, в то время командующий 14-й армией, об обстановке в зоне ответственности армии. Речь шла о какой-то плотине, которую захватили сепаратисты и под прикрытием сильного пулеметного огня пытались открыть шлюз, чтобы затопить место расположения одной из частей. Необходимо было предотвратить это без боевой стычки. Виктор Петрович, мгновенно сориентировавшись в обстановке, находит решение.

– А привод к шлюзу какой? — спрашивает он.

— Трос, — отвечают.

— Так возьмите крупнокалиберный пулемет и врежьте по этому тросу.

Минут через пятнадцать ему доложили, что проблема решена: трос привода лебедки не работает, и шлюз открыть невозможно.

В те годы всех нас завертела новая жизнь, новые проблемы и новые войны, но мы всегда вспоминали Афганистан, встречаясь. Вспоминали, как в мае 1987-го нам одновременно присвоили звания. Виктору Петровичу — генерал-лейтенанта, а нам четверым, Анатолию Жукову, Валентину Алоярову, Виктору Барынькину и мне, — генерал-майора.

В День Победы, 9 мая, нас официально поздравляли в присутствии членов правительства Афганистана. Собрали всех в штабе армии, в зале духота и жарыща, а Наджибулла был большой любитель выступать. Часа полтора все говорит и говорит! Мы, четверо новоиспеченных генералов, сидим в первом ряду и начинаем носом клевать. А в президиуме Дубынин с Валентином Ивановичем Варенниковым сидят рядышком, перешептываются о чем-то, явно подсмеиваясь над нами. Вдруг Виктор Петрович передает записку, написанную рукой Валентина Ивановича: «Товарищи генералы, вы только что получили звание, а уже дремлете. Что же с вами будет, когда вы станете маршалами?»

Помню, я накануне рано лег спать. Только задремал, как заходит адъютант Дубынина: «Вас вызывает командующий». — «Да времени-то сколько? — удивляюсь. — Ведь за полночь уже». Захожу к нему, а он мне с притворной строгостью:

— Как ты смел, получив звание генерала, не представиться командующему?

— Виноват, — отвечаю. — Завтра утром представлюсь.

— Нет, брат, такие дела на завтра не откладываются, — смеется Виктор Петрович, снимает с меня полковничьи погоны и отдает мне свои — генерал-майорские. — Носи их, как положено.

Эти погоны я храню, как самую дорогую реликвию.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ — РЯДОМ

Борис ГРОМОВ,

Герой Советского Союза, губернатор Московской области

Виктор Петрович Дубынин был настоящей находкой, подарком для наших Вооруженных сил. Почему — объясню. Существует устойчивое и абсолютно правильное мнение, что Вооруженные силы — хорошая школа для молодых людей. Практически все проходившие службу, — а это многие миллионы, — воспитывались армией, суровыми условиями службы. А вот в отношении Виктора Петровича дело обстоит по-другому. Он надел военную форму, уже будучи готовым к этой тяжелой жизни. Он был словно создан для нее и потому так уверенно поднимался вверх по армейской лестнице.

Некоторые удивлялись: как это человек, выросший в глухой уральской деревне, не получивший в юности столичного образования, добился таких высот? Для меня ответ ясен. Дубынин был редким самородком. Понятно, что природа кому-то дает больше, кому-то — меньше. Петровича она одарила сполна. Его действительно можно было назвать настоящим военным интеллигентом — и по внешнему облику, и по внутреннему содержанию он вполне соответствовал такой характеристике.

Мы с ним встретились в 1982 году, в Академии Генерального штаба, куда мы одновременно были зачислены слушателями. Я сразу понял: рядом со мной — незаурядная, яркая личность! Что же касается образования, то я видел, как яростно он добывает то, что не успел усвоить прежде. Петрович учился не для оценок, а именно для того, чтобы получить знания.

Академия ГШ — совершенно новый, качественный скачок в жизни любого человека. Дубынин это сразу понял и использовал свой шанс, как говорится, на все сто процентов. Его сильно изменили те два года.

Мы сразу сошлись, не было никаких притирок, посмотрели друг на друга и с тех пор дружили — до самых последних его дней. Я пришел в Академию, уже отслужив два с половиной года в Афганистане, а он прибыл из Белорусского военного округа.

Перед выпуском, когда ждали распределения и гадали, кого куда направят, я, помню, еще шутил:

— Ну, держитесь, наверняка кто-то из вас попадет в Афганистан. Мне это не грозит, я уже свое отвоевал, а вы готовьтесь.

Мелом на доске я рисовал карту, показывал, где Кабул, где Саланг, где Кандагар...

Удивительно, но судьба распорядилась так, что раньше всех «за речкой» снова оказался как раз я: меня после Академии направили в Кабул — представителем Генерального штаба. Сам себе накаркал. Петровича вначале распределили в Семипалатинск, но месяца через три и он появился в Афганистане. С тех пор мы и шли по жизни рядом: в 1987-м я сменил Дубынина на посту командарма, потом мы вместе служили в Киевском округе, были рядом в Министерстве обороны в 92-м...

Дубынин прибыл на должность первого заместителя командующего 40-й армией в сентябре 1984-го. Как правило, вновь приезжавшие командиры — от дивизионного звена и выше — довольно медленно входили в круг своих обязанностей и полномочий. И их можно было понять. Из мирной жизни вдруг оказывались на войне, причем не на обычной, классической войне, а на партизанской, горной, в которой куда больше сложностей, опасностей, нюансов. Новички не сразу понимали что к чему, долго присматривались. Мы старались не спешить с привлечением их к участию в боевых действиях. Давали им возможность адаптироваться.

Виктор Петрович мгновенно сориентировался в новой обстановке. Я помню, уже через месяц после его прибытия решался вопрос: доверять или не доверять Дубынину проведение самостоятельных боевых действий? Причем не где-нибудь, а на юго-востоке, на границе с Пакистаном, в районе Хоста. Ни у кого не возникло возражений: конечно, доверять.

С первых же дней за ним было замечено: Дубынин очень тщательно готовится к любой операции. Он скрупулезно изучал обстановку, встречался с племенными вождями, местной властью, представителями ГРУ и войсковой разведки, агентурой, подолгу анализировал данные космической и авиационной разведки, сравнивал и сопоставлял информацию из разных источников.

Когда на должность командующего прибыл Игорь Николаевич Родионов, мы находились в Панджшере. Там шла крупная операция. Новый командарм прилетел на командный пункт. Петрович ему представился и стал докладывать обстановку, причем дал исчерпывающую информацию по всем направлениям. Обычно ведь как? Начальник артиллерии докладывает свое, заместитель по тылу — свое и так далее. Нет, Дубынин владел всей полнотой информации, детально знал все.

А вскоре туда же, в Панджшер, прибыл один крупный военачальник из Союза. Генерал армии, Герой, очень авторитетный человек. Но, как бы это поделикатнее сказать, не очень сведущий в наших афганских делах и при этом чересчур решительный. Стратег старой школы. «Эту дивизию перебросить сюда, ту дивизию — туда, нанести удар, обратить противника в бегство. Исполняйте!» И попробуй ему перечить! Вот ситуация...

Я наблюдал за Петровичем. Ни на шаг он не отступился от своего продуманного и учитывающего все реалии плана. Уж как только ему руки не выламывали. Нет! Не знаю, как теперь, а по тем временам это был Поступок. И молва о нем быстро облетела армию.

Если речь шла о принципах, о судьбе порученного ему дела, о жизни людей, Петрович был непреклонен. Тогда для него не существовало авторитетов. Матом он не ругался и тон не повышал, но свою позицию отстаивал твердо. Не всем начальникам это нравилось. Вот удивляются, отчего он — три года провоевавший, бесконечно храбрый боевой генерал — имеет так немного наград? Отчего после Афганистана его направили служить на равнозначную должность командующего армией в Белоруссии, хотя других переводили в Союз с повышением? Ответ понятен. Петрович был одним из немногих, кто говорил правду, какой бы горькой она ни была, он никогда не юлил и не старался угодить начальству. Видимо, поэтому «в верхах» недоброжелателей у него хватало...

Когда он заменялся в 1987-м, Валентин Иванович Варенников организовал очень теплый прощальный вечер. Пригласили президента Наджибуллу, руководство армии и оперативной группы Генштаба, накрыли в кафе столы. Было сказано много хороших, искренних слов, Наджибулла вручил Петровичу афганский орден и подарок. Когда «вожди» разъехались, мы решили остаться и посидеть за столом узким кругом — Дубынин, я, заместители. Хотелось напоследок выговориться, расслабиться среди своих. Но проходит минут десять, и меня поднимает адъютант:

— Товарищ генерал-лейтенант, вас генерал армии Варенников просит на телефон ЗАС.

— А где тут у вас ЗАС?

— Недалеко, в Доме офицеров.

Что делать, надо идти. «Потерпите, — говорю, — сейчас я быстренько сбегаю, и продолжим».

Из Дома офицеров через телефонистку пытаюсь соединиться с Варенниковым. «Он попросил подождать, — отвечает телефонистка. — Я вас соединю». Сажу жду. Минут через двадцать наконец трубку берет Валентин Иванович:

— Ну, как мы провели это мероприятие?

— Да, по-моему, нормально.

– Ну, тогда отдыхайте. До свидания.

В полном недоумении возвращаюсь ко всей честной компании. Меня там уже заждались. Только мы выпили по первой, опять бежит адъютант:

– Вас Варенников к телефону ЗАС просит.

Только тут я понял, в чем дело. Опытный Валентин Иванович, опасаясь, что в узком кругу мы злоупотребим водочкой, вот таким путем корректировал наше застолье. Опять полчаса я ждал у аппарата, когда он возьмет трубку. А когда вернулся в кафе, там уже от бывшего настроения ничего не осталось. Вяло выпили по рюмке и разошлись. Зато боеспособность руководства 40-й армии была сохранена на все сто процентов.

Когда меня назначили командовать Киевским военным округом, Дубынин уже служил там начальником штаба. К тому времени мы давно относились друг к другу не по субординации, для нас не существовало понятия «старший-младший», мы были настоящими друзьями. Петрович вместе с другими членами военного совета встретил меня на аэродроме, мы сели в «Чайку», поехали в штаб. А вечером он пригласил меня на ужин домой. Людмила Васильевна была, дочь Танюшка и он сам. Замечательно посидели...

Кстати, эти посиделки мне почему-то вспоминаются с особенной теплотой. Вскоре он стал командовать Северной группой войск в Польше. Приезжая в Москву на совещания, останавливался у своих друзей на Садовом кольце, и всегда после этих совещаний мы вместе ехали на Садовое и душевно ужинали. Вспоминали Афганистан, службу, говорили о том, что волнует... А что тогда волновало всякого порядочного человека? Страна катилась в пропасть, все разворывалось, разрушалось, всюду бал правили непрофессионалы, проходимцы, откровенные жулики. Он все это остро переживал.

Потом, став первым замом главкома Сухопутных войск, я сам не раз приезжал к нему в Польшу. Там у Петровича было колоссальное хозяйство. Особенно много было частей и баз тылового назначения, ведь Польша рассматривалась в возможных операциях на Европейском ТВД как второй оперативный эшелон тыла. К тому же через Польшу шли колонны и поезда с выводимыми частями из Германии, их надо было сопровождать, обеспечивать, эта обязанность тоже лежала на Северной группе. Ну и саму эту Северную группу следовало выводить.

Дубынин справился с этой задачей успешно, его штаб был на голову выше других — с точки зрения организации, порядка, ответственности. Да чему тут удивляться: Петрович в любой ситуации не мог допустить иного, он был рожден для того, чтобы все делать хорошо.

Удивительно, что в той обстановке всеобщего развала, тотального безумия, торжества непрофессионалов Виктора Петровича

назначили начальником Генерального штаба. Это был один из немногих здравых шагов российского руководства. Жаль, времени Дубынину было отпущено совсем мало. Поживи он дольше... Или не допустил бы такого развала армии, или ушел бы сам.

У меня однажды спросили: а как бы Дубынин отнесся к войне в Чечне? На все сто процентов убежден: он был бы против. Мы, прошедшие Афганистан, прекрасно сознавали, к каким тяжелым последствиям может привести такая война. Он был бы против и не побоялся бы громко и честно заявить о своей позиции.

Я не знаю, есть ли сегодня такие генералы в Российской армии?

ОН ВЕЛ НАС В БОЙ

Руслан АУШЕВ,
председатель Комитета по делам воинов-интернациона-
листов при Совете Глав Правительств государств —
участников Содружества, генерал-лейтенант,
Герой Советского Союза

Виктора Петровича Дубынина я впервые встретил в августе 1985 года. Он был тогда заместителем командующего 40-й армии, отвечал за проведение боевых операций. Сам в них активно участвовал, в Кабуле надолго не задерживался. А я в то время закончил Военную Академию имени Фрунзе и был назначен начальником штаба 180-го мотострелкового полка, который стоял неподалеку от бывшего дворца Амина, где располагался штаб группировки.

Когда Дубынин стал командующим армией, мы, конечно, стали реже встречаться: командующий есть командующий. Тем более что в штабах он по-прежнему не засиживался, всегда был в войсках. Так что виделись теперь в основном на военных советах, на совещаниях. Что бросилось в глаза?

Во-первых, это был единственный командующий, который никогда не шумел. Это мне нравилось. Я вывел для себя такое правило в Афганистане: когда командиры много шумят, — это от слабости, от неуверенности в собственных силах. А когда человек думает не о себе, а о людях и о том, чтобы сделать дело как надо, он всегда спокоен. Голосовые связки — это вообще у многих главное оружие. Чуть что не так — в крик. Генерал на полковника орет благим матом, полковник — на майора, что же мы тогда от мальчишки-солдата ждем? Что он к своему товарищу на «вы» обращаться будет?

Не помню, чтобы Дубынин на кого-нибудь повысил голос. И на военных советах в Кабуле, и на командном пункте во время боевых операций он никогда не позволял себе, что называется, срываться.

Хотя поводов для этого было немало — и по объективным причинам, и из-за разгильдяйства сослуживцев. В любой ситуации генерал очень спокойно управлял силами и средствами, выде-

ленными для выполнения боевой задачи. И спокойствие командующего всегда передавалось нам, его подчиненным. А это очень важно — какой командир тебя ведет в бой. Когда группировку вел Дубынин, была какая-то необъяснимая уверенность, что все будет в порядке, все будет сделано грамотно. У него ведь «в окопах», что называется, даже прозвищ не было никаких. Его не называли ни генерал, ни командующий, просто — Дубынин. И все. Эта фамилия была как синоним успеха.

Под началом Дубынина впервые в мировой практике, по-моему, мы начали высаживать в горы тактический воздушный десант — до двух тысяч бойцов. Не с использованием парашютов, а когда солдаты выпрыгивают из «вертушек», зависающих над площадкой. Горы, высота от двух с половиной до четырех тысяч метров, и десант. Такого, насколько я знаю, до нас никто не делал.

Он всегда требовал: воевать с наименьшими потерями! Хотя мы все знали, конечно: войны без потерь не бывает, как ни старайся. И каждая гибель солдата или офицера у нас вызывала боль, это понятно. Но то, что сейчас происходит в Чечне по сравнению с тем, что было в Афганистане, — это небо и земля. Нас за такую службу всех пересажали бы или поснимали бы с должностей. Такие командиры у нас были, как Дубынин. Поэтому и воевали, тщательно готовя каждую операцию, каждую проводку колонны.

Вот один случай, очень типичный для «дубынинского стиля». Была у него особенность: Виктор Петрович всегда сам выходил на связь и требовал, чтобы самая сложная боевая задача была выполнена с наименьшими потерями.

Дело было в Чарикарской «зеленке», это место считалось гиблым. Дорога, помню, проходила между виноградниками, среди дувалов. Там на каждом шагу кяризы — система колодцев-тоннелей, сообщающихся между собой. И воевать и управлять боем сложно: только тебя обстреляют, только тыобразишь, откуда огонь велся, а стрелок уже как сквозь землю провалился. Через несколько минут появляется уже в другом месте. Снова обстреляет и снова спрячется.

Одну из застав в «зеленке» окружили, обстреливали «духи», и наш полк шел на выручку. Начался бой, были убитые и раненые. А когда выполнили боевую задачу и вышли из-под огня, оказалось: потеряна связь с одним из экипажей боевых машин пехоты. Мы не знали, что там два убитых, три раненых и, по сути дела, в строю остался только один наводчик, который отстреливался до последнего патрона.

Начали разбираться — ни машины, ни экипажа. Что делать — возвращаться? А куда? Дувалы и виноградники кругом! Тут как раз командующий выходит на связь, начинает выяснять все

детали. По голосу слышу: не поздоровится, если окажется, что мы не все сделали, чтобы спасти экипаж, что оставили кого-то. Разворачиваем машины, и тут командующий сам появляется на моем командном пункте. Вместе уточняем обстановку. Он добавляет мне армейскую реактивную артиллерию, поднимает вертолеты, — и это все только из-за одного экипажа. Мы быстро послали людей к старейшинам ближайших кишлаков — тоже по приказу Дубынина — и предупредили: если что-то произойдет с нашими ранеными, то вся ответственность за это ляжет на них.

Тут же поднялась в воздух авиация, поддержала артиллерия. Мы спасли раненых и вынесли тела погибших...

Меня всегда подкупала в нем простота. К нему как к командующему всегда можно было зайти, когда возникала необходимость. Я был майором, начальником штаба полка, это по масштабам группировки — величина незначительная. Но я мог всегда зайти к Виктору Петровичу, и он внимательно выслушивал и вникал в проблему, а когда соглашался — сразу же помогал. Само собой, для меня он оставался командующим, у меня тогда и в мыслях не было — позволить себе заступить, так сказать, за черту субординации. Но при этом он мне imponировал, и это чувство, по-моему, было взаимным.

В 1986 году наш полк был в составе группировки, которая обеспечивала вывод в Союз первых шести полков. Уходили они через Саланг. Там-то меня и ранило.

Когда Виктор Петрович узнал об этом, он отправил лучший вертолетный экипаж, чтобы меня перевезли из Джабаль-Ус-Сараджа в Баграм. Там мне сделали операцию, а потом перевезли в Кабульский госпиталь. Тоже, кстати, по приказу командующего.

Уже на второй день он навестил меня в госпитале и объявил:
— У тебя тяжелое ранение, и ты должен остаться в Союзе.

Он сказал мне, что представит для назначения на должность командира полка, что ранение опасное для местного климата — может быть гепатит и другие осложнения. Я возражал:

— Я выдержу, — говорю, — у меня организм здоровый. Не всех же вы после ранения отправляете в Союз на вышестоящую должность. Это будет несправедливо по отношению к другим. Если я — Герой, мне что же, поправки положены? Так, что ли, получается?!

Он меня понял:

— Хорошо, хорошо. Разберемся. Не переживай, лечись. Все будет в порядке.

Ясное дело, после посещения командующего дела у меня пошли на поправку. Не всех же, в самом деле, посещают командующие! Видно, мой организм, вдохновленный таким к себе вниманием, включил все свои внутренние резервы.

В следующий раз мы встретились, когда я после отпуска по ранению вернулся из Союза. В мае-июне 1987 года начиналась большая операция по ликвидации нескольких мощных укрепленных районов и постановке пограничных застав афганских войск. Операция носила название «Парачинарский выступ». Она длилась недели три и была успешной, насколько я могу судить.

И для меня, и для Дубынина эта операция была последней в Афганистане. Виктора Петровича вскоре заменил генерал Громов. Я получил назначение в Уссурийск, командиром полка.

Он уже тогда был тяжело болен. Мы с генералом Маевым, в ту пору — заместителем главкома Сухопутных войск по вооружению, приехали его навестить. Он сказал:

– Ребята, вы не переживайте, все нормально.

Вскоре его назначили начальником Генштаба. Первым в истории новой Российской армии.

Мы с Маевым и Жуковым, бывшим начальником тыла 40-й армии, пришли его поздравить официально. Он только что зашел в свой кабинет на Арбатской площади. Еще стол абсолютно чистый был. Руками развел, говорит:

– Извините, не успел даже ничего купить. Отметить назначение нечем.

Мы смеемся:

– Не беда, в следующий раз отметим.

Вышли из кабинета, идем по коридору, слышим, нас догоняет порученец:

– Начальник Генерального штаба просит вас вернуться, — говорит он. — Все нашлось.

Теперь каждый год 15 февраля, в день вывода наших войск из Афганистана, после возложения венков на Могилу Неизвестного Солдата мы все едем на Новодевичье кладбище к могиле Виктора Петровича. Отмечаем этот праздник вместе с ним.

Так было каждый год после его смерти. И так будет всегда, пока мы есть.

НЕ ДОЛЖНОСТЬ КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

Евгений МИХАЛКО,
генерал-майор

С Дубининым нас свел, что называется, производственный конфликт.

Летом 1985 года, вернувшись в Кабул из отпуска, я узнал, что на востоке Афганистана идет крупная войсковая операция.

Я был тогда начальником штаба тыла 40-й армии. На командный пункт группировки от нас был командирован майор Михаил Шихман, и мы, естественно, располагали всей информацией о ходе боевых действий, о проблемах, возникающих на поле боя. Однажды вечером Шихман позвонил мне и сообщил, что в районе Гардеза, где шли бои, есть раненые, но вызволить их из-под огня нет никакой возможности. В горах идут дожди со снегом, погода нелетная. Технику в горы тоже не пошлешь и на руках раненых не вынесешь: темно, можно нарваться на засаду. Ждут, когда наступит рассвет.

Спасти людей было святым делом. Я спросил у Шихмана:

– Кто командует операцией?

– Генерал Дубынин.

Так я впервые услышал эту фамилию. Узнал, что Виктор Петрович назначен новым заместителем командующего армией. Спрашиваю майора:

– А где он сейчас?

– Рядом стоит.

– Дай ему трубку!

В довольно резкой форме я высказал незнакомому генералу все, что думал по поводу задержки с эвакуацией раненых. Хотя он был старше меня и по званию, и по должности, Дубынин отреагировал на удивление спокойно.

– Все, что можно, мы делаем, — сказал он. — О результатах доложу через два часа.

Под утро у меня в модуле раздался звонок. На линии был Дубынин. Я и сейчас помню его слова:

— Товарищ полковник, все раненые эвакуированы, находятся в палатках, напоены горячим чаем, им оказана первая медицинская помощь. Ждем рассвета, чтобы отправить их в госпиталь. Состояние всех эвакуированных — средней тяжести, опасности для жизни нет.

Через несколько дней, когда закончились боевые действия, ко мне в кабинет зашел высокий симпатичный генерал.

— Я — генерал Дубынин, — сказал он. — Здравствуй.

Вот так мы и познакомились.

Тот первый разговор по телефону, как ни странно, быстро нас сблизил. Почему он не обиделся на меня за недопустимую по отношению к старшему по званию резкость? Виктор Петрович понимал, что мои слова вызваны не желанием унижить новичка с генеральскими погонами на плечах, а искренней тревогой за судьбу людей.

Потом мы с Дубыниным не раз бывали в самых разных переделках и относились друг к другу, как мне казалось, с взаимным уважением. По всей вероятности, мы с ним были в чем-то похожи. Я тоже не обижался, когда мне указывали на недостатки в работе, тем более если указывали справедливо, и никогда не вставал в позу. Виктор Петрович, видимо, поступал так же.

У него было замечательное качество — он умел слушать людей. Слушать и слышать. Умел быть участливым, поддержать в трудную минуту. Быстро находил решение в сложных ситуациях, которые, что ни день, возникают на войне.

Помню, у нас, тыловики, были постоянные проблемы с трубопроводом, по которому в Афганистан из Союза шло дизельное и авиационное топливо для наших войск. Душманы частенько этот трубопровод подрывали или простреливали. Ремонтники выезжают на ликвидацию аварии, а их там уже ждет засада или фугас. Случались потери.

Дубынин предложил усилить аварийные группы. Раньше они выходили на ликвидацию аварий на боевых разведывательно-дозорных машинах. А там пулеметик стоит на башенке, семь автоматчиков, и все. По совету Дубынина мы стали направлять с ними еще и БТРы прикрития.

Предложил он усилить и тыловые колонны. Обычно они отправлялись на маршрут по афганским дорогам с одной спаренной пулеметной установкой в середине колонны, — шутники ее называли «шайтан-арбой». Но после того как душманы подрывают первую и последнюю машины и начинают методично расстреливать оказавшихся в огненной ловушке транспортников, одной «шайтан-арбы» становится маловато. Или такой вариант — одна из машин встала, сломалась. Если оставишь с ней ЗСУ, вся колонна остается без прикрытия. Уйдешь с пулеметом, — без прикрытия будет машина.

Виктор Петрович принял решение: в каждой колонне иметь по три таких установки. В начале, в конце и в середине. Если какая-то из машин ломалась, с ней оставалась «техничка» и «шайтан-арба». Сделали бронированную спинку к этим пулеметам, чтобы закрыть стрелка от пули снайпера. Резали в мастерских бронелисты и приваривали их к месту, где сидел пулеметчик. Сами себе, в общем, становились конструкторами, — на помощь из Москвы в таких делах надеяться было бесполезно...

Виктор Петрович уважал людей и никогда не устраивал профилактических разносов. Правда, когда причиной гибели солдат становилась халатность или непрофессионализм командира, — разговаривал с виновником резко и беспощадно. Но опять же — не унижая достоинства человека.

Он был командующим воюющей армии. И это все объясняет. Говорят: нет такой должности — хороший человек. Но Дубынин был как раз хорошим человеком на генеральской должности. Его и уважали, и побаивались, и любили. Он достоин того, чтобы о нем помнили, чтобы на его примере учились жить и руководить людьми.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДИРА

Виктор ФИЛАТОВ,
военный журналист, генерал-майор

Летом 1987 года я, редактор «Красной звезды» по отделу публицистики, после очередной командировки в Афганистан написал очерк «Уроки ответственности» — о генерале Дубыныне. Он вызвал шквал откликов. Наши читатели — в основном молодые офицеры — с большой симпатией отзывались о герое очерка, а некоторые даже просили помочь им в переходе на службу под непосредственное командование Виктора Петровича.

Спустя 15 лет я заново перечитал то, что было написано тогда. И мне не захотелось ничего менять в этих заметках. По одной причине: стоявший в центре очерка генерал Дубынин и теперь мог бы быть образцом для подражания. Его образ нисколько не потускнел в памяти знавших его людей, а случившиеся у нас перемены только подчеркивают масштаб этой неординарной личности.

Хорошо помню, что, работая над тем очерком о Дубыныне, я все время вспоминал о письме, пришедшем в «Красную звезду» от капитана В. Корнеева, командира мотострелковой роты. Капитан полемизировал с одним известным историком, который в своих статьях защищал генерала армии Д. Павлова.

Напомню эту историю: генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов в 40 лет стал Героем Советского Союза — за войну в Испании. В 1940 году был назначен командующим войсками Особого военного округа со штабом в Киеве. Ночь на 22 июня 1941 года провел в Киевском театре на веселом концерте. С первых часов войны Павлов потерял всякое управление вверенными ему войсками. В считанные дни и даже часы войска округа были окружены, разгромлены и уничтожены. Павлова вызвали в Москву. Суд был короток... В 1941 году он был снят с поста командующего фронтом и расстрелян. Ему вменяли в вину безответственность при руководстве войсками в первые дни войны.

Так вот: в полемике вокруг судьбы генерала, которая публиковалась в нашей газете, известный историк считал, что генерал пострадал незаслуженно, несоизмерно своей вине. Он не мог нести ответственность за трагические события на фронте.

У молодого офицера была другая точка зрения на этот счет, он иначе понимал роль и ответственность командира. Ведь Павлов был командующим! Единоначальником на огромной, стратегически важной территории. С кого же тогда было спрашивать, как не с него? Ведь безграмотными действиями, безответственностью, нерешительностью иные командиры наносили собственным войскам порой не меньший урон, чем самый коварный враг. И тогда, во времена Великой Отечественной войны, и много позже, на других войнах, которые выпали на долю Советской, а потом и Российской армии.

Вот о чем я размышлял, готовя к печати очерк о Викторе Петровиче Дубыныне. Этот очерк перед вами, я лишь добавил к нему кое-какие детали, которые прежде по соображениям цензуры был вынужден опустить.

* * *

В одну из поездок в Афганистан я попал в район боевых действий и прожил там буквально бок о бок две с лишним недели с Виктором Петровичем Дубыныным, на тот момент генерал-майором, первым заместителем командующего 40-й армией.

Что запомнилось особо? Генерал, кажется, совершенно не спал. Только иногда под утро вдруг, как птица, закрывал глаза на десять-пятнадцать минут, упав головой прямо на рабочий стол с полевым телефонным аппаратом. Вокруг были крепчайшие мужики, но каждый из них обязательно два-три часа в сутки спал на походном матрасе в штабной машине. По-моему, они немного стыдились потом, что не могли обходиться, как генерал, без матраса, пусть и походного. Никто из подчиненных Дубынына работать в таком темпе не мог — организм автоматически сам шел в отключку.

Генерал внешне — не Илья Муромец. Он был больше похож на гимнаста — сухощав, тонок в талии. У него красивая походка. Он красиво двигается, красиво сидит за столом. Прямые русые волосы красиво обрамляют слегка бледное, с тонкими чертами лицо. В нем что-то от артиста Тихонова в фильме «Семнадцать мгновений весны». Кстати, Виктор Петрович рассказывал мне, как он с друзьями сразу после десятого класса приезжал из Зауралья в Москву поступать в театральный институт имени Щукина. Это была романтическая история. В артисты его не взяли, и он оказался пассажиром поезда Москва — Владивосток, а через неделю стоял перед приемной комиссией Уссурийского танкового училища. Да, артиста из Дубынына не получилось, но остался в нем врожденный артистизм.

Что еще запомнилось, так это доклады подчиненных ему. Сколько было этих докладов только на моих глазах! Счесть невозможно, потому что они шли днем и ночью, особенно ночью. А что это означает — доложить командиру в боевой обстановке? Это почти всегда поставить перед ним проблему, которую коман-

дир должен тут же оценить и решить. Такова судьба всякого настоящего командира: каждую минуту думать за всех и за каждого в отдельности.

Мы сидели в штабной машине генерала. Обедали вдвоем коротке. Еду принесил солдат в белом переднике. В штабной машине два спальных места, и Виктор Петрович пригласил меня быть его гостем. Так я и оказался на все время боевой операции буквально под одной крышей и за одним обеденным столом с Виктором Петровичем, в одном вертолете и на броне одной БМП. Я спросил, почему он не поспит, как все, хоть пару-тройку часов? Через окно штабной машины были видны окопы и траншея, а в них солдаты с автоматами и пулеметами. Виктор Петрович, глядя на них, ответил:

— Боюсь спать. Сразу приходит сон: будто я отдал неверный приказ, будто ошибся, и гибнут мои люди. Или еще сон: будто я потерял управление подразделениями. Это для командира даже во сне ужасно...

В первый же день пребывания в штабе я обратил внимание на то, что подле Дубынина неотступно находится офицер с автоматом через плечо. Я наблюдал: Дубынин в вертолет, и офицер с ним. Дубынин на позицию, и опять офицер следом. Я решил, что это его личный телохранитель. Но мне объяснили: «Это начальник связи 40-й армии подполковник Белов». Так я узнал, кто у настоящего командира в бою «телохранитель» и правая рука, с кем он в бою почти в обнимку — с начальником связи!

Иногда ночью случалось затишье, и мы шли с генералом в его штабную машину попить чаю. Благо она стояла в десяти шагах от командного пункта. Меня — возможно, под впечатлением полемике в связи с судьбой генерала Павлова — неотступно сверлила проблема личной ответственности командира. И чувствуя, что эта тема и для генерала Дубынина не второстепенная и не проходная, постоянно подбивал Виктора Петровича поговорить на сей счет. Он не уклонялся от разговора.

...Попал генерал Дубынин однажды среди белого дня в засаду. Справа — скалы до небес, слева — пропасть. Заполыхал первый бронетранспортер, ткнулся в скалу второй. Дубынин оказался распластанным на белой каменной дороге. Душманские стрелки бьют по всему живому и подозрительному. Дубынин лежал на спине. Без движения и признаков жизни. Шевельни пальцем — тут же с ближайшей скалы получишь смертельную пулю. Подполковник Белов, как верный ординарец, лежал рядом с работающей рацией. И полтора часа, буквально на мушке снайперской винтовки, Дубынин по рации в положении «навзничь» руководил своими подразделениями, находившимися вне зоны огня. Он не орал подчиненным: «Я попал в засаду, спасайте!» Под носом у «духов» он хладнокровно, почти шепотом отдавал приказы

на подавление огневых точек, руководил боем. Ему даже не требовалось вызывать огонь на себя, он и без того был в центре пекла, но управление подразделениями ни на минуту не потерял. Даже в положении «навзничь» он вверенные ему подразделения держал в одном кулаке — на волне своей радиостанции.

Внезапность нападения из засады стала в Афганистане едва ли не главным тактическим приемом моджахедов. Хотелось знать: чем и как мы отвечаем на подобную тактику ведения боевых действий?

— Внезапное нападение, — говорил мне Виктор Петрович, — возможно только тогда, когда у твоего противника много дорог и он выбирает, какой дорогой, какой тропой идти. Приходится не спускать глаз ни с одной. А это очень сложно. Все глаза проглядишь, но за всем не усмотришь. Начали мы с того, что провели, как говорится, инвентаризацию всех путей, ведущих из Пакистана в Афганистан. Оказалось, что таких основных дорог — около двадцати, а еще есть множество дорожек и троп. Здесь горы. Горная война имеет свои сюжеты. Мы проанализировали — сколько дорог, дорожек и троп мы можем надежно держать под прицелом? Их оставили открытыми, а все другие — перекопали.

— Как это — перекопали?

— Заминировали. Даже вертолеты употребили на постановку минных полей.

— Вы утром заминировали, а ночью мины уже сняты. Моджахеды — народ обученный.

— По нашему заказу изготовили специальные мины, снять их невозможно. Если они поставлены, даже мы сами не можем их снять. Такое минное поле стоит три месяца, а потом самоликвидируется. Мои разведчики докладывали мне, что из США вызвали двух опытных офицеров-саперов, чтобы те разобрались, какие такие мины наставили тут русские. Оба погибли на этих минах. Тем и закончились научные изыскания по части наших минных полей. Так что теперь «духи» в основном ходят по тем дорогам, которые мы им определили. Но противник не сидит сложа руки. Придумывает другое. Мы — тоже.

Мне было известно, что по докладным запискам генерала Дубынина, похожим скорее на технические задания и разработки, наши вертолетные заводы провели серьезную модернизацию своей продукции. Основные потери вертолетчики несли от крупнокалиберных пулеметов ДШК — любимого оружия душманов. Поэтому претерпела изменение нижняя часть фюзеляжа вертолета, — она превратилась в бронированный щит по всему «брюху». Пуленепробиваемым стало и остекление кабины летчиков. Усовершенствованию подвергся шлемофон. И сразу ощутимо сократились потери.

Результаты другого анализа показали, что много людей гибнет не на поле боя, а будучи ранеными, на пути в стационарный

госпиталь. Тогда в 40-й армии появились вертолеты «Ми-8», оборудованные под летающие операционные, оснащенные самой современной медицинской аппаратурой. Во всю мощь заработали подразделения радиоэлектронной борьбы, их донесения здорово помогали подавлению огневых средств моджахедов.

Горная война, которой даже факультативно не учили в наших академиях, заставляла генерала Дубынина в огне боев искать и находить решения новых задач. В 40-й армии был заведен порядок: командиры всех степеней, начиная от взводного, должны были вести рабочие дневники. В дневник командир записывал все то, что он делал в своем подразделении в условиях Афганистана. Офицер вел записи до самой замены в Союз. И передавал эти записи сменщику, которого вводил в курс дела, помогал тому набраться боевого опыта. А дневник уезжавшего домой офицера становился для сменщика настольным пособием по вхождению в новую должность, в боевую реальность афганской войны.

* * *

Я всегда был уверен, что строчка из песни фронтовых корреспондентов: «На пикапе драном и с одним наганом первыми врывались в города» — шутка или, мягко скажем, преувеличение поэта Константина Симонова. Я всегда верил, что города берут, конечно же, рядовые — стрелки, автоматчики, пулеметчики, танкисты... Всегда считал, что слова А.Твардовского: «Города сдают солдаты, генералы их берут» — это, конечно, ирония по адресу отцов-командиров. Дубынин же заставил меня пересмотреть эти прежние представления.

Да, он тоже рисовал, как Жуков, синим карандашом стрелы на своей карте. Сам видел: здорово у него это получалось. Но перед тем как рисовать, он садился в вертолет и, невзирая на обстрелы и непогоду, летел сам — туда, куда потом упирались его стрелы на карте. Свидетельствую это, потому что он иногда не отказывал мне быть в том же вертолете рядом с ним.

Вертолет внезапно для противника садился на те перевалы, на которые должны были потом выйти его солдаты, высадиться его десантники. Однажды мы сели на крошечную площадь посреди горного кишлака, который был в руках «духов». Генерал прыгнул на землю. Цепким взглядом словно сфотографировал расположение домов, прилегающие улочки, глиняные дувалы, подходы к ним, проходы на площадь... Партизаны открыли огонь по вертолету. Казалось, пули летели со всех сторон. Белая пыль, поднятая звенящими лопастями вертолета, была нашей дымовой завесой. Потом я отметил, что любимым тактическим приемом у генерала Дубынина был прием внезапности. Им он пользовался раз за разом — дерзко, расчетливо, мастерски. И Бог его хранил.

На другой день мы садились на каменный пятачок горного перевала. Высота — 3000 метров. Перевал, объяснили мне, как оживленный перекресток: караваны шли там один за другим круглые сутки. Ну и охраняли его «духи» крепко... Вот и решил Дубынин сам осмотреть местность, прежде чем отправлять туда своих солдат.

Проблема-то была только в том, что и на перевал мы садились под обстрелом. Я во время этой смертельно опасной экскурсии наблюдал за летчиками: у них побелели губы! Они не выключали двигателей и готовы были в мгновение сорваться и уйти подальше от этого гибельного места. Кому жить не хочется?

Так Дубынин проводил рекогносцировку перед боем. Я это видел сам. А еще я заметил тогда в горах, что люди верили в свою звезду, когда рядом был их генерал. Сужу по себе...

Что высматривал он, стоя на гибельном перевале, пролетая впритирку к отвесным стенам ущелий, зависая над изгибом бурной горной речки, выпрыгивая из вертолета на пятачок, в который потом на карте упрется его синяя стрела? Думал о том, как избежать потерь? Как в предстоящей схватке с врагом найти лучший путь к победе?

Я в полной мере оценил те рискованные полеты, когда потом присутствовал на постановке боевых задач подразделениям. Он говорил командиру: возле такого-то камня может быть засада; он говорил другому: возле этого изгиба ручья тебя наверняка ждут мины. Он советовал выходить на площадь этого кишлака только через эти переулки, а вот тут быть особенно внимательным, потому что на изгибе этой дороги тебя встретит пулеметное гнездо или гранатометчик. И так метр за метром, шаг за шагом — до самого кончика остря стрелы на карте.

Так понимал свою ответственность перед вверенными ему войсками первый заместитель командующего. Так он воевал в Афганистане.

* * *

К лету 1987 года там сложилась обстановка, требовавшая незамедлительного вмешательства в ход событий. Следовало остановить бесчисленные караваны с наркотиками и оружием, шедшие с юга, из Пакистана. Как раз тогда в отрядах моджахедов появились арабы, тогда в войну вступили регулярные пакистанские части, тогда копили силы люди Бен Ладена.

Возникла идея: силами 40-й армии и правительственных войск провести крупную войсковую операцию по зачистке района, прилегающего к пакистанской границе. Разработку операции поручили генералу Дубынину.

Ему требовалось проделать гигантскую работу. Обеспечить выход в район операции огромных масс людей и техники. Отработать взаимодействие разных родов войск, частей и подразделе-

ний. Предусмотреть масштабное тыловое обеспечение. Подготовить и развернуть походные лазареты и госпитали.

Мне он сказал как-то:

– Талант генеральской карты должен быть равен таланту солдата, который возьмет с этой карты на свои плечи генеральские стрелы. Талант генерала и талант солдата должны совпасть. Несовпадение — это 1941 год. Совпадение — это 1945 год. При несовпадении меняют генералов.

– Почему генералов?

– Потому что русский солдат во все времена хорош.

Если в двух словах, то по плану генерала Дубынина войсками 40-й армии и частями афганских войск наглухо закрывался целый участок границы с Пакистаном, а крупные силы моджахедов попадали в «котел». Предстояло замкнуть кольцо окружения радиусом в десятки километров. После того как войска закрывали границу, «котел» начинал сжиматься в районе Алихейля. Двигаясь к центру, войска захватывали и уничтожали склады, базы, стоянки наркоторговцев, огневые точки.

Я не стоял у стола, на котором генерал прописывал детали сценария предстоящей битвы. Но я видел, как развивались события, как претворялся в жизнь замысел Дубынина в грохоте металла и пламени реальных взрывов. Я видел, как течет кровь из рваных ран, как живой человек превращался в холодный труп. Всё — по сценарию войны.

Глаза и уши любого командира — его разведка. Дубынин придавал огромное значение разведке — агентурной, авиационной, визуальной, он всегда хотел получить о противнике максимум данных, прежде чем ввязаться в бой. Генерал располагал обширными разведданными едва ли не на каждый час. Помню, как под покровом ночи в затемненный закуток его кабинета проскальзывали люди с черными бородами, облаченные в афганские одежды. То ли пуштуны, то ли белуджи... Потом исчезали, как тени.

Через несколько дней я снова оказался на том перевале, где мы с генералом проводили вертолетную рекогносцировку. Там уже по-домашнему располагались наши и афганские солдаты. Я сидел среди них и слушал, как они рассказывали о героях — самых первых, ворвавшихся на эти горы. Они рассказывали, кто был второй, кто третий... Потом многие из них были награждены за взятие этого перевала орденами.

– Паника начинается не с солдата, который заорал благим матом: «Мы окружены! Спасайся кто может!» Нет, паника начинается с выражения лица командира, — говорил мне Дубынин. — Вы заметили, как во время ракетного обстрела все жмутся к командиру поближе?

– Как не заметить. Сам старался держаться к вам поближе. Вечер вечером принесли вам горячий осколок от мины, который

упал в нескольких шагах. Вы никак не отреагировали на него. Глянули, будто на холодный камень с обочины, и скучно сказали: «На пепельницу даже не годится. Мусор войны».

— Я и говорю о выражении лица командира, когда вокруг подчиненные, а обстановка — на грани срыва в панику. Паника — это мгновенный развал управления. В панику может впасть целая армия. И все зависит от командира. От того, как он держится на людях, каким тоном говорит, какие слова употребляет...

— Выходит, командир должен быть прирожденным артистом?

— В некотором роде так. Не зря же есть выражение — «роль командира». Эту роль надо уметь сыграть искренне и вдохновенно, когда кругом все горит и рушится и смерть ходит где-то рядом. Так сыграть, чтобы к людям вернулись мужество, смелость и отвага, чтобы они поверили и в себя, и в тебя — командира. А там и до победы рукой подать. Все от командира — и победа, и поражение.

— Ну а если убит командующий армией или фронтом, как это было с Ватутиным или Черняховским?

— Если погибает командующий — это беда, но не вся. На место погибшего сразу назначат нового, к тому же у него есть куча замов. Вся беда — это когда как с комфронтом Павловым: он вроде и не убит, но и не командует в силу своих слабых профессиональных и никудышных морально-волевых качеств. Всему фронту тогда беда и катастрофа.

В самом деле, не раз бывали ситуации, когда офицер вроде был на поле боя и вроде бы его там не было вовсе. Всегда все зависит от личности офицера, его способности действовать, брать на себя всю полноту ответственности.

И вот что еще запомнилось из тех встреч с генералом Дубыниным. Ему не только то и дело докладывали его подчиненные. Ему постоянно звонили по телефону «сверху». А звонок «сверху» во время боевых действий никогда не бывает по поводу гусей в небе. У тех, кто звонил, на столе лежала точно такая же карта, какая была перед генералом. Звонившие из Москвы и Ташкента водили по карте пальцами и высказывали свои ценные мнения и указания. Дубынин обязательно выслушивал все, но не припомню сейчас, чтобы после очередного такого звонка бросался бы сломя голову выполнять указания или что-то перечерчивать на своей карте.

Не выдержал я однажды и спросил Виктора Петровича напрямик: как он относится к таким звонкам?

Виктор Петрович нахмурился, тема была для него неприятная, о звонках «сверху» распространяться ему явно не хотелось. Но профессия врача и журналиста, говорят, позволяет задавать любые вопросы. Была ночь. Совсем рядом работала артиллерия. Гудел движок питания. На столе горела лампа, освещающая белым кругом рабочую карту генерала.

— Пока я здесь, — он показал на лежавшую перед ним карту оперативной обстановки, — я один отвечаю за судьбу операции. И за каждого погибшего отвечаю персонально только я. Если указания сверху помогают решить задачу, — почему бы их не принять к исполнению? Но ведь с Арбата далеко не все видно...

Однажды к нам на Алихейль прилетел командующий войсками округа. К тому времени движение наших подразделений несколько замедлилось. У некоторых танков на крутых подъемах перегревались двигатели. Генерал Дубынин приказал «оставить в покое» эти танки и двигаться по маршруту без них. Ему нужно было во что бы то ни стало в срок замкнуть кольцо.

— Вы будете героями, если выдержите запланированный темп, — говорил Дубынин механикам-водителям. — Мы должны вовремя закрыть границу. Иначе банды ускользнут за кордон, а там мы их не достанем. Не от пушек и ракет сейчас зависит судьба операции, а от ваших моторов, от ваших рук. Забудьте все, только — темп, темп и еще раз темп.

Разбираться с той заминкой и прилетел командующий войсками округа. И с ходу, еще не вникнув в обстановку, гость обрушился на Дубынина с упреками, а затем стал отдавать свои указания.

Виктор Петрович достал из сейфа карту и положил ее перед командующим.

Я выполню все ваши приказы точно и в срок. Прошу сделать их письменно прямо на этой карте, — ровным, слегка глуховатым голосом произнес он.

Командующий опустил глаза на карту. В верхнем правом углу стояли фамилии тех, кто ее визировал: министр обороны СССР, начальник Генштаба и... сам командующий округом. Генерал-полковник надолго задумался. Потом поднял глаза:

— Ну ладно. Ты теперь скажи, что тебе подбросить из недостающего? Как с горячим?

* * *

...Тогда, в 1987 году, перед тем как сдавать в набор эту статью, я позвонил генералу. Он уже был командующим 40-й армией. В телефонном разговоре мы снова коснулись ответственности командира в современных условиях.

— Моя точка зрения на сей счет не переменялась, — сказал командующий. — Напротив, с каждым днем все больше убеждаюсь в своей правоте.

— С окончанием той операции спать по ночам не научились? — в шутку спросил я.

— Пока нам тут не до сна...

Стояло лето 1987 года.

СТАРАЮСЬ БЫТЬ НА НЕГО ПОХОЖИМ

Валерий ВОСТРОТИН,
*заместитель министра по делам гражданской обороны
и чрезвычайным ситуациям, генерал-полковник,
Герой Советского Союза*

Мы познакомились с Виктором Петровичем Дубыниным, когда я во второй раз попал служить в Афганистан. Моему появлению там предшествовала история в духе Агаты Кристи, причем эта история самым неожиданным образом аукнулась мне впоследствии.

А дело было в том, что там как раз накалилась обстановка вокруг отдельного 345-го парашютно-десантного полка, который стоял в Баграме. Это был, между прочим, один из самых боевых полков в афганской группировке. Он принимал участие практически во всех операциях и воевал всегда на самых ответственных направлениях. Непарадный, словом, был полк... И именно там произошла детективная история: один офицер украл у начальника финансовой части шкатулку с деньгами. Открыли уголовное дело, офицера арестовали, но деньги не нашли, он их уже растратил. Тем временем командир, чтобы покрыть недостачу, занял денег у богатого афганца, оставив ему расписку, а сам вскоре уехал домой по замене. Пришло время рассчитываться по долгам, а денег-то нет. И тогда новый командир полка, чтобы замять дело, вынужден был пойти на аферу.

Он закупил в Союзе холодильники, — разница в ценах была просто дикая, — продал их и отдал долг. Ну и, естественно, попался на этой спекуляции. Опять открыли уголовное дело, но, благодаря доброй воле командующего и с учетом боевых заслуг участников этой истории, никто из них не пострадал. Командира полка, начальника штаба, замполита и начальника тыла просто отправили в Союз. И тогда Дубынин, командующий 40-й армией, обратился к генералу армии Сухорукову, командующему ВДВ, с личной просьбой — направить в Афганистан толкового офицера, который там уже воевал.

Так я и оказался опять «за речкой» — командиром 345-го полка. В роли «толкового офицера», которому пришлось завершать

историю с холодильниками. Их, кстати, еще много оставалось на складе, и я, когда принял полк, просто раздал их по госпиталям.

А я еще во время первой командировки в Афганистан был представлен к званию Героя Советского Союза, но звезду так и не получил. Не знаю уж, по какой причине. Мне никто ничего не объяснял, как не объясняли и многим из тех, кто был представлен к этому званию, но тоже его не получил. Правда, некоторые стали Героями, не имея на это никаких прав и оснований, но речь не о них. Просто хочу сказать, что Дубынин знал это.

Полк у меня был отдельный. Формально он находился в оперативном подчинении у командира 103-й воздушно-десантной дивизии Павла Грачева, но непосредственно подчинялся командующему армией.

Признаться, я до этого времени вплотную с командующими армиями не работал. Обычно ведь как? Командир полка выходит на командира дивизии, а уж тот — на вышестоящее начальство. А тут я оказался на прямом контакте с командующим. И я считаю, мне здорово повезло, что командующим оказался именно Виктор Петрович Дубынин. Я у него очень многому научился. И своей карьерой, при зрелом размышлении, я тоже во многом обязан именно ему.

И к званию Героя ведь представил меня именно он — Дубынин. Я не собираюсь расточать ему теперь за это благодарность: поздно это делать. Просто хочу рассказать, как он работал.

На границе с Пакистаном начиналась тогда плановая операция на так называемом Парачинарском выступе. Там располагался пограничный отряд афганцев, и раз в год мы помогали им проводить замену людей, боевой техники, пополнять продовольствие. А заодно — громили базовые районы душманов, как их тогда называли. В тактическом плане там никаких особенных проблем не предвиделось. Мы выходили на границу, прикрывали ее, а в это время афганцы меняли своих людей. Потом мы уходили.

Я уже в третий раз участвовал в подобной операции. Да и половина офицеров полка, которым я командовал, в ней тоже уже участвовали. Одним словом, ничего нового и особенного для нас там не было.

Получив задачу, мы тихонечко выдвинулись по направлению к границе. Как и в прежние годы, наш 345-й полк был расположен на направлении главного удара. Неподалеку, в соседнем с нами ущелье, в том же направлении шел 180-й полк, где начальником штаба был мой близкий друг и однокашник по Академии Руслан Аушев. На последнем этапе операции мы должны были занять боевые рубежи на границе с Пакистаном.

Но, к сожалению, наша разведка «промухала», что на пакистанской стороне границы за минувший год был создан мощный учебный центр арабских борцов за веру — добровольцев, по-нашему. В отличие от обычных «духов», с которыми нам прежде

приходилось иметь дело, это были великолепно подготовленные в военном отношении и фанатично настроенные воины.

Ничего этого мы, понятно, не знали. Операция шла своим ходом: основные блоки уже были выставлены на господствующих высотах, нам только и оставалось, что выйти на границу — занять там рубежи четырьмя ротами нашего полка и четырьмя ротами полка Аушева. На том и конец операции.

Руслан-то, в принципе, туда и вышел. А вот нам не повезло: попали в засаду. Сплошной огонь со всех сторон — головы не поднять. У меня начались потери.

Я сначала ничего не понял. У меня всегда было очень мало потерь, я считал себя довольно везучим командиром, а тут — один убитый, другой... А надо сказать, местность там похожа на нашу сибирскую тайгу. Все думают, что Афганистан — это горы и пустыни. Так оно, в принципе, и есть. Но не везде. Там, где шла операция, стоял дремучий лес, вековые сосны, только голая макушка горы выглядывала из зарослей. И они, эти арабы, прятались по лесам и кустам, как белорусские партизаны.

Две мои роты были блокированы и окружены, бои были такие интенсивные, что дважды десантникам пришлось переходить в рукопашную. Что вообще было непривычно для этой войны, — афганцы всегда избегали рукопашной, этот вид боя для них никогда не был характерен. Почему, думал я, они вдруг изменили своим традициям? Непонятно.

Я сам отправился туда с разведчиками, к этим двум ротам, и тоже попал в засаду. Естественно, вышел по радиации на командующего и обо всем доложил Дубынину. Чувствую, на том конце провода, фигурально выражаясь, сгущаются тучи... Дубынин мне в сердцах говорит по радиации:

— Я же просил Сухорукова прислать мне толкового командира!

Надо сказать, что генерал Дубынин считался очень деликатным командующим, да и был им, по сути. Я ведь разного вышестоящего начальства немало повидал. Грубые люди в своем большинстве, чего там говорить. Редко кто из них обходился без мата. А тут — все было сказано исключительно в литературных выражениях, но мне, честно говоря, очень обидно стало. Вроде как подвел и Сухорукова, и самого Дубынина. А я к тому времени, пока полком командовал, уже и орден Красной Звезды заслужил, и воевал на самых ответственных участках. И, в общем, успешно воевал, без особых потерь. А тут так обо мне — «просил прислать толкового командира»...

Тут, правда, необходимо иметь в виду: тогда с нас очень строго спрашивали за каждого погибшего человека. За каждого! А у меня к тому времени уже одиннадцать человек погибло. Беда страшная.

Только потом, когда мы захватили первые трупы, поняли, кто с нами сражается. Темнокожие арабы, хорошо подготовленные наемники.

К тому же обычные душманы были одеты, как правило, кто во что горазд. А эти — все в черной полевой форме, экипированы великолепно, оружие новехонькое, воюют грамотно, несколько раз подбрасывали туда свои резервы, высаживали их на вертолетах... Словом, это была самая настоящая регулярная армия.

Я не верил, пока своими глазами не увидел! И Дубынин мне тоже не поверил, что это регулярные, специально подготовленные войска. Он четыре раза сам прилетал ко мне на вертолете, причем, как только он появлялся, арабы открывали просто шквальный огонь.

Я, вообще-то, не сторонник того, чтобы люди такого уровня лезли под пули — не их это дело. Но в данном случае, наверное, он был прав. Ему надо было все увидеть своими глазами.

Командующий отдал мне тогда весь свой резерв. И авиационный, и артиллерийский, включая секретное высокоточное оружие — минометы «Тюльпан». Он отдал их в мое распоряжение, отправил ко мне на помощь старшего лейтенанта — командира этой батареи. Весь ресурс группировки был у меня, и мы, конечно, отбивались как могли.

И в конце концов отбились. Саперы здорово помогли. Они установили особое минное поле — мины устанавливаются, а потом, когда необходимо, приводятся в действие радиосигналом. Мы туда арабов и заманили.

Операцию мы закончили, но потери в полку были очень большими — пятнадцать человек. Это теперь в Чечне гибель солдат — в порядке вещей. Тогда все иначе было: за каждого погибшего спрашивали со страшной силой. Я как-то стал свидетелем, как Дубынин докладывал маршалу Соколову по каждому человеку: как погиб, почему погиб, что мешало спасти... Детально! Потому и он тоже за каждого погибшего спрашивал. В первую очередь, с командиров.

Мне тоже пришлось очень детально, чуть ли не поминутно, докладывать Дубынину о моих действиях, кто где находился, какие распоряжения от меня получал, как их выполнял... Часа четыре мы с ним сидели в его кабинете, пока я не доложил ему о ходе всей операции в мельчайших подробностях. Но вот что удивительно, — и это тоже черта его характера, — он прекрасно понимал, что его фраза «я просил Сухорукова прислать мне толкового командира» меня глубоко ранила. И представьте себе, он передо мной извинился.

— Ты же понимаешь, почему я тогда так сказал, — объяснил он. — Переживал сильно.

Я ответил:

— Конечно, понимаю.

Мало того, что он передо мной извинился, кадровики мне потом рассказали: он, уезжая, специально попросил Громова под-

писать на меня представление на присвоение звания Героя Советского Союза. Ведь, когда подсчитали результаты той операции, выяснилось, что мы крепко всыпали арабам. В госпиталях по ту сторону границы их лежало около двух тысяч. А сколько было убитых, никто не знал. Но если исходить из процентного соотношения количества раненых к убитым, то, по всей вероятности, они там оставили не менее 600 человек. Мы и Центр их полностью разгромили. И в этом была большая заслуга Дубынина, очень грамотным он был командующим.

Я многому у него старался научиться. Вот только один пример. Много раз видел, как командующие его уровня принимали решение на ту или иную операцию. Обычно это бывает так: операторы нарисуют на карте порядок действий, обозначат замысел, решение, а начальство только расписывается в уголке: «согласен». Дубынин работал иначе. Он всегда разрабатывал замысел операции лично. Конечно, не сам все рассчитывал до последнего снаряда, но сама идея операции всегда принадлежала лично ему и никому другому. Причем он, конечно же, советовался перед принятием решения с опытными командирами, выслушивал мнение каждого. Но потом сам рисовал на карте простым карандашом, кто и где должен находиться, куда будет наносить удар, куда потом перемещаться...

Операторы потом только цветными карандашами обводили его решение, то есть, как говорят военные, «поднимали» его. Но опять же: Дубынин постоянно вникал в их расчеты. В существо самых мелких деталей. Глядя на него, я тоже взял для себя за правило — принимать решение всегда самому, лично его продумывать и отвечать за то, что ты сделал.

Вот почему, когда его назначили начальником Генерального штаба, я радовался не только за него, но и за всю армию, за всех нас. Потому что эта должность еще престижнее и важнее для Вооруженных сил, чем даже пост министра обороны. И если бы не его болезнь, если бы ему удалось подольше поработать в этом качестве, я убежден, Российская армия развивалась бы гораздо увереннее и спокойнее, чем сегодня.

По своему интеллектуальному уровню, полководческим способностям Виктор Петрович превосходил тогда всех своих начальников.

Отличался он от них еще одним качеством — редкой душевностью. Знаю по опыту, что у людей такого уровня эта черта характера, как правило, начисто отсутствует. Особенно сейчас. Есть, разумеется, начальники — грамотные, толковые, не черствые как сухари. Виктор Петрович удивительно светлым был человеком. И сам относился к людям с огромным уважением и любовью, и люди отвечали ему тем же.

Я стараюсь жить так же. Может быть, не всегда такому уровню соответствую, но стремлюсь быть таким, как Дубынин.

«ДУМАЙ САМ, ПОДПОЛКОВНИК!»

Магомед ЕЛОЕВ,
полковник медицинской службы

В июне 1986 года в Баграме, где я служил начальником инфекционного госпиталя, сложилась неординарная ситуация. То ли попали под обстрел артиллерийские склады, которые стояли напротив госпиталя, то ли там произошла какая-то авария, не знаю... А я приехал-то в Афганистан незадолго до этого — всего полтора месяца отслужил, только-только начинаю разбираться, что тут к чему, — и вот такая незадача!

Вообще-то, обстрелы в Баграме были почти каждый вечер, к ним все уже привыкли, и я тоже. Но накануне ко мне пришел прапорщик, который служил на этих складах, и говорит:

— Мы будем капониры делать для хранения ящиков со снарядами, подрывать грунт, потому что лопатой его не возьмешь. Так что вы не пугайтесь, если взрывы услышите. Все нормально, все по плану.

А тут в двенадцать часов забегает дежурный по госпиталю и говорит:

— Там взрывы какие-то рядом с нашим госпиталем!

Я его успокоил:

— Это все по плану, не переживай.

Но через десять минут он снова забегает, говорит:

— Там уже болванки снарядов летают, не приведи господь, в нас врежутся. Несколько штук уже на территории госпиталя упало, в хозяйственный двор.

Я понял, что ситуация уже нештатная, — то ли они взрывчатки переложили, то ли действительно душманы в какой-то из складов попали, но что-то предпринимать надо. Выскакиваю из кабинета, и прямо возле меня болванка снаряда грохается. Я шлем накинул, приказываю медперсоналу:

— Эвакуируйте больных!

Больных в этот период было немного — человек двести пятьдесят или триста. Это осенью, когда инфекции бушевали, их много бывало, до двух тысяч доходило. У нас за палатами траншеи были выкопаны, и мы начали туда эвакуировать больных и

раненых. И сотрудников — тоже туда. А снаряды и ракеты уже летят повсюду, хорошо, что не взрываются, видимо, хранились без взрывателей. Это и спасало.

Короче говоря, болванки летят, мы сидим в траншеях часа два, и сколько еще сидеть, никто не знает. Я — командир как-никак, понимаю: надо что-то делать. Пробрался задами, сел в машину и поехал в расположенную недалеко от нас 108-ю мотострелковую дивизию — узнать, что и как будем делать.

А дивизией командовал Александр Михайлович Барынькин. И так совпало, что в Баграме в это время находился главком Южного направления генерал армии Зайцев. Как зайти к комдиву решить свой вопрос, если у него такой большой начальник сидит? Кто я такой? Подполковник какой-то, врач, я и командующего армией видел только из зала совещаний партийного актива. А живьем, что называется, не видел никогда.

Зашел. Командир дивизии Барынькин мне говорит:

— Пошли в бункер, доложишь командующему о ситуации в твоём госпитале.

Завели меня в бункер, смотрю, а там командарм и главком Южного направления. Они сидят, что-то обсуждают. Я не знаю, что делать, меня Барынькин в спину толкает: иди, мол, докладывай. Я и докладываю:

— Товарищ командующий, сижу с больными и ранеными в траншеях. Уже несколько часов идут эти взрывы, болванки снарядов и ракет летают. Что мне делать? Эвакуировать людей с территории госпиталя или не надо? Сколько эти взрывы будут продолжаться?

Есть такие большие начальники, которые обычно в глазах подчиненных всегда стараются выглядеть решительными, всезнающими людьми, способными принять решение в любой обстановке. Правильное — неправильное, неважно. Главное — быстро, громко, решительно. Да еще с пренебрежением к младшему по званию. Только так, по их мнению, можно самоутвердиться в глазах подчиненных. А Виктор Петрович мне вдруг говорит:

— Знаешь, подполковник, я и сам не представляю, что делать.

Меня как-то сразу это расположило, когда командующий говорит, что не знает, что делать. Не сверхчеловек, не Бог, а нормальный мужик, как и все мы.

— Ты сумеешь, — спрашивает он меня, — еще продержаться пару часов?

Я отвечаю:

— Если речь идет о часах, то продержусь. Если о сутках, то надо куда-то эвакуировать людей, им столько не выдержать. Там медсанбат инфекционный за нашим забором, он тоже ушел от греха подальше.

Дубынин говорит:

— Смотри сам. Думай, принимай решение по обстановке. Если будут серьезные проблемы, немедленно связывайся со мной, я окажу тебе любую помощь. Но если справишься сам, — молодец. А пока потерпи. Мы тут наблюдаем за ситуацией.

Меня это просто поразило: генерал, командующий, предложил мне подумать! Я уехал, мы еще часа четыре просидели в окопах, а потом все прекратилось. Я позвонил ему, доложил об этом. Он даже не приказал — попросил: попытайтесь восстановить, что порушено, собственными силами. А будут проблемы — обращайтесь...

Вот так мы и встретились с Дубыниным. Он пользовался очень большим авторитетом в армии. И это был не показушный, не трибунный авторитет. У меня вообще сложилось впечатление, что он был довольно молчаливым человеком, даже застенчивым по части публичных речей. Может быть, потому, что немного шепелявил и букву «р» нечетко выговаривал. Но репутация у него была очень хорошая, прочная.

У меня много друзей-«афганцев». И Валерий Востротин, и Руслан Аушев, каждый из них — уникальная, замечательная личность. Но уверен, что никого не обижу, если скажу: Дубынин был на голову выше всех остальных. Я — врач, и не берусь оценивать его как стратега и военачальника. Но по человеческим качествам, по степени порядочности он был исключительной личностью.

Последний раз я видел его в ноябре 1992 года в госпитале Бурденко, когда он уже умирал. Он знал о своем диагнозе и встречал свою судьбу очень мужественно, просто стоически. Мне по роду службы много раз приходилось видеть, как уходят люди, работа такая. Так вот: никто не знает, как каждый из нас будет себя вести, если, не дай бог, окажется в подобной ситуации. Все хотят жить. Он себя вел очень достойно. По-настоящему достойно. По-мужски.

Я заходил к нему буквально за день до его смерти. Виктор Петрович, как ни тяжело ему было, встал с постели, протянул руку. Ни на что не пожаловался, ни слова не проронил, о том, как ему больно.

Таким я его навсегда и запомнил.

ЖИЛ, НЕ ЖАЛЕЯ СЕБЯ

Евгений НИКИТЕНКО,
профессор, кандидат исторических наук

Два года мы воевали в Афганистане с Виктором Петровичем Дубыниным, как говорится, бок о бок. Он руководил боевыми действиями, я был начальником оперативного отдела, непосредственно участвовал в организации операций. Мы никогда не летали на одном вертолете: если бы его сбили, я был бы обязан взять руководство группировкой на себя.

Судьба сводила нас дважды. Когда я прибыл в Афганистан летом 1985 года, Дубынин был еще заместителем командующего 40-й армии. Мы посмотрели друга на друга, и он воскликнул: «Я тебя где-то видел!» У меня возникло то же самое чувство: я откуда-то знал этого ладного генерал-майора. Стали вспоминать, и оказалось, что мы были шапочно знакомы еще в Москве. Когда я учился в Академии бронетанковых войск, мой товарищ пригласил меня на день рождения его сокурсника. Мы с именинником быстро нашли общий язык и даже погусарили: когда кончилась выпивка, поехали добывать ее на Казанский вокзал. Так вот: тем самым именинником, с которым мы так быстро поладили, и был не кто иной, как Дубынин! В Афганистане судьба свела нас вторично и уже надолго.

Я участвовал во всех боевых действиях, которыми руководил Виктор Петрович. И не уставал удивляться не только тому, как блестяще он руководил операциями, но и тому, как тщательно анализировал прошедшие бои, искал плюсы и минусы своих решений, умел извлекать уроки, как из удач, так и из промахов. Опыт каждого боя не пропадал даром, — Дубынин учитывал его в следующем бою. Ни одна более или менее крупная операция не проводилась без тщательной подготовки. Виктор Петрович не успокаивался, пока не убеждался, что каждый командир взвода, батальона, роты знает свою задачу и понимает, что от него потребуется в предстоящем бою. Я уверен: когда Виктор Петрович стал командармом, все командиры рот, взводов, батальонов знали его в лицо.

В ту пору в Кабуле образовалось блестящее трио: вместе с Дубыниным работали генерал по особым поручениям Генштаба Бо-

рис Всеволодович Громов и начальник штаба армии Анатолий Ипатович Сергеев. Именно этим людям выпала доля переломить ход войны, искать не только военные, но и политические пути решения афганской проблемы.

Дубынин, честь и хвала ему за это, собрал вокруг себя команду талантливых, грамотных и профессиональных офицеров. Они не боялись предложить нестандартное решение какой-то проблемы, зная о том, что Дубынин сумеет его оценить и — главное! — претворить в жизнь, каким бы странным оно ни казалось московским начальникам. Многие из тех, кто служил под началом Дубынина, впоследствии стали генералами, их имена сегодня хорошо известны в Вооруженных силах. Это заместитель министра обороны генерал армии Исаков, начальник Центрального госпиталя в Красногорске генерал-майор Немытин, начальник инженерных войск России генерал-полковник Сердцев, заместитель министра по делам ГО и ЧС генерал-полковник Востротин, заместители командующего сухопутными войсками генерал-лейтенанты Евневич и Скородумов, заместитель начальника Академии Генштаба генерал-полковник Барынькин. И многие другие.

Первая задача, которую Дубынин поставил перед подчиненными, — прекратить врать. Речь шла о докладах в Москву по поводу числа убитых и раненых. Теперь уже не секрет: истинные цифры потерь не то чтобы скрывались, но «растягивались» на несколько дней, дабы не вызвать гнев начальства. Дубынин принял решение: ежедневно докладывать об истинных потерях, несмотря на то, что это кардинально изменило статистику. «При Дубынине» в полтора раза уменьшаются собственные потери, но количество раненых... увеличивается. Иной может упрекнуть Дубынина в том, что в 1985 году «у него» было сорок четыре тысячи раненых. Но это говорит совсем не о том, что мы стали хуже воевать, а о том, что, во-первых, перестали искажать цифры. Во-вторых, в 1985 году было принято решение платить войнам за ранения, и Виктор Петрович взял на себя смелость обозначить перед государством эту цифру — 44 тысячи раненых. И он гарантировал своим подчиненным, что за эти цифры — за правду! — отвечает он, Дубынин. В этой ситуации большую роль сыграл и Борис Всеволодович Громов, который стал своеобразным «буфером» между 40-й армией и Генштабом, где кое-кого правда не устраивала.

Еще одна заслуга Виктора Петровича в том, что он... переобул армию. Дело в том, что причиной огромного числа ранений солдат и офицеров в Афганистане были противопехотные мины и растяжки, которые ставились на дорогах и горных тропах. Так вот, по распоряжению Дубынина мы стали анализировать характер ранений. Выяснилось, что их последствия значительно

зависели от того, во что обуты солдаты — в уставные сапоги или в кроссовки. Подрыв на mine в любом случае — страшное несчастье, но оказалось, что ранение менее травматично, если у бойца на ногах — кеды или кроссовки. И это не говоря уже о том, что традиционные сапоги вообще не лучшая обувь для горной войны. Когда мы проанализировали все это, Виктор Петрович отдал команду немедленно обути солдат в кроссовки. Они были срочно закуплены на деньги, которые обычно выделялись на развитие подсобных хозяйств, — была такая статья в армейских бюджетах. Всю ответственность за эти расходы Дубынин взял, естественно, на себя. Как взял на себя и объяснения с генералами, прилетавшими на несколько дней из Москвы в командировку. Еще не сойдя с трапа, они начинали возмущаться: «Кто посмел?! У вас солдаты обуты не по уставу!» Вот уж поистине: кто смел, тот и посмел.

При Дубынине появилась стройная система обеспечения безопасности колонн, которые доставляли в Афганистан грузы из Советского Союза. Был создан диспетчерский центр по управлению колоннами, построена система обеспечения их безопасности с использованием авиационного и артиллерийского прикрытия. Не случайно в 1985 году нападения на автоколонны и их подрывы сократились в два раза.

Под руководством Виктора Петровича была отчасти решена еще одна долго мучившая нас проблема. Через весь Афганистан из Советского Союза шел трубопровод, по которому в Кабул доставлялось топливо для нашей и афганской техники. Понятно, что и душманы, да что греха таить — и просто мирные жители трубопровод этот постоянно вскрывали, топливо воровалось. Виктор Петрович отдал приказ: бесплатно выдавать в кишлаках топливо при условии, что сельчане сами будут защищать трубопровод. И оказалось, что это выгоднее, чем постоянно ремонтировать и охранять трубу.

Или вот еще пример: как обстояло дело до Дубынина с организацией разведывательно-огневых комплексов? Подразделения радиоперехвата прослушивали эфир «сами по себе», а артиллерия обстреливала противника «сама по себе». Конечно, наверняка кому-то приходило в голову и раньше, что радиоразведку надо напрямую связать с артиллерией, авиацией, но на практике этого не делали. А Виктор Петрович соединил в один кулак радиоразведку и огневую мощь. Специалисты, которые ведут пленгаию, обнаруживают переговоры «духов» и немедленно передают координаты противника артиллеристам. Результат: была выведена из строя вся система управления противника!

Когда Дубынин был командующим армией в Афганистане, изменилась тактика применения вертолетов. Значительная часть боевых действий стала проводиться с использованием де-

сантов. Например, только в 1986 году во время боевых операций более ста тысяч человек участвовали в воздушных десантах. Виктор Петрович сам летал на вертолетах, лично находился в районе боевых действий. Это позволяло ему оперативно вмешиваться в ситуацию, лично влиять на события. Того же он требовал и от подчиненных.

Я считаю величайшей заслугой Дубынина: он умел реализовывать все полезные идеи, не боялся внедрять в жизнь новейшие достижения науки и техники. Немногие знают: благодаря Виктору Петровичу у нас в Кабуле в 1985 году действовала первая, вероятно, не только в Вооруженных силах, но и вообще в Советском Союзе локальная сеть из восьми компьютеров. С ее помощью, кстати, рассчитывался и план вывода советских войск. В последнем БТР, который вышел из Афганистана, сидел подполковник Василенко, который держал на коленях компьютер со всеми данными о выводе войск.

...Внутриполитические изменения в стране, названные перестройкой, сказались и на 40-й армии. Виктор Петрович хорошо понимал сущность, подоплеку происходящих событий, всю пагубность позиции, которую мы, военные, занимали в Афганистане. Он понимал, что проблему невозможно было решить военной силой, что надо было беречь людей, воевать с наименьшими потерями. С другой стороны, как командарму ему приходилось искать общий язык и с собственным руководством, и с афганскими властями, сочетать с ними действия советских войск. И Дубынин постоянно держал руку на пульсе жизни страны: встречался с рабочими, экономистами, советниками, представителями правительства ДРА... Он хорошо понимал, как достигать целей малой кровью, когда пускать в ход силу, а когда — хитрость и дипломатию. Попытки Наджибуллы вести демократические преобразования в стране встречали понимание командующего 40-й армией.

Ему удалось увеличить не столько силовое, сколько политическое давление на душманов. Начались активные переговоры с главарями «духов». Конечно, мы понимали, что «Восток — дело тонкое», учитывали, что сегодня бандиты могут договориться с нами, а завтра точно так же могут и «подставить». Опыт, знание ситуации и интуиция позволяли Дубынину пользоваться слабостями противника, умело опираться на «договорные» банды — те, которые сотрудничали с «шурави». Виктор Петрович удивительно понимал все тонкости общения с людьми, выросшими и воспитанными на Востоке.

И все же самое главное, чему он учил нас, — воевать малой кровью. В начале 1986-го командующий поставил перед нами задачу — проанализировать результаты прошедших боев. Выводами наших исследований мы были просто ошеломлены. Оказа-

лось, что ежегодно мы проводили до семидесяти крупных боевых операций... А результат — как не было мира, так и нет. Естественно, возник вопрос: а зачем, собственно, мы ведем боевые действия? Какой в них смысл?

И тогда в 40-й армии появился уникальный, на мой взгляд, документ — План расширения и укрепления ядра народной власти в уездах и населенных пунктах Афганистана. В кишлак направлялось организационное ядро народной власти — представители партии, экономисты, военный комендант, которым мы на какое-то время обеспечивали силовую поддержку, оказывали медицинскую и материальную помощь населению. А уж после этого предусматривалась подготовка местной милиции, способной в дальнейшем поддерживать порядок.

Дубынин одним из первых пришел к выводу: уничтожить душманов бесполезно — накануне наших боевых действий они легко «рассасывались» по населенным пунктам, по родственникам и порой даже не оказывали вооруженного сопротивления. Дубынин нашу задачу видел в том, чтобы уничтожать их базы, опорные пункты, склады с вооружением и боеприпасами. Мы лишали противника тылового материально-технического обеспечения, лишали их возможности продолжать борьбу. И здесь необходимо отметить один интересный нюанс... Если мы в каком-то базовом районе бандформирований захватывали склады с продуктами питания, то часть, например, муки, сахара отдавали войскам ДРА, а часть раздавали местному населению. Конечно, мы понимали, что моджахеды свои продукты заберут обратно, но мы шли на это, чтобы афганцы видели, кто продукты отдал, а кто — забрал. У нас успешно работали отряды спецпропагандистов. Виктор Петрович считал важным, чтобы такие отряды, в которые входили врачи, специально подготовленные офицеры, появлялись с небольшой охраной в кишлаках, раздавали там продукты, гуманитарную помощь, лечили людей, вели пропагандистскую работу... В 1986 году были сотни таких выездов и ни один подобный отряд не был уничтожен.

...Июль, 1986 год. Отряды Ахмад-шаха и Басира обложили город Файзабад со всех сторон. Нам надо было провести туда колонны, завезти оборудование для строительства там аэродрома, обеспечить продуктами местное население. Планируя эту операцию, мы с Виктором Петровичем применили нестандартное решение: объявили всем купцам северного Афганистана, что обеспечиваем им свободный проезд с товарами в Файзабад — пожалуйста, везите туда что душе угодно, кроме военных грузов. Но уж, будьте добры, обеспечьте безопасность трассы. А ведь Афганистан — страна торговая, купцы составляют там могущественную, влиятельную силу.

Операция, таким образом, сводилась только к упреждающим военным действиям. Причем Виктор Петрович сам ездил вместе с отрядом спецпропаганды, который предупреждал мирное население о предстоящих боевых действиях. Под Ханабадом был разбит лагерь, где людям оказывалась медицинская помощь... Результаты такого подхода были просто уникальными. В течение месяца по трассе на Файзабад ежедневно шли советские транспортные колонны, и в составе этих же колонн на своих «барбухайках» ехали местные торговцы. За целый месяц — ни одного подрыва!

Вспоминается операция на ирано-афганской границе. Это район, через который из Ирана направлялась помощь моджахедам, а заодно и наркотики, предназначенные для дальнейшей переброски в Европу. Мы долго отслеживали ситуацию, и вот настал момент, когда стало понятно: там скопилось очень много героина. И тогда под руководством Дубынина совместно с пограничниками и войсками ДРА была спланирована и проведена чрезвычайно рискованная операция. Подразделения перебрасывались самолетами в Герат и Кундуз, а затем вертолетами — в район границы. Проводились сложные маневры войск. Виктор Петрович руководил планированием и организацией всей операции, а мне, как начальнику оперативного штаба, он доверил руководить операцией непосредственно на командном пункте в базовом районе Кокари-Шаршари. И это тоже был риск — доверить мне, подполковнику, такое ответственное дело. Но Дубынин умел доверять людям... При взятии Кокари-Шаршари погиб только один человек и пятеро были ранены, и при этом было уничтожено около шестисот моджахедов. И главное: нам удалось взять целых шесть тонн наркотиков! Это ли не свидетельство того, насколько тщательно операция была спланирована и как четко проведена.

Мне кажется, Виктору Петровичу даже нравилось рисковать. Когда в июле 1987-го он покинул Афганистан, то напоследок полетел в Алихейль попрощаться с войсками, которые в тот момент проводили там боевую операцию. Ради этого он пролетел около двухсот километров, причем в любой момент его могли сбить: в то время у моджахедов уже появились «Стингеры». Но такие рискованные поступки командующего поднимали боевой дух армии.

Дубынину порой приходилось брать на себя риск и совершенно иного рода. Бывало, приезжали из Москвы начальники и с умным видом отдавали приказы, выполнять которые было бы глупостью и даже преступлением. Иногда мы были вынуждены «исполнять» эти решения, но только... на бумаге, а сами продолжали делать дело, как считали нужным. Так было в ходе операции «Кольцо» — боевых действий, которые проводились вокруг

Кабула. Когда мы, тщательно все спланировав, пытались очистить базовые районы моджахедов вокруг столицы Афганистана, один из вышестоящих начальников захотел вмешаться — предложил изменить боевую задачу и срочно провести передислокацию войск, в чем не было абсолютно никакой надобности. Естественно, вместо того чтобы губить солдат, мы предпочли доложить начальству: так точно, приказ выполнен!

У Дубынина было редкое качество: он брал всю ответственность на себя, но при этом блестяще действовал в команде. Работая у него начальником оперативного отдела, я всегда знал, что он никогда не снимет меня с должности в ходе боя, как этого можно было бы ожидать от другого командира. Виктор Петрович умел не просто отдавать приказы, но, что очень важно для полководца, умел и выслушать подчиненного.

У него была еще одна особенность: если ситуация вынуждала его сделать подчиненному выговор, то Виктор Петрович переходил на демонстративно-литературный язык, без единого грубого слова, исключительно на «вы». Говорил очень спокойно и вежливо, но это действовало страшнее мата. Казалось, он в любой ситуации оставался спокойным и хладнокровным. Возможно, только привычка курить сигарету за сигаретой выдавала то, что творилось у него на душе...

Виктор Петрович реализовал себя в Афганистане как полководец нового типа, который понимал сущность современной войны. Уже тогда он закладывал основы ведения боевых действий в новых социально-политических условиях. Дубынин был «государевым человеком» в лучшем, самом высоком смысле — служил Отечеству и старался решать поставленные перед нами задачи наилучшим, наиболее эффективным образом. Служил, не жалея себя, — потому так быстро и сгорел.

ОН УМЕЛ И ВОЕВАТЬ, И ДРУЖИТЬ

Анатолий ЖУКОВ,
генерал-лейтенант

Очень важно, чтобы командир, руководитель был уверен в себе. Мне посчастливилось служить вместе с человеком, который знал себе цену, умел настоять на своем и никому не позволял помыкать собой. А, надо сказать, находились желающие «поручить» ситуацией вместо него, командующего 40-й армией.

Я неоднократно наблюдал, как во время боевых операций, например, у тогдашнего Главкома ставки войск Южного направления или у командующего Туркестанским военным округом вдруг возникали «боевые идеи». А неплохо бы, мол, ударить вот здесь! А давай-ка, Виктор Петрович, проведи сейчас операцию вон в том районе, потому что, возможно, там сейчас сосредотачиваются «духи».

Надо отдать должное выдержке Дубынина — он в таких ситуациях не нервничал и не спорил, но и не брал «под козырек». Он не пытался объяснять начальникам азы военного искусства, предписывающего определенные правила и сроки подготовки подобных операций в горной местности. Дубынин поступал как опытный психолог. Он спокойно доставал фломастеры, клал их на карты, развернутые перед вышестоящими начальниками, и предлагал им:

— Напишите, пожалуйста: «Товарищ Дубынин, приказываю вам изменить район боевых действий...» Я подчинюсь вашему письменному приказу. Но за все последствия, за потери людей отвечать будете вы.

Виктор Петрович знал, что кабинетные генералы очень не любят ответственности. И у них, действительно, сразу же пропадало желание вмешиваться в ход операции, лезть туда, куда не просят.

Требуя, чтобы ему доверяли, Дубынин и сам умел доверять своим подчиненным. Как заместителю командующего по тылу мне приходилось отвечать за доставку в армию не только боеприпасов и горючего, но и всех остальных грузов, необходимых для

стотысячной группировки войск. Бывало, кто-то из заместителей командарма упрекал меня: «Ты только дрова возишь, а мне боеприпасы срочно нужны!» И — с жалобой к командиру. Но Дубынин четко разделял, где его уровень компетенции, а где — наш, его замов. Поэтому в ответ на жалобы только удивлялся: «Вы что, сами не разберетесь никак, что ли?» И нам, боевым офицерам, взрослым мужикам, становилось стыдно.

Мы его чрезвычайно уважали. Когда я прибыл в Афганистан, у Виктора Петровича уже был двухлетний боевой опыт, но он никогда не кичился им, не хвастался. Мы все — от солдат до старших офицеров гордились тем, что наш командарм — боевой генерал, ничего не боится. В любой момент он запросто мог оказать ся в самом пекле войны.

При этом он не превратился в грубого вояку, а притягивал к себе добротой и порядочностью, умел с первых же минут разговора расположить к себе человека. К Дубынину очень хорошо относились руководители ДРА. Он сумел завести друзей не только среди коллег — афганских военных, но и среди дипломатов, министров... Он с ними дружил, но никогда не заискивал перед ними. Он умел быть добрым, но, если надо, становился жестким и даже жестоким. Не секрет, что в Афганистане во время войны применялись всякие методы работы. В том числе, бывало, мы договаривались с душманами, что они, например, беспрепятственно пропустят нашу колонну. И не дай бог, если где-то, вопреки договоренности, случится стрельба или взрыв, из-за которых погибнут наши люди! Вот тогда уж в ответ мы стирали все с лица земли в этом месте. Командарм давал понять афганцам, что договоренности надо строго соблюдать.

Виктор Петрович умел заметить и оценить профессионализм, храбрость солдат и офицеров. Он знал даты дней рождения коллег и не забывал поздравить их, всегда вовремя представлял людей к наградам или к очередным воинским званиям. «Наверху» не всегда одобряли подобные его решения, но командарм умел настоять на своем, если считал, что человек заслужил поощрение.

Весной 1987 года Виктор Петрович подписал представление на присвоение звания генерал-майора четырем полковникам. В их числе был и я. И вдруг «наверху», в Москве, присвоение мне очередного воинского звания начали тормозить. Выяснилось, что я не глянулся представителю ЦК партии, который побывал в короткой командировке в Афганистане. Мне об этом сказал по телефону один из московских офицеров. Я сообщил об этом Дубынину. Похоже на то, говорю, что звание генерала я не получу. Он жестко возразил: «Я сказал — получишь! Если понадобится, я дойду до министра обороны. Раз командарм подписал представление на присвоение тебе звания, значит, ты достоин

этого. Я считаю, что мое мнение объективно». Конечно, я тоже полагал, что командарм знает меня лучше, чем партработник, приехавший в Кабул из Москвы на несколько дней в командировку... Я до сих пор не знаю, кому позвонил Дубынин и что он говорил, знаю только, что звание генерал-майора я получил исключительно благодаря его вмешательству. Уверен, что подобных историй было немало. К сожалению, присвоение очередных званий или наград тогда нередко зависело не только от заслуг человека, но и от настойчивости и уверенности в правильности своего решения командарма. А Виктор Петрович умел настоять на своем и добиваться своего. И мы учились у него этому. Был еще один случай, о котором не могу не рассказать.

Помню, как Владимира Ильича Исакова тяжело ранило в Гардезе, почти на границе с Пакистаном. Его привезли в Кабул в исключительно тяжелом состоянии. Как только об этом стало известно, раздался звонок из управления кадрами тыла Минобороны СССР. Мне было сказано буквально следующее: «Анатолий Константинович, дайте нам телеграмму о том, что Исаков по состоянию здоровья не может учиться в Академии Генерального штаба». Надо сказать, что к тому времени уже было решено, что Владимир Ильич заменяется из Афганистана и идет учиться в Академию. Я возразил: «Побойтесь Бога! Если кому-то нужно место в Академии, то пусть он на место Исакова не рассчитывает...» После этого мне позвонил сам начальник управления кадров тыла, который обращался ко мне уже не по имени-отчеству: «Товарищ полковник! Что вам непонятно?!» — «Да мне-то как раз все понятно, но телеграмму такую давать не буду, а доложу об этом командарму — и будет скандал...» В том, что последует скандал, сомневаться не приходилось, порядочность Дубынина была хорошо известна. Когда он узнал об этих звонках, приказал мне: «Следи за ситуацией. Если место Исакова в Академии Генштаба окажется занятым, я напишу докладную лично министру! Головы с плеч полетят за такие дела...»

Широкой русской души мужик... Никогда не пасовал ни на поле боя, ни в чиновных кабинетах. И воевать умел, и дружить. Он уезжал из Афганистана недели на две позже меня. Еще в Кабуле мы договорились, что встретимся в Крыму. Так и случилось. Какое же это было замечательное время, когда мы отдыхали там с семьями, дурачились, купались, выпивали...

Когда Виктора Петровича прооперировали, медики сказали мне, что его дела плохи. Я уговаривал его пройти длительный курс лечения в хорошем санатории, а он рвался в Польшу, откуда уже начинался вывод наших войск. Он знал, что очень нужен там... Помню, как в 1992 году всех командующих вызвали в Москву на совещание, на котором Ельцин должен был объявить новый состав руководства Минобороны. Мы с Виктором Петро-

вичем встретились у генштабовской гостиницы, расцеловались. Я уже знал о его предстоящем назначении начальником Генерального штаба. Помню, как он трогательно смутился в ответ на мое преждевременное: «Ну что, товарищ начальник Генерального штаба...» Спросил меня: «А ты откуда знаешь?»

Он так быстро вошел в курс дела на новой должности, что вскоре наступила моя очередь удивляться его осведомленности. Летом, возвращаясь из отпуска, я зашел по делам в Генштаб, случайно встретил его в коридоре — веселого, смеющегося.

— Здравствуй, с выходом тебя из отпуска, — приветствует меня.

— А ты откуда про отпуск знаешь?

— А начальник Генштаба все знает, — хохочет Дубынин. — Зайдешь ко мне? Я сейчас освобожусь и поговорим.

Захожу к нему в приемную, а там — командующие флотами, округами... Выходит порученец и мимо них ко мне: «Анатолий Константинович, заходите». Все ко мне повернулись с удивлением. Признаюсь, приятно было почувствовать себя другом такого человека. Посидели, очень душевно поговорили...

Больше я его не видел. Знать бы, что это была наша последняя встреча...

ЗА ЧУЖИМИ СПИНАМИ НЕ ПРЯТАЛСЯ

Александр КАЗАНЦЕВ,
генерал-лейтенант

Я благодарен судьбе за то, что служил и дружил с Дубыниным. Это был редкий профессионал. Настоящих общевойсковых командиров можно пересчитать по пальцам, и Дубынин был первый среди них.

Талантливые командиры, как и друзья, познаются в беде. Помню, как в Афганистане во время одной из операций взорвалась артиллерийская самоходка, а следом за ней — еще пять машин с боеприпасами. Всю ночь мне по рации докладывали, как один за другим рвутся боеприпасы. Стало ясно: надо лететь и разбираться, что там произошло. Виктор Петрович тоже решил лететь на место происшествия. Артиллеристы, пехотинцы, летчики — для него все были равны, он переживал за всех.

Человек, который не знает армии, в этом, наверное, не увидит ничего необычного: подумаешь, «переживал за всех», что за подвиг?! Но я сорок лет прослужил в войсках и знаю: чаще бывает иначе. Если в артиллерии, к примеру, что-то случилось, то для иного общевойскового командира важнее рывкнуть погромче: артиллеристы, такие-сякие, разобраться, доложить!.. Дубынин был другим. Как командующий армией, он чувствовал себя в ответе за всех, независимо от того, какую эмблему носили его подчиненные на петличках. Скажете, обычная рядовая вещь? Но у нас, русских, именно обычные вещи чаще всего и оказываются в дефиците.

Мы встречались с ним — и в Кабуле, когда я командовал артиллерией 40-й армии, и в Ташкенте, когда меня перевели в штаб Туркестанского военного округа. Тогда мы уже не зависели напрямую друг от друга по службе, и потому, наверное, наши отношения отличались особенной теплотой. А может быть, мы просто симпатизировали друг другу. Дубынин ведь сделал военную карьеру без всякого блата, и это очень привлекало меня в нем. Я такой же — у меня тоже не было «лапы» наверху, я тоже, как и он, всего добивался сам.

Еще — он не умел прятаться за чужой спиной. Взять ту же ситуацию со взорвавшейся самоходкой. Важно было понять, почему она взлетела на воздух. Прилетев туда, мы увидели, что от самоходного орудия осталась только кучка металла высотой сантиметров тридцать. Метрах в сорока от нее валялся ствол. А в стволе — неразорвавшийся снаряд. Как профессиональный артиллерист, я понял причину взрыва. И когда командующий спросил меня, в чем дело, я ответил как на духу: «Виктор, только не для печати. Не сработал механизм затвора. Сержант, видно, ударил по гильзе при незакрытом затворе и случайно попал прямо по капсулю...»

В мирное время по этому поводу с командиром части был серьезный разговор — о подготовке личного состава, о технике безопасности и прочее. Виноватых, «крайних», как говорится, сразу бы нашли. Но война — совсем другое дело. Конечно, в Афганистане у многих часто возникал соблазн списать на боевые действия собственное разгильдяйство. Но тут все было сложнее. Сержант, ударивший по гильзе, торопился выполнить команду: «Огонь!» Как его в этом винить? И сам он, и наводчик во время взрыва погибли...

Дубынин никому ни слова не сказал о причине ЧП, хотя многие начальники допытывались и ему проще всего было объяснить и отвести «стрелку»: виноват такой-то офицер, плохо подготовил личный состав... Но он своих не сдавал, за это его и любили.

С ним было легко воевать. Я с удовольствием летал с ним на боевые операции и видел: он никогда не обижал людей. Я вот этому качеству у него так и не научился: своих подчиненных гонял за милую душу...

А вот с кем он бывал в Афганистане жестким, это, как ни странно, с руководством. Например, из Генштаба, бывало, раздавались телефонные звонки с указанием... экономить боеприпасы! Дубынин отвечал: прилетайте сами, воюйте и экономьте сколько хотите. В Афганистане ведь у нас был принцип: беречь надо людей, а не патроны. И Дубынин умел беречь людей. Любая операция начиналась с артиллерийского и бомбоштурмового удара. Мы применяли плотный огонь, не жалея снарядов.

В горах воевать трудно. Там нет линии фронта, враг в любой момент может оказаться где угодно, в том числе у тебя за спиной. Даже в Кабуле мы не появлялись без оружия... Я уж не говорю о специфических горных условиях, о коварстве насыпных дорог. Однажды батарея ракетных установок «Ураган» шла по такой горной дороге и одна установка, заряженная боеприпасами объемного взрыва, свалилась в пропасть и перевернулась там. Часть боеприпасов была повреждена. Дубынин мог приказать мне: «Лети на место и разбирайся!» Он же отправился на место происше-

ствия вместе со мной, хотя это было очень опасно. Прилетев, мы с ним увидели бледных офицеров, которые прятались за камнями невдалеке от места падения установки. Как их за это осуждать? Они — реактивщики — знали, что в любой момент снаряды могли взорваться, и никому тогда мало бы не показалось. Знал это и Виктор Петрович, но в укрытии не задержался: подошел чуть не к самой ракетной установке, чтобы самому оценить ситуацию. Смелый он был, отчаянный... К слову, тот «Ураган» мы потом все-таки вытащили на ровную площадку тремя тягачами, разрядили, а поврежденные снаряды взорвали.

В смелости Дубынина я имел возможность убедиться не единожды. Вспоминается, например, 15 мая 1986 года. Невозможно забыть этот день... Из Гардеза в Алихейль, где начиналась операция, мы летели с Виктором Петровичем. Добрались до места, развернули оперативную группу. А когда легли спать, примерно в час ночи около штаба упала дымовая мина. Вонючка от нее была жуткая! Я сказал ему: «Виктор, я — артиллерист, точно говорю: у них тут рядом корректировщик сидит!» Наверное, «духи» уже тогда засекли нас и начали пристреливаться. Но что тут сделаешь? Вокруг — чернота страшная, ночь уже.

Только проснулись утром, начался обстрел. Я стоял с офицерами штаба, когда метрах в семидесяти от нас разорвался реактивный снаряд, а потом еще и еще. Я рванул к машине, где был штаб артиллерии, и только взялся за ручку двери, как ее вырвало у меня из рук взрывной волной. Оглянулся, а на том месте, где я только что стоял, воронка от разрыва! Я побежал обратно к бронетранспортеру, у которого укрывались офицеры штаба. Осколки снаряда разлетелись по кругу, угодив в людей. Все было в крови. Мы перевязывали раненых бинтами прямо поверх одежды... В том, что они выжили, что вскоре оказались на операционном столе, тоже его заслуга — Дубынина.

Я тогда впервые попал под артобстрел. Это был просто кошмар! Обстрел продолжался, наверное, минут двадцать, но они показались вечностью. Мы с Виктором Петровичем валялись в пыли, над нами свистели и жужжали снаряды, было невозможно поднять голову.

Когда говорят, что на войне не страшно, это неправда. Очень страшно. Невозможно страшно. И страшно даже не то, что тебя убьют, мы на эту тему не раз с Дубыниным говорили. «Убьют, — говорил он, — это еще полбеды. Беда, если покалечат, если инвалидом останешься...» Вот этого он боялся. И, откровенно говоря, меня страшило то же.

Тогда, в Алихейле, было противно и тошно, но чувство самообладания Виктора не покидало. Помню, он даже пошутил, назвал бронезилеты, которыми мы накрылись, «смирительными рубашками». А вокруг все жужжало, свистело и визжало... Когда

закончился обстрел, пересчитали раненых. Дубынин вел себя очень достойно. Виктор Петрович был настолько уравновешен и сдержан, что, попади туда посторонний человек, он даже не догадался бы, что мы только что пережили.

Впрочем, он вообще никогда не паниковал, никогда не трепал нервы подчиненным. Умел внимательно слушать. Это очень важные качества для человека, который руководит боевыми действиями. О том, что на самом деле чувствует командующий, можно было догадаться только по тому, как много он курил. Просто беспрерывно дымил. Я ему говорил: «Виктор, я сам дымлю как сапожник, но столько, сколько куришь ты, нельзя». Он в ответ только отмахивался: «Да ладно...» И еще — очень любил попариться в баньке. Бывало, корпел над картами до поздней ночи, а когда заканчивалось планирование операции, приглашал всех в баню. Она здорово снимала стресс. Помню, как-то сидели с ним в Джелалабаде. Жара — пятьдесят два градуса в тени и страшная влажность. И вдруг он зовет меня в баню. Я шучу в ответ: «А зачем — в баню? Пятьдесят граммов спирта выпить — и все само вытечет, вот тебе и баня». Но он все равно уговорил меня поехать попариться. Баня в Афганистане была для нас единственным спасением...

Мы часто презванивались с Дубыниным после Афганистана, когда нас, как писал Константин Симонов, развело в разные стороны «военное ремесло». Когда он командовал Северной группой войск в Польше, я звонил ему туда из Улан-Удэ, где служил в то время. Снимая телефонную трубку ВЧ-связи, он никогда не говорил: «Генерал-полковник такой-то...» или «Командующий слушает...». Он снимал трубку, и я слышал неизменное: «Я — Дубынин». Мне это очень нравилось. «Ну, привет, Дубынин, — начинал я разговор, услышав знакомый голос. — Как жив-здоров? Как дела, служба?»

О болезни Виктора Петровича я узнал, наверное, года за полтора до его смерти. Мы случайно встретились на аэродроме в Чкаловском. Обнялись, я пригласил его домой: мол, поехали поужинаем. А он печально так говорит: «Мне теперь не до ужинов». Я сначала не понял, в чем дело, и в ответ рассмеялся, дескать, что же может помешать нам поужинать? Тогда он и признался, что неважно себя чувствует. Вспоминая сейчас подробности той встречи, я понимаю, что уже тогда он, видимо, знал: его болезнь неизлечима.

Мне безмерно жаль, что судьба отмерила ему так мало времени. До слез жаль, что его уже нет рядом, что нельзя поднять телефонную трубку, набрать номер и услышать знакомое: «Я — Дубынин!»

ЧЕМ РИСКОВАЛ КОМАНДАРМ

Виктор БАРЫНЬКИН,
генерал-полковник

Так случилось, что все генеральские погоны, которые у меня есть — генерал-майора, генерал-лейтенанта и генерал-полковника, подарены мне одним человеком — Виктором Петровичем Дубыниным. Это его погоны. Я храню их, как самую дорогую память об этом замечательном человеке.

Но обо всем по порядку.

Я даже день помню, когда мы познакомились, — 7 июля 1986 года. Это было в Кабуле, когда я, только что назначенный командиром 108-й мотострелковой дивизии, представлялся командующему 40-й армией.

Дубынин показался мне тогда человеком серьезным и немногословным. Но при этом — скромным и как-то по-особому душевным. Он не забыл поинтересоваться моей судьбой и семьей, тем, как я попал в Афганистан. Проговорили мы с ним часа два, наверное... Тогда я и думать не мог, что военная судьба поведет нас по жизни вместе.

После беседы он пригласил меня на ужин, и, кстати, это был мой первый ужин на афганской земле. А когда прощались, сказал, что утром мы вылетим в Баграм, где находилась дивизия.

В ту первую афганскую ночь я не сомкнул глаз. Ворочался, думал, как и что сложится здесь, как буду служить, как командовать, — опыта боевого у меня ведь не было... Утром он представил меня офицерам дивизии, и с того дня с командующим я общался ежедневно.

Утром — доклад о положении дел в дивизии и текущих задачах. Вечером — доклад о том, что сделано за сутки, о планах на следующий день. Десятки раз командующий сам приезжал в Баграм, да и мне частенько приходилось бывать по делам службы в Кабуле. Причем у меня никогда и мысли не возникало — докладывать ему или нет о неприятных происшествиях, которые случались в дивизии. Я знал: что бы ни случилось, Виктор Петрович непременно даст дельный совет, как исправить положение. Причем — без истерики. И хотя ситуации порой бывали очень сложные, не помню, чтобы Дубынин хотя бы раз повысил на меня голос.

Однажды он прибыл на командный пункт дивизии вместе с представителем Генерального штаба. Шла очередная операция в Панджшерском ущелье. Выслушав доклад и сделав ряд замечаний, он утвердил мои предложения и сказал:

— Выполняйте!

Но генштабовский генерал начал вдруг высказывать свои замечания. Они коренным образом отличались от моих предложений и, по моему представлению, никак не соответствовали обстановке. Дубынин поначалу мягко остановил его:

— Думаю, командиру дивизии виднее, как решать поставленную перед ним боевую задачу.

Но генерал не унимался. Тогда не выдержал и командующий:

— Кто здесь командир дивизии?! — вскипел он. — Кто будет отвечать за результат операции — вы или Барынькин?!

Представитель Генштаба примолк.

— Выполняйте свое решение, — скомандовал мне Дубынин.

Надо было видеть лица присутствующих на командном пункте!

Могу ручаться: то, как командующий армией защитил своего командира дивизии перед представителем Генерального штаба, навсегда врезалось в память каждому. Это был поступок.

Каждый из нас, немало прослуживших в армии, понимал: Дубынин рисковал. Надо это было командарму? Видимо, да. Потому что интересы дела, честь подчиненного, жизни солдат и офицеров для Виктора Петровича всегда были выше и значительнее карьерных соображений.

Осенью 1986 года, во время операции в районе Чарикара, командующий снова оказался на дивизионном КП. Обстановка тогда складывалась для нас неудачно. Мы увязли в «зеленке», как в болоте. Хотели окружить крупную группировку противника, но оказалось, что душманы тоже не лыком шиты.

Они пустили в виноградники воду, и наша техника застряла в «зеленке». А «духи» открыли из кяризов огонь по танкам и БМП. Выстрелят и мгновенно пропадают в колодцах. Начались потери. Трое пропали без вести...

Докладываю командующему все как есть. Он спрашивает: какое решение принял? Говорю, что приостановил операцию до выяснения ситуации с захваченными в плен солдатами.

Отвечает: жди, вылетаю к тебе. Через пару часов действительно прибыл, потребовал уточнить обстановку. При этом — ни одного грубого слова, никакой нервозности. Но озабоченность ситуацией чувствуется. Приказывает снова зайти в «зеленку» и во что бы то ни стало освободить из плена прапорщика и двух солдат. А я перед этим собрал из окрестных кишлаков старейшин и отправил их к «духам» на переговоры. Говорю ему:

— Давайте подождем возвращения старейшин.

Но командующий настаивает на продолжении боевых действий. Я возражаю: ничего не изменится, если мы немного подождем. Вскоре прибыли старейшины. Но, к сожалению, без пленных.

Я понимал: уверенности в том, что пленники живы, не было никакой. Снова входить в «зеленку» — можем потерять еще не один десяток людей. Даже если высвободим из плена трех солдат, соотношение потерь все равно будет не в нашу пользу. Сказал об этом Дубынину.

Он меня внимательно выслушал. Подумав, ответил, что готов со мной согласиться. При одном условии: если мы вновь пошлем к «духам» старейшин, пусть еще раз попробуют вызволить наших ребят. Я вновь вызываю к себе аксакалов и пытаюсь убедить их договориться с полевыми командирами. Это в их интересах: если мы снова пойдем в «зеленку», погибнут мирные жители, хотим мы того или нет. Вручаю им подарки — несколько мешков риса и сахара — и говорю: вызволяйте наших — живыми или мертвыми. Даже рацию дал им и доставил до самой «зеленки».

Стемнело. Старейшины на связь не выходили... Командующий нервничал, всю ночь не сомкнул глаз, отказался даже прилечь. Я тоже переживал: ведь это я настаивал на переговорах. Что, если ничего не выйдет?

Под утро старейшины вышли на связь и доложили, что задачу выполняют. Прошло еще полдня, и аксакалы вышли к условному месту и принесли на носилках тела трех наших воинов...

На командном пункте дивизии, где мы сутки провели вместе, Виктор Петрович подчеркнуто демонстрировал: он был уверен в себе и в нас, никого не дергал, не устраивал разносов. Его всегда можно было убедить в том, что твое решение является правильным, если ты сам был стопроцентно уверен в своей правоте. В отличие от многих других командиров, с которыми мне приходилось работать, он умел прислушиваться к мнению подчиненных, доверял им и никогда не пытался «переломить через колено». Мол, делай как сказали, и точка... И это доверие, уважение достоинства подчиненных не могли не вызывать доброго отношения к командарму. Он пользовался всеобщим, без преувеличения, уважением. В свою очередь мы всегда могли рассчитывать на его помощь.

Я еще раз убедился в этом, когда шли ожесточенные сражения близ Саланга: было решено ликвидировать банды, которые досаждали нам на основной магистрали, связывавшей Хайратон и Кабул. А случилось вот что: в ходе боя, спасая жизнь командира роты лейтенанта Киселева, на выручку ему бросился с группой солдат Руслан Аушев, исполнявший обязанности командира 180-го полка.

И сам получил тяжелейшее ранение. Все происходило фактически на моих глазах, я слышал все, постоянно находясь в эфире, и тут же вызвал вертолеты, чтобы эвакуировать раненых.

А когда мне сообщили, что Руслан Аушев и его командир роты доставлены в кабульский госпиталь, но спасти лейтенанта не удалось — он скончался в пути, я позвонил командующему. Доложил ему: на Саланге идет тяжелый бой, есть потери, погиб командир роты и тяжело ранен Герой Советского Союза Руслан Аушев. Виктор Петрович, выслушав, задал один-единственный вопрос:

— Какая тебе нужна помощь? Надо, чтобы я прибыл на КП, выделил дополнительные силы из своего резерва?

— Нет, — ответил я. — У меня все есть. Справлюсь своими силами.

— Действуй!

Настоящий командир — не тот, кто хватается за руки в разгар боя, а тот, кто доверяет тебе. Мешать никому не надо. А просят о помощи — помощи. Этому я научился у Дубынина.

Когда закончилась операция, командующий решил прилететь на место, чтобы посмотреть все своими глазами: перевал Саланг — жизненно важный участок для всех нас. В тот день на перевале была скверная погода — дождь со снегом, ветер сбивал с ног. Меня поразило, как тепло он говорил с людьми на сторожевых заставах, как подробно расспрашивал о положении дел, давал очень дельные советы.

Мы пообедали с ним на заставе, хотя он мог бы через полчаса быть у себя в штабе и поесть на белой накрахмаленной скатерти из фарфоровой посуды, а не из пластмассовых мисок. Но Дубынин был очень неприхотливым человеком. Кроме того, он понимал, конечно, что для мальчишек, которые несли на Саланге суровую службу, накормить солдатской кашей командующего армией — целое событие!..

Вскоре после этого я попал под обстрел над Панджшерским ущельем. Пули прошли обшивку машины, но, к счастью, никого не задели. Летчик совершил защитный маневр, резко бросил «Ми-8» вниз. От такого стремительного перепада высоты и давления у меня произошла сильнейшая баротравма, порвало сосуды. Вертолет приземлился в Рухе, откуда меня тут же отправили в госпиталь, на операционный стол.

Мы лежали в Кабульском госпитале в соседних палатах с Русланом Аушевым. На следующий день после операции нас навесил командующий. Спросил:

— Как дела? Чем я могу помочь, чтобы вы быстрее встали в строй?

Обычные вроде вопросы, какие задают родные и близкие, наверное, всем больным. Но генерал Дубынин не был мне родственником. И простая человеческая забота о сослуживце, о командире одной из дивизий, которых у него хватало, конечно же, была очень приятна. И, что там говорить, трогательна.

...Весной 1987 года началась операция по проводке колонн с боеприпасами, амуницией, продовольствием на трассе Кундуз — Файзабад. Подразделения нашей дивизии заняли высоты, выбив оттуда противника, и прикрыли дорогу. Дубынин прилетел на наш командный пункт и, как я его ни отговаривал, предложил:

— Давай все объедем, посмотрим.

Я убеждал его: это небезопасно. Обстановка сложная, я не могу гарантировать безопасность командующего, а для любого «духа» такая добыча, как командарм, — подарок судьбы. Но убедить Виктора Петровича не удалось.

Мы вместе с ним прошли на броне по всему маршруту, пешком поднимались в горы. Конечно, комбаты выставляли охранение, блокировали тропы, по которым мы шли, но риск, конечно, был большим и, с моей точки зрения, неоправданным. Но Виктор Петрович считал иначе...

Зачем это нужно было командующему? Не затем же, чтобы продемонстрировать молодецкую удаль. Это был дубынинский урок всем нам: не чураться черновой военной работы, уметь видеть все своими глазами, побывать в «шкуре солдата и лейтенанта», самим знать, каково им приходится, — только так можно принять единственно правильное решение. С высоты своего опыта и должностного положения командующий зачастую видел то, чего ты примелькавшимся взглядом уже не замечал. К нему прислушивались, понимая: такого опыта боевых действий в зеленой зоне и в горах, как у Дубынина, не было ни у кого из нас. Он руководил боевыми действиями, еще будучи заместителем у генерала Родионова, исколесил весь Афганистан, участвовал в десятках боевых операций. А став командармом, управлял не по телефону из своего кабульского кабинета, а непосредственно на поле боя.

Дубынин приучил нас: весь радиообмен должен постоянно прослушиваться руководителем операции. Мы знали все, что творится в войсках, где что произошло, у кого какие возникли трудности. У одного кончилась вода, у другого — боеприпасы, у третьего появились раненые, четвертого зажали душманы, и по ним надо нанести бомбштурмовой удар... И все это надо решать немедленно, цена промедления — чья-то жизнь...

Но война — это не только суровые боевые будни. Иногда, хотя и очень редко, и праздники тоже. Командарм думал и об этом.

Он принял решение вместе со специалистами штаба армии брать на заседание военного совета Туркестанского военного округа и командиров дивизий. Для нас это было настоящей наградой. Мы ждали заседаний военного совета, партийных конференций, чтобы съездить на побывку на денек домой, к женам и детям... Я до сих пор помню все шестнадцать свиданий с женой в Ташкенте. Она прилетала буквально на один день, потому что

сразу после военного совета мы отправлялись назад, но и эти мимолетные встречи придавали нам силы, помогали выдержать разлуку — и мне, и жене.

Жена Виктора Петровича жила в Ташкенте в однокомнатной квартире, и мы иногда собирались у него дома. Эти встречи сплачивали нас, делали не только соратниками, но и друзьями...

Утром 8 мая 1987 года командующий позвонил мне:

— Поздравляю вас с присвоением воинского звания «генерал-майор». Прошу прибыть в штаб армии. Сегодня на торжественном собрании, посвященном Дню Победы, президент Афганистана и руководитель оперативной группы Министерства обороны генерал армии Варенников вручат вам генеральские погоны.

В тот же день очередные звания получили сам Дубынин, его заместители Сергей Маев и Анатолий Жуков, командующий ракетными войсками и артиллерией полковник Алюров.

Я решил поздравить всех. Но какой подарок вручить командующему, чтобы это не выглядело подхалимажем? Решил, что подарю ему русские пейзажи, нарисованные дивизионным художником. Речка, сосновый бор... Я подумал, что это будет лучший подарок в этот торжественный день для офицеров, истосковавшихся по Родине.

Картины были очень большими — два метра на три с половиной. Их запечатали в специальные коробки, обернули простынями, с трудом погрузили на БТР, и я отправился в штаб армии. К тому времени дорога в Баграм — Кабул была под надежной охраной. Часа за полтора я добрался до штаба армии. Прибыл к командующему, сказал, что привез в подарок картины. Он говорит:

— Погоны я вручать не буду. Ты знаешь, кто это делает. Пойдем посмотрим, куда твои картины приспособить.

Мы с ним пошли в офицерское кафе, где должен был состояться торжественный ужин, посвященный Дню Победы. Виктор Петрович распорядился, чтобы эти картины висели здесь. Одна — на правой стене, вторая — на левой. Картины, как мне показалось, украсили зал, согрели душу русской природой, — афганской экзотикой мы все уже наелись досыта. Виктор Петрович меня поздравил.

— Теперь, — говорит, — у тебя есть время до пятнадцати часов.

— А можно, — спрашиваю, — я пойду друзей поздравлю?

— Конечно.

Поздравление вновь испеченных генералов вылилось в такой праздник, который мы до сих пор вспоминаем с Анатолием Жуковым, Георгием Кондратьевым, Сергеем Маевым... Когда подошло время вручения погон, участники торжества уже были в очень приподнятом настроении. Но, учитывая, что мы — люди ответственные, все держали себя в руках и получили погоны, не посрамив высокого генеральского звания. Дубынин пригласил

нас после торжественного собрания на ужин. Я подошел к нему:

– Товарищ командующий, я с удовольствием принял бы приглашение, но я — командир дивизии, там у меня тоже есть боевые друзья. Мне бы хотелось отметить это событие с ними.

Он понял. Тут же дал команду, чтобы меня доставили вертолетами с площадки у штаба армии в дивизию. И подарил на прощание свои погоны генерал-майора. Правда, распоряжение его выполнено не было: дело шло к вечеру, горы затянулись дымкой, и лететь в таких условиях без крайней нужды было опасно. Так что до Баграма пришлось добираться броней. Было приятно, что в зоне ответственности каждого батальона меня встречали, поздравляли.

А мой адъютант, пока я в штабе армии ходил поздравлять друзей, успел где-то раздобыть лампы, пристроил их мне на брюки, достал на складе генеральскую рубашку и фуражку, и я по дороге переоделся. И в клуб дивизии вошел уже, что называется, в полном параде...

Вскоре мы проводили Виктора Петровича к новому месту службы.

Видимо, нервное напряжение в Афганистане, известные события в стране, тяготы службы в Польше, где он командовал группой войск, — все это не прошло бесследно для его здоровья. Он тяжело заболел. Ему сделали операцию.

Когда мне присвоили звание генерал-лейтенанта, я пригласил по этому случаю к себе домой афганских друзей: Бориса Громова, Юрия Немытина, Сергея Маева и, конечно, моего любимого командующего.

Виктор Петрович приехал прямо из госпиталя. Он был еще слаб после операции, но, тем не менее, — полон энергии, верил, что победит болезнь. Подарил мне свои погоны генерал-лейтенанта. Сказал, что они ему теперь не нужны, он был уже генерал-полковником, и пожелал догнать его в воинском звании...

В 1992 году я уже был начальником Главного оперативного управления Генерального штаба. Как-то раз министр обороны Павел Грачев задает мне вопрос:

– Как ты считаешь, кто бы мог возглавить Генеральный штаб?

– Никаких сомнений, только один человек — Виктор Петрович Дубынин.

– А ты знаешь, что он перенес тяжелейшую операцию?

– Знаю. Но уже прошло больше полугода, он восстановился. Полон энергии и сил.

– Давай позвоним Немытину, спросим у него.

Грачев позвонил начальнику госпиталя:

– Как вы считаете, Дубынин сможет по состоянию здоровья эффективно работать на высокой должности?

– Да.

Грачев, разумеется, никогда не сомневался в человеческих и профессиональных качествах Дубынина, в его способности возглавить Генеральный штаб Вооруженных сил России. Но убежденность Немытина, что со здоровьем у Виктора Петровича все наладилось, поддержала это решение.

Не скрою, мне было очень приятно зайти в кабинет к новому начальнику Генштаба и представиться:

— Товарищ генерал-полковник, начальник Главного оперативного управления генерал-лейтенант Барынькин.

Конечно, мы обнялись, расцеловались. И я вспоминаю эти несколько месяцев нашей совместной работы как лучшее время моей службы.

Мы замечали: министр практически по всем вопросам прислушивается к мнению начальника Генерального штаба. Он безоговорочно доверял ему, во всем поддерживал. Да и опыта у Дубынина было больше, никуда от этого не уйдешь. Надо отдать должное Грачеву: он понимал, что начальник Генерального штаба профессиональнее его, и никогда не ревновал к этому.

Дубынин умел объединять вокруг себя сильных людей, профессионалов самой высокой пробы. При нем в Министерстве обороны сложилась замечательная команда «афганцев» — Валерий Миронов, Георгий Кондратьев, Борис Громов... Он был центром этих самобытных людей, умел сглаживать острые углы, сплотить их на решение сложных задач, которые стояли перед военным ведомством.

Когда Виктор Петрович ушел из жизни, эта слаженная команда распалась. Такой сильной команды в руководстве Вооруженными силами уже больше никогда не было и вряд ли еще будет. Да и вообще, я искренне убежден: если бы Виктор Петрович был сегодня начальником Генштаба, Вооруженные силы были бы другими...

Уже в конце лета Виктор Петрович почувствовал себя плохо. Начал жаловаться на постоянные боли в спине. Говорил, что ему тяжело сидеть. Мы настаивали на том, чтобы он показался врачам. И когда худшие опасения подтвердились, когда стал известен диагноз тяжелой болезни, он встретил его мужественно. До последнего часа сражался за жизнь.

Я не раз приезжал к нему в госпиталь, рассказывал о том, чем жил Генеральный штаб, он подписывал необходимые документы.

Звание генерала армии Виктора Дубынина получил незадолго до своей кончины. Я приехал его поздравить с этим событием. Он отстегнул от своей рубашки погоны генерал-полковника и вручил их мне на память. Что называется, на вырост. Эти погоны, как и погоны генерал-майора, подаренные мне им в мае 1986 года в Афганистане, погоны генерал-лейтенанта, врученные в декабре 1991 года, стали моей реликвией.

С НИМ НЕ БОЯЛИСЬ ИДТИ ПОД ПУЛИ

Николай МОИСЕЕВ,
генерал-полковник

Обычно командующими сороковой армией назначали, как говорится, «готовых» командармов. Так же обеспечивали воюющую армию и другими специалистами: начальников штабов и управлений, членов военных советов армий переводили в сороковую на те же должности, что они занимали в Союзе. Но было два исключения из этого неписаного правила. Дважды командующими сороковой армией назначали первых заместителей предыдущего командарма. Одним из этих исключений был Виктор Петрович Дубынин.

А встретились мы вполне буднично, как обычно и встречаются люди, которых сводит военная служба. Однажды я, член Военного совета Туркестанского военного округа, находился в командировке в 201-й мотострелковой дивизии, и мне передали, что для знакомства с дивизией туда как раз прибыл только что назначенный первым заместителем командарма генерал-майор Дубынин. Он пришел ко мне представиться. Мне он показался очень простым, доступным человеком, умеющим слушать собеседника. Я рассказал ему все, что знал о дивизии, в которой не раз бывал в командировках. Дубынин откровенно рассказал мне о себе, о своей непростой службе. Наша трехчасовая беседа с ним была полезна для меня, как, надеюсь, и для него. Впоследствии я несколько раз встречался с ним в Кабуле, в других гарнизонах, а главное — очень много слышал о нем.

Известно ведь, что молва впереди человека бежит. Заработать хорошую репутацию непросто, а потерять ее — пара пустяков. О Дубынине все — от солдат, сержантов, младших офицеров и до генералов — говорили исключительно хорошо. О нем шла молва как об очень порядочном военачальнике и благородном человеке. Все в армии знали, например, что Виктор Петрович на редкость тщательно планировал боевые операции. С ним не боялись идти в бой, потому что он всегда контролировал обстановку, не совершал непродуманных действий. И относился к подчиненным исключительно заботливо. Он принимал все возможные ме-

ры для того, чтобы люди, участвующие в боях, остались живы, и предпочитал рисковать своей собственной жизнью, чем подвергать неоправданной опасности жизнь других людей.

А когда он занял один из самых высоких постов в Вооруженных силах России, он нисколько не изменился, оставался таким же порядочным человеком и доступным начальником. Власть не испортила его. Однажды я был у него на приеме, в связи с моей общественной работой в ветеранском движении сухопутных войск. Виктор Петрович поддержал меня и сразу же помог решить проблему.

Мне довелось служить вместе с Дубыниным всего несколько месяцев, но этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы общение с этим человеком оставило яркий след в душе.

Он умел быть хорошим другом. Боевым другом. В сороковой армии все знают, сколь велика его заслуга в том, что его близкий товарищ Владимир Исаков не только выздоровел, восстановился после тяжелейшего ранения, но и вернулся в строй. Да что там — просто остался жить. Если положить на одну чашу весов лекарства, а на другую — душевную заботу друга, то еще не известно, что перевесит.

ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Юрий НЕМЫТИН,
*начальник Центрального военного клинического
госпиталя имени А.А. Вишневого,
генерал-майор медицинской службы*

Виктор Петрович Дубынин — очень дорогой для меня человек.

Осенью 1985 года в ходе войсковой операции, проходившей в провинции Баграм, в тяжелейшей ситуации оказался 345-й парашютно-десантный полк, который выполнял боевую задачу высоко в горах. Случилось так, что на полк обрушился шквальный огонь моджахедов. Десант нес большие потери убитыми и ранеными. А это Панджшер, глубокая осень — ноябрь. В горах страшно холодно. Людей нужно не только вытаскивать из-под огня, но и просто согреть, чтобы они не погибли от потери крови и переохлаждения. А как это сделать под обстрелом противника?!

Генерал-майор Виктор Дубынин, руководивший операцией, приказал мне, в ту пору командиру баграмского медицинского батальона, срочно вылететь в горы и принять все меры для спасения людей. Дал нам вертолеты. А полк находился на высоте около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. У нас была небольшая группа, всего три человека. Но мы справились с задачей — всех перевязали, обогрели, а когда погода чуточку улучшилась, начали спускать раненых вниз, в Баграм. По приказу Виктора Петровича медицинский батальон был усилен группой из центрального Кабульского госпиталя. И мы спасли практически всех людей...

Такой была моя первая встреча с генералом Дубыниным. Там же, в Афганистане, в разное время и в самых разных обстоятельствах мы встречались потом не раз — сначала по службе, а потом и по дружбе.

Вспоминается, например, такой эпизод. Случилось так, что по непредвиденным и не зависящим от нашего летчика обстоятельствам от его бомбардировщика оторвались несколько бомб, и они попали на детский приют в Кандагаре. Беда страшная. Были погибшие среди детей и воспитателей.

О трагедии доложили в Кабул. Дубынин сразу же вызвал меня и еще нескольких офицеров и приказал вылететь в район ка-тастрофы, принять меры по спасению раненых. Я находился как раз в его кабинете, когда раздался звонок Михаила Сергеевича Горбачева. Главный человек в государстве интересовался, что и как произошло, кто виноват, какие приняты меры, чтобы как-то исправить, скомпенсировать крайне неприятную для нашей страны и армии ситуацию.

Не каждый день звонил в Кабул Генеральный секретарь ЦК КПСС. Да и повод, что уж там говорить, был не праздничный. Но Дубынину даже в голову не пришла мысль выставить нас, невольных свидетелей его неприятного разговора с Кремлем, за дверь. Он спокойно, сдержанно и четко доложил Верховному Главнокомандующему о сложившейся ситуации, о принятых решениях и о том, какие действия запланированы по спасению пострадавших, о конкретной помощи их семьям...

Меня поразило, как кратко и толково рассказал это Генеральному секретарю первый заместитель командующего. Настолько внятно и ясно, что у Михаила Сергеевича не возникло ни одного дополнительного вопроса. А я еще раз убедился, как собранно умеет работать генерал Дубынин в неожиданной и сложной обстановке.

Он распорядился отправить в Кандагар группу из двенадцати врачей и медицинских сестер. Это были уникальные специалисты — сотрудники Военно-медицинской академии имени Кирова, имевшие большой опыт оказания помощи пострадавшим на войне. Группа вылетела буквально через считанные часы после трагедии и сразу же начала работать.

Работали не покладая рук, буквально сутки напролет и сумели оказать помощь шестидесяти пострадавшим. Их семьям по приказу Дубынина было выделено продовольствие, вещевое и прочее имущество. Армейский строительный отряд восстановил все здания и постройки детского приюта за две недели. И мы вышли из той неприятной ситуации с достоинством. Уверен: во многом благодаря Виктору Петровичу, который проявил тогда политическую ответственность, решительность и вместе с тем — обычную человеческую порядочность по отношению к людям, которые попали в беду по нашей вине.

Человечность и порядочность вообще были его главными качествами. Казалось бы, годы, проведенные в армии на высоких руководящих постах, горький афганский опыт должны были приучить генерала воспринимать войну как должное. Приучить к неизбежности, неотвратимости потерь. С Виктором Петровичем этого не произошло. Хладнокровный в любой ситуации, он был непреклонен и даже жесток, когда речь шла о спасении жизни наших боевых товарищей, независимо от

того, генеральские или солдатские погоны носили они на плечах.

Помню, я был начальником центрального Кабульского госпиталя, когда попал в беду заместитель начальника тыла армии полковник Исаков. Он вместе с генералом Дубыниным находился на командном пункте в Алихейле, где начинались боевые действия. Штаб группировки только разворачивался, когда КП подвергся массированному обстрелу вражеской артиллерии. Мой очень близкий друг — так получилось, теперь он мой прямой начальник — был очень тяжело ранен.

Кстати, мы с ним познакомились все в том же Баграме. Я пришел к нему представляться как старший группы медицинского усиления, а он мне говорит:

Подполковник, ты чего кричишь? Садись, кильки в томате со мной поешь, а потом и о войне поговорим!

Я сел к нему за стол. Мы разговорились, а потом как-то незаметно служба нас сдружила, повела по смежным дорогам. Но вернусь к тому тяжелому в его жизни эпизоду.

— Полковника Исакова, конечно же, тут же перевязали, но кровь остановить не могли. Он был ранен в живот, в грудь, да что там — на нем живого места не было. Простой перевязкой в полевых условиях помочь ему было нельзя. Генерал Дубынин вызвал вертолет, но тот все никак не мог приземлиться на обстреливаемую горную площадку. А счет уже шел не на часы — на минуты. Промедление с эвакуацией раненого могло стоить ему жизни. Как Виктор Петрович заставил вертолет сесть, — это знали только он и летчик. Дубынин сделал тогда все, чтобы Владимир Ильич был немедленно доставлен в центральный госпиталь.

За ночь нам удалось стабилизировать состояние полковника Исакова, что называется, вырвать его из лап смерти. А утром, когда я пришел к нему в реанимацию, он, еще очень слабый, первое что мне сказал:

— Юра, лети туда, там Виктор Петрович...

Мы тут же, вместе с ведущим хирургом госпиталя Виктором Кудрявцевым, улетели в район боевых действий и развернули группу медицинского усиления на базе бригады в Гардезе.

Оттуда мне, как старшему группы, приходилось регулярно вылетать в Алихейль, и я видел, как четко генерал Дубынин руководил боевой группировкой. Он буквально заряжал подчиненных своей уверенностью и хладнокровием во время боя.

Помню и Джелалабадскую операцию весной 1987 года. Операция начиналась неудачно. Наши части натолкнулись на ожесточенное сопротивление противника, начали отступать, терять людей. В засаду попали сразу две мотострелковые роты, наш авангард. Их зажали в ущелье и начали методично расстреливать.

Когда об этом доложили в Кабул командующему армией, он медленно вылетел в район боевых действий и в течение нескольких часов стабилизировал ситуацию. Он сумел в кратчайшие сроки перегруппировать войска. Несколько батальонов по его приказу были выдвинуты в горы и уже сверху атаковали противника во фланг и с тыла. Ситуация за считанные минуты перевернулась в нашу пользу.

Я был в эти часы на командном пункте вместе с Виктором Петровичем, видел его четкие действия, уверенные команды. Видел, как его появление в штабе операции вдруг привнесло уверенность в действия офицеров. Штаб начал работать без спешки и суеты, быстро подтянул резервы, перенацелил огонь артиллерии и дал возможность атакующим совершить маневр. А произошло это только благодаря тому, что Дубынин не побоялся душманских «Стингеров», поднялся над горами в вертолете, оценил ситуацию с воздуха и принял единственно верное решение, которое и привело к успеху.

Знаю, он очень хорошо относился к представителю Генерального штаба в Кабуле генералу армии Валентину Ивановичу Варенникову. Когда Валентин Иванович заболел, Виктор Петрович ночью вызвал меня к себе и потребовал:

— Ты сделай за ночь все возможное и невозможное, чтобы этот человек к утру чувствовал себя лучше. Это твоя задача. Должишь мне ровно в шесть утра...

Варенников тогда заболел тяжелой формой малярии, что нередко бывало в Афганистане. Нужно было быстро сбить температуру, начать адекватное лечение. Командующий требовал от меня доклада каждые шесть часов: «Как там Валентин Иванович?»

Это было в начале лета 1987 года. И такая забота, хочу это подчеркнуть, не была желанием угодить большому начальнику, как-то его умаслить. Для Виктора Петровича такая реакция просто была свойственна.

Он вообще умел вести себя с начальниками любого ранга. Его всегда отличало чувство собственного достоинства, глубокое знание обстановки, умение спокойно и убедительно отстаивать собственное мнение. Я это видел не раз.

Впрочем, Дубынин оставался самим собой в самых разных ситуациях. Вот ведь интересно: в те годы пресса писала в основном, что мы там сады сажали, а мы — кровь проливали. Теперь в газетах вспоминают только о войне, а ведь и сады, условно говоря, там тоже были. Помню, мы построили на территории центрального госпиталя Дом советско-афганской дружбы. Я тогда уже был начмедом армии. Открывали Дом с Виктором Петровичем. В гости к нам пришел председатель афганского правительства Кештманд, они с Дубыниным и перерезали ленточку. А когда премьер и командующий как самые почетные гости сели за стол

переговоров, мы увидели в Викторе Петровиче не только военачальника, но и политика, и дипломата. Он сказал своему собеседнику:

— Мы совместно сделали хорошее дело — построили Дом советско-афганской дружбы. Здесь будут проходить вечера встреч, наши и афганские медики смогут обмениваться опытом. Я надеюсь, что правительство Афганистана найдет возможность помочь госпиталю завершить некоторые работы, которые мы были вынуждены отложить.

Он сказал это очень тактично, но Кештманд все записал. Уже на следующий день у меня был представитель министерства строительства Афганистана, и мы вместе с ним разработали план дальнейшего строительства, которое должно было вестись с помощью афганцев. Они, должен сказать, хорошие строители — трудолюбивые и очень аккуратные.

Нам, не скрою, было приятно, что к стройке подключились афганцы. Работали, правда, в основном подростки. Мы провожали их домой, дав каждому по буханке хлеба, по банке консервов. Потому что нищета там ведь была страшная... Мы любили этих трудолюбивых афганских мальчишек. Интересно, что и командующий всегда интересовался, накормлены ли у нас эти ребята, с каким сердцем приходят в госпиталь и с какими чувствами уходят домой.

Теперь, наверное, одни руины остались и от этой стройки, и от самого Кабульского госпиталя...

Я благодарен Виктору Петровичу за те годы и дни, когда мы были вместе — и в Афганистане, и после того, как наши войска вернулись домой. Когда Дубынин командовал Северной группой войск, он, прилетая в Москву по делам, всегда находил время встретиться, посидеть со своими бывшими подчиненными за одним столом, вспомнить Афганистан и те испытания, которые мы прошли вместе.

Случалось мне, по офицерской традиции, присутствовать и на праздниках по поводу его очередных назначений и званий. На такие мероприятия старались попасть все его сослуживцы. И дело тут было не в каком-то верноподданническом чинопочитании или карьерных соображениях. Просто это был очень обаятельный, приятный человек. И находиться с ним в одной компании было действительно большой радостью и удовольствием: у него был и военный, и, если можно так сказать, человеческий талант.

Мы встречались и дружили семьями. Я горжусь тем, что по-прежнему дружу с женой Виктора Петровича — Людмилой Васильевной, их замечательными детьми — Танюшкой и Юрием.

Не так давно в тяжелую ситуацию попала невестка генерала Дубынина — Маришка. С сильным кровотечением она находилась в родильном доме, родив третью девочку. Я понимал, что

Виктор Петрович был бы бесконечно счастлив увидеть маленькую внучку, подержать ее на руках... Марина три недели была без сознания. Нам удалось перевести ее в наш госпиталь. Я счастлив, что сумел помочь этой замечательной семье. Сегодня Маришка здравствует, растит детей. Я бы очень хотел, чтобы они выросли похожими на моего друга.

НАСЛЕДНИК СЛАВЫ ВЕТЕРАНОВ

Михаил ЗАЙЦЕВ,
Герой Советского Союза, генерал армии

В Белорусском военном округе, где мы служили с Виктором Петровичем Дубыниным, все командиры, как правило, стремились быть лучшими. И соревнования между подразделениями проходили не на бумаге, как это иногда случалось, а на самом деле. Так вот, могу свидетельствовать как бывший командующий войсками округа: полковник Дубынин был лидером по всем показателям. Не было в округе танкового полка лучше, чем у него.

Этот полк первым перевооружился на новейшие по тому времени танки Т-64Б, которые и сейчас составляют ударную силу Российской армии. Танки Дубынина могли совершать марш на собственном ресурсе на полторы тысячи километров с высокой скоростью и с высокими огневыми результатами.

Дубынин относился к той категории командиров, для которых золотым правилом всегда было — если дал слово, держи его. Это хорошее правило для любого человека, а тем более для тех, кто носит погоны. Виктора Петровича отличало высокое профессиональное мастерство, личное умение водить новейшие боевые машины. Он никогда и никому не уступал по скорости маршей, и ни разу не было, чтобы его полк не прибыл в указанный район в указанное время или потерял в дороге хотя бы одну машину. А в Белоруссии проходили тактические учения практически на всю глубину границ республики — это многие сотни километров.

Потом мы встретились с ним в Афганистане. Я был Главкомандующим Южного театра военных действий (ТВД). Старался не контролировать каждый шаг командующего 40-й армией, а передать ему весь тот опыт, который был накоплен мною в годы Великой Отечественной войны и который передали мне мои командующие — маршал Советского Союза Иван Степанович Конов, маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко, генерал-полковник Давид Абрамович Драгунский и другие выдающиеся полководцы. Все операции, которые проводились в Афганистане, были как бы под крылом у нас, ветеранов Великой Отечественной.

В Кабуле я бывал не часто. Этот город входил в зону ответственности представителя Генерального штаба генерала армии Варенникова, а вот в Герате приходилось появляться регулярно. Когда туда прилетал Дубынин, все вопросы с местными властями решались очень быстро. У Виктора Петровича был особый военно-дипломатический талант. Он умел находить общий язык со всеми, умел щадить достоинство и самолюбие афганцев. В результате на этом важнейшем участке у нас были налажены прочные отношения и с представителями власти ДРА, и с авторитетными полевыми командирами.

Мы, ветераны, учили молодых командиров беречь жизни солдат и офицеров. Планирование операций, их замысел и решение на проведение боевых действий должны опираться на мощный огневой удар, маневр огневыми силами и средствами, максимальное и надежное подавление сопротивления противника. Только после этого в бой должны вступать мотострелки. И еще очень важно уметь увидеть ситуацию, подняться над ней, осмыслить ее со всех точек зрения, понять, как она будет развиваться, к каким последствиям приведет.

Я не навязывал своего мнения командующему и его заместителям, не вмешивался в их действия. Всегда понимал, что ответственность за результат боя лежит на том человеке, который непосредственно командует частями и подразделениями. Ему мешать не нужно. Его решение, его и будет победа.

Приятно вспомнить, что командарм Виктор Дубынин действовал именно так. Он внимательно прислушивался к нашим советам и мнениям, но управлял войсками всегда абсолютно самостоятельно. Не только знал об опыте Жукова, Конева, других выдающихся полководцев Великой Отечественной войны, но, что самое главное, активно опирался на него. В операциях, которыми руководил генерал Дубынин, потери были минимальными. В этом — его большая личная заслуга.

Этот талантливый полководец был одним из самых достойных наследников традиций и опыта фронтовиков Великой Отечественной.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БОЮ

Юрантин ЯРЫГИН,
*профессор Академии Генерального штаба,
генерал-майор*

Только в экстремальных обстоятельствах человек раскрывается по-настоящему. И по тому, как он поведет себя в трудных, неожиданных ситуациях, можно судить о его нравственных качествах, о том, чего он стоит на самом деле. Переиначивая известную поговорку, можно сказать, что друзья познаются в бою. Виктор Петрович Дубынин — из тех, на кого можно было положиться в бою.

Он был исключительно смелым генералом. Я в этом убеждался неоднократно. Так сложилось, что я служил в Афганистане дважды. В 1984 году я прибыл туда в качестве командира 103-й воздушно-десантной дивизии, а через год меня отозвали в Москву — преподавать оперативное искусство и тактику воздушно-десантных войск в Академии имени Фрунзе. Однако обстоятельства сложились так, что через девять месяцев я вернулся в Афганистан — представителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Так вот, когда я командовал дивизией, воевать приходилось в Панджшере, Пагмане, Алихейле, у самой границы с Пакистаном — везде, где возникала необходимость в боевых действиях. И всюду Виктор Петрович вылетал на разведку на вертолете вместе со мной, не считаясь с реальной опасностью. Никто ведь не гарантировал, что в тех точках, где мы приземлялись, чтобы провести рекогносцировку на местности, не было засад или прочих душманских сюрпризов. Но мне даже не приходило в голову предупредить Дубынина, что такие полеты опасны. Во-первых, было бы стыдно тем самым обидеть его. А во-вторых, Виктор Петрович очень часто сам руководил боевыми действиями, поэтому не хуже меня представлял, насколько рискованны наши полеты.

Однако нередко люди, смело идущие под пули, начинают трусить в чиновничьих кабинетах, не могут защитить подчиненных от неразумных приказов или нелепых замечаний вышестоящих

начальников, потому что боятся испортить себе карьеру. Виктор Петрович был не из таких. Ради того, чтобы защитить подчиненных, не посылать их без надобности под пули, он был готов на все. В связи с этим вспоминается один эпизод, который можно оценить по-разному... Впрочем, судите сами.

Не секрет, что в Афганистан попадали разные люди, в том числе — склонные к авантюризму. Например, однажды, когда мы вели бои в горных районах юго-западнее Кабула, на мой командный пункт прибыл один довольно крупный военачальник авантюристского склада характера, которого хорошо знают «афганцы», но здесь я не буду называть его фамилию. Помню, очень ему приглянулась одна высотка. И он поставил передо мной задачу высадить туда десант и захватить ее.

Во-первых, не было совершенно никакой необходимости это делать. Во-вторых, высадка десанта требует тщательной подготовки. Сначала необходимо провести разведку, блокировать районы вокруг предполагаемого места высадки, организовать целый комплекс других подготовительных мероприятий. В противном случае люди просто нарвутся на засады и погибнут. Таковы были правила афганской войны: там только треть сил и средств уходила непосредственно на боевые действия, а остальные семьдесят процентов сил необходимо было потратить на их обеспечение.

Словом, я доложил Дубынину свою точку зрения на поставленную вышестоящим военачальником задачу. Виктор Петрович согласился, что выполнение авантюристской прихоти приведет к напрасной гибели людей. И он одобрил мое решение провести операцию только на... топографической карте.

Я доложил тому военачальнику, что поставленная задача якобы выполняется, для чего проводятся соответствующие боевые действия. Поскольку реальная ситуация его мало интересовала и он, мягко говоря, слабо в ней разбирался, то он остался доволен. Между прочим, начальнику даже не пришло в голову поинтересоваться, сколько людей погибло во время взятия понравившейся ему высотки. А мы параллельно с этими «играми в войну» решали те боевые задачи, которые были действительно необходимы и заблаговременно тщательно подготовлены. Мы, командиры дивизий, бригад, отвечали за жизни людей и не могли позволить себе бездумно рисковать ими. Мы считали, что погубить людей — куда больший грех, чем разыграть безответственного начальника. Непродуманные, основанные не на анализе реальной обстановки, а продиктованные иными причинами приказы могли привести к гибели людей. Когда Дубынин сталкивался с подобными ситуациями, он становился на сторону командиров, не считаясь с неприятностями, которые мог на себя этим навлечь.

...Кроме военных в Афганистане были представители и других министерств, ведомств: партийных инстанций, политорганов, госбезопасности. По поручению начальника Генштаба я проверял, насколько соответствуют действительности их доклады о состоянии дел в Афганистане. Я предлагал многим из этих специалистов сесть в вертолет и слетать в районы, которые фигурировали в их отчетах в Москву. Редко кто из них соглашался... Куда проще ведь было втирать очки вышестоящим инстанциям, докладывая об успехах Апрельской революции и «уверенной поступи народной власти в контролируемых афганскими войсками районах»... Нужна была изрядная смелость, чтобы доложить «наверх» о том, что район не контролируется войсками Республики Афганистан, что укомплектованность этих войск крайне низка, еще ниже — их моральный дух. Нужна была смелость, чтобы доложить: афганские войска, которые сегодня получают от нас оружие, завтра могут перейти на сторону противника.

Однажды по поручению Горбачева в Кабул прибыл тогдашний министр иностранных дел Шеварднадзе. Все, конечно, уже понимали, что зреют большие перемены, начинается подготовка к выводу наших войск из Афганистана. Когда Шеварднадзе собрал нас — военных и представителей других министерств и ведомств — на совещание, все понимали, что министру иностранных дел необходимо обоснование быстрее завершения войны. Под эту задачку, понимая конъюнктуру, должностные лица, умевшие держать нос по ветру, и начали «подгонять» ответ. И тогда встает Виктор Петрович и откровенно рассказывает о реальной ситуации, о реальном положении вещей, о том, как на самом деле обстоят дела. Он всегда говорил не то, что от него хотели услышать, а то, что считал нужным. Его поспешно перебил наш тогдашний посол в Афганистане: «Товарищ генерал, вы не знаете обстановку». Дубынин возмутился: «А кто лучше командующего сороковой армией здесь знает обстановку?!» Он был прав. Кто лучше нас, военных, знал сложившуюся ситуацию? Мы ежедневно анализировали ее.

Дубынин умел слушать и спорить. Ему можно было сказать абсолютно все, не боясь мести, не ожидая с его стороны никакого подвоха, подлости. Мы неоднократно спорили с ним о целесообразности тех или иных решений, и каждый отстаивал собственную точку зрения. К сожалению, за возможность сказать то, что думаешь, многим людям в нашей армии приходилось расплачиваться карьерой.

Мне приходилось сталкиваться с начальниками, которые могли прямо во время операции несколько раз менять поставленные перед подчиненными задачи. Когда же я участвовал в боевых операциях вместе с Дубыниным, то всегда был уверен, что

подобных шараханий из стороны в сторону не будет. Начатое дело он всегда доводил до конца.

Он мог очень жестко потребовать выполнения приказа, но — без оскорблений и грубости. Виктор Петрович был трезвым человеком во всех смыслах этого слова. Его все не просто уважали — любили. С ним можно было не только работать, но и делиться сокровенным, радостями и горестями.

...Поскольку я служил в воздушно-десантных войсках, предназначенных для действий в тылу противника, то всегда говорил, что с Дубыниным в любое время пошел бы в тыл врага выполнять любое задание. Это самая высокая похвала, которая может прозвучать из уст десантника.

СОЛДАТ СУВОРОВСКОЙ ШКОЛЫ

Евгений СМИРНОВ,
генерал-полковник

В каждом коллективе есть свои привычки, которые порой превращаются в неофициальные ритуалы. Или — в официальные традиции. Был такой ритуал и в Генеральном штабе Вооруженных сил. Я имею в виду совместные ежедневные обеды в час дня. Было принято, что министр, начальник Генштаба и их первые заместители обедают не просто в одно время, а — вместе. Понятно, что за обедом трудно отвлечься от текущих проблем и забот, а потому эти совместные трапезы, к сожалению, нередко превращались, как говорится, в «разбор полетов». Я участвовал в них, поскольку, будучи начальником Главного управления международного сотрудничества, одновременно являлся и заместителем начальника Генштаба.

Признаюсь, даже когда за столом шел непринужденный разговор, трудно было расслабиться. Ведь если речь случайно заходит о твоем ведомстве, нужно быть готовым и принять похвалу, и «отразить удар». И вот в 1992 году начальником Генштаба стал Виктор Петрович Дубынин. Я обратил внимание: за обедом он старался не обсуждать дела. Постороннему человеку это может показаться сущим пустяком, о котором сейчас и вспоминать неуместно. Но для нас, офицеров и генералов Генштаба, этот пустяк говорил об одной простой вещи: в отличие от многих других руководителей, Дубынин не считал возможным отвлекать человека от еды. Даже когда необходимо было обсудить что-то очень срочное, он дожидался, когда я закончу обед, и только после этого очень интеллигентно, вежливо говорил: «Евгений Кириллович, зайдите, пожалуйста, ко мне». Меня восхищала его душевная тонкость, деликатность. Как часто мы не замечаем даже серьезных проблем другого человека, считаем, что чужие трудности — пустяки. И как редко встречаются люди, которые заботятся даже о том, чтобы не испортить другому настроение. Или аппетит.

Помню Дубынина в последние месяцы его жизни, когда он, видимо, уже знал, что неизлечимо болен. Он никогда не позволял себе говорить о болезни. Он был спокоен и уравновешен, как всегда. Думаю, он потому и «сгорел» так рано, что свои эмоции держал в себе — не давал выхода гневу, даже на войне не позволял себе расслабиться при помощи алкоголя. Да, с ним было легко общаться, он не «отыгрывался» на окружающих, не срывал гнев на собеседнике, но для него, для его здоровья это, видимо, не проходило бесследно.

Мы ведь были хорошо знакомы еще с афганских времен. И я знал Виктора Петровича как исключительно порядочного, добросовестного и храброго человека. По-моему, ни одна боевая операция не проходила без его участия. Он, складывалось впечатление, знал все аулы и кишлаки лучше самих афганцев. Меня всегда поражала его нетребовательность к комфорту: на его командных пунктах не было ничего лишнего. Он был солдатом суворовской школы.

Вспоминаю операцию, которая проводилась в конце 1985 года на Парачинарском выступе, близ пакистанской границы. Я вернулся в Гардез после поездки на его командный пункт и сразу звоню: «Как дела?» И вдруг узнаю, что сразу после моего отлета начался страшный обстрел. С близлежащих высот выдвинулись душманские огневые расчеты, напропалую бьют шестиствольные минометы, все в дыму. Кричу Дубынину в телефонную трубку, что надо срочно менять командный пункт, а он отвечает, что сначала необходимо подавить огневые точки. Я уже потом узнал, что командарм лично руководил артиллеристскими расчетами, наводил авиацию на огневые точки, лежа с телефонами и картой под командно-штабной машиной. Снаряды ложились густо, настоящего укрытия не было. Потом подсчитали, что по командному пункту было выпущено семьдесят пять реактивных снарядов.

Поговорив с Виктором Петровичем по телефону из Гардеза, я тут же сел в вертолет и полетел назад, к нему. Каково же было мое удивление, когда я увидел командарма абсолютно спокойным, как будто полчаса назад около него не рвались снаряды и он не находился в двух шагах от смерти. Просто невероятно, насколько он был спокоен и невозмутим в этой ситуации.

Не понаслышке зная, что такое оказаться под пулями, Виктор Петрович очень тщательно готовил боевые операции. На их планирование он не жалел ни времени, ни сил. Дубынин ничего не делал наобум. Операция предварительно проигрывалась на топографических картах, на макетах, обсуждались все подробности обеспечения безопасности людей, организации взаимодействия разных подразделений... Выезжая на местность, Дубынин уточнял подробности будущей операции — где сосредоточить усилия, как обеспечить разведку. Он сам летал на предполага-

емые места боев, в том числе и занятые душманами. Когда же задачи были определены и поставлены перед командирами полков и дивизий, Виктор Петрович лично проверял готовность войск к боям, хотя вполне мог бы перепоручить это своим заместителям.

В те годы я был первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа и, соответственно, одним из начальников Дубынина. А когда Виктор Петрович возглавил Генштаб, уже я оказался у него в подчинении. Но ничего не изменилось ни в его характере, ни в наших отношениях. Как и прежде, он общался с подчиненными без нагрузок на голосовые связки. И на его доброжелательность люди отзывались дружеским, искренним расположением к нему. Я всегда вспоминаю о Дубынине как о ярчайшей личности в нашей военной истории.

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, ТЫ — КОМАНДИР

Николай ЧУРКИН,
*заместитель председателя Комитета Совета Федерации,
профессор, генерал-лейтенант*

— Ко-о-оля! Здорово!

Генерал-полковник, энергично размахивая руками, бегом спускался ко мне откуда-то с верхних рядов актового зала, построенного в виде амфитеатра. Дубынин так обрадовался, увидев меня на военном совете ставки войск Западного направления, что даже не стал пробираться к проходу между креслами, — он, как мальчишка, перешагивал прямо через их спинки. Мы обнялись.

Мы встречались нечасто в последние годы его жизни — на совещаниях, конференциях, военных советах. Жизнь разбросала нас после Афганистана не только по разным городам, но и по разным странам. Виктор Петрович командовал Северной группировкой войск в Польше, а я был первым заместителем командующего Белорусским военным округом. Однако ставка войск Западного направления находилась как раз в Лейбнице, где базировалась и штаб-квартира Дубынина, так что мне порой выпадало ездить туда в командировки. Наши встречи, как правило, были короткими, но всегда оставляли след в душе. Их невозможно забыть, как нельзя забыть этого удивительного человека.

В Афганистане люди относились друг к другу по-особому. Не скажу, что все без исключения были там как на подбор. Встречались персонажи, с которыми вообще не хотелось общаться, — их под различными предлогами старались поскорее отправить в Союз. А были люди, которые притягивали к себе как магнит. К такому относился Дубынин. Мы уважали его за храбрость, за то, что не отсиживался в штабе, около телефонных аппаратов, а был настоящим боевым генералом. Виктор Петрович много операций брал на себя, как мы говорили. Некоторые командующие предпочитали отдавать руководящие указания из Кабула, а воевать посылали своих заместителей. Он же поступал наоборот — заместителей оставлял в штабе, а сам отправлялся непосредственно в район боевых действий. Оттуда, порой под пулями, он руководил

войсками, держа руку на пульсе событий, блестяще владея боевой обстановкой.

Это давало совершенно потрясающий воспитательный эффект. Иной командир, например, оказавшись не в курсе проблемы, уже не мог оправдаться: «А я был на боевых!» Мол, не мог отследить ситуацию в другом районе, прозевал что-то важное по уважительной причине: потому что участвовал в боях. Этот аргумент с Дубыниным не срабатывал, потому что все знали: сам командарм, даже находясь далеко от штаба, всегда владел обстановкой. Так своим примером Дубынин показывал: где бы ты ни был, ты — командир.

Виктор Петрович отличался храбростью, а боялся, по-моему, только одного — потерять в бою человека. Помню, из района, занятого бандформированиями, надо было вытащить нашего сбитого летчика. На двух «вертушках» туда уже ушла группа поисково-спасательного обеспечения, а мы с Виктором Петровичем обсуждали высадку еще и десанта. Сложность была в том, что в том районе уже давно не проводились военные действия и у «духов» могли оказаться зенитки.

Спасая летчика любой ценой, можно было, наверное, не мудрить особо, а просто забросить десант. А там, мол, видно будет. Но вернется этот десант живым или нет — вопрос... Виктор Петрович эту формулу не признавал. Он сидел и мозговал, как обезопасить пролет десанта, потому что средств для обеспечения коридора пролета рядом не было. Мы решали, что лучше — поднимать всю авиацию или пробить коридор маневром артиллерии?

Дубынин просто удивительно читал топографическую карту. Признаться, это его умение потрясло меня уже в первые минуты знакомства с командармом. Когда я прибыл в Афганистан в мае 1986-го на должность начальника оперативного отдела, Дубынина в штабе не было, — он участвовал в боях на юге Афганистана. Я представился в Кабуле начальнику штаба и приступил к делу. А через пятнадцать дней Виктор Петрович вернулся с боевой операции и сразу попал из огня да в полымя. Дело в том, что на севере страны душманы напали на нашу колонну, и надо было немедленно принимать решение, что делать в этой ситуации. Так что я не успел даже представиться командарму, слова не успел сказать, как он предложил мне высказать свои соображения. И мы сразу же стали обсуждать обстановку. И тут я увидел, как он читает карту! Казалось, он наяву видит перед собой всю панораму разворачивающихся на севере Афганистана событий. Обсуждая возможности маневра, он видел и учитывал не только весь рельеф местности, но и каждый бугорок, каждую лощинку. Это было просто поразительно. Я прибыл в Кабул тоже из горных мест — из Закавказья — и тоже умел читать топографические карты.

Откровенно говоря, я считал себя специалистом «номер один» в этом деле. Когда же я увидел мастерство Виктора Петровича, то понял, что мне далеко до него.

А еще меня бесконечно удивляла в Дубыinine необыкновенная деликатность. Был у нас, например, такой случай. Недалеко от Кабула «духи» захватили колонну из пятнадцати машин. Автомобили сожгли, а людей куда-то увели. Мы их пытались найти. И вот появилась информация о том, где их прячут. Надо было немедленно проверить, там ли пленники. Ситуация складывалась так, что туда надо было лететь одному из старших офицеров моего отдела, который... очень боялся летать на вертолетах. Отличный специалист, но — не воздушный разведчик! И вот Виктор Петрович, не проронив ни слова упрека в адрес этого офицера, говорит мне: «Бери с собой роту спецназовцев и слетай проверить информацию. Нужны точные данные, чтобы принять решение». Наверное, не мне, начальнику оперативного отдела, надо было лететь туда, но я об этом уже потом, «задним числом», подумал. И оценил мудрость командующего, который таким образом спас самолюбие боявшегося летать офицера. Тот человек впоследствии, сидя на командном пункте, блестяще анализировал сложнейшие ситуации. Дубынин не укорял его, не обвинял в трусости, а просто нашел дело, которое офицеру по плечу.

...Первого февраля, в день рождения Виктора Петровича, я обязательно захожу на Новодевичье кладбище, где он похоронен. Никогда раньше не думал, что первого февраля буду ходить на кладбище... Дело в том, что этот день — и день моего рождения тоже.

ЛУЧШИЙ ИЗ НАС

Георгий КОНДРАТЬЕВ,
заместитель министра по делам ГО и ЧС,
генерал-полковник

Я служил в Житомире, когда получил назначение в 40-ю армию — первым заместителем командующего. Выходило, что я на этой должности должен был заменить как раз Дубынина, который стал командармом. Кстати говоря, мы когда-то вместе учились в Академии Генерального штаба, на параллельных курсах. Знали друг друга в лицо, но близко знакомы не были.

Получив назначение, я прилетел в Ташкент, прибыл в штаб Туркестанского военного округа и буквально через час вылетел в Афганистан. События развивались так стремительно, что я только в самолете понял, что он летит не в Кабул, а в Шиндандт. Я был одет еще в обычную форму и с уважением, как на обстрелянных, посматривал на попутчиков в «афганках». Я не представлялся, а они не знали, что я — новый заместитель командарма. Прилетев на место, сразу же по телефону доложил Виктору Петровичу:

Товарищ командующий, первый заместитель командующего генерал-майор Кондратьев прибыл на территорию Афганистана. Нахожусь в Шиндандте.

— А почему в Шиндандте, а не в Кабуле? — удивился Дубынин.

Я объяснил, как получилось, что меня завезли в Шиндандт. Виктор Петрович меня сразу же отругал:

— Ты что, новобранец, что ли? Как это может быть — первого заместителя командующего «завезли» в Шиндандт?!

Так он сразу же дал мне понять, что нянчиться со мной не собирается.

Когда я прилетел в Кабул, меня встретил заместитель Дубынина по вооружению, мой старый друг Сергей Маев. Сам Виктор Петрович находился в Баграме и должен был вот-вот прилететь. Маев предложил мне в ожидании командарма попариться в бане, где я и сменил обмундирование мирного времени на «афганку». Дубынин появился с тельняшкой в руках. Он располагал к себе сразу — спокойный, рассудительный, очень есте-

ственный человек. Торжественно вручил мне тельняшку со словами:

– Вот теперь ты настоящий воин сороковой армии!.. Между прочим, планируется очередная операция. Завтра в десять утра доложишь мне порядок боевых действий.

«Ничего себе, – подумал я. – Да я еще не знаю здесь ничего толком». ... Мне здорово помог тогда командир 103-й воздушно-десантной дивизии Павел Грачев, рассказал об обстановке, объяснил что да как. И на следующее утро в присутствии главкома войск Южного направления я доложил Дубынину план боевых действий. Новому человеку в Афганистане быстро перестроиться на военный лад было трудно, поэтому я ожидал замечаний командующего: дескать, здесь я вижу ситуацию не так, а там руководить операцией надо будет иначе... Многие на его месте не устояли бы перед соблазном покрасоваться перед новичком богатым боевым опытом. К моему удивлению, Дубынин сходу утвердил предложенный план операции. Он еще раз дал мне понять: подготовка боевых действий и руководство ими — в твоих руках. Он мне так и сказал:

– Бери власть в свои руки и командуй. Плохо будешь командовать — взыщем. Хорошо — скажем спасибо.

Меня это очень поддержало. К сожалению, многим руководителям не хватает этого умения доверять подчиненным... Дубынин, дав мне всю полноту власти в рамках моих полномочий, тем самым возложил на меня и величайшую ответственность: подвести его я не мог. Та первая для меня операция прошла успешно, с минимальными потерями, и я быстро вошел в «военную колею».

Командарм никогда без надобности не вмешивался в «зону ответственности» подчиненных. Не терпел «воды» в докладах, любил четкость и ясность, схватывал суть на лету. Конечно, Виктор Петрович сам досконально знал обстановку, но придерживался принципа: ты руководишь — значит, ты и несешь ответственность. Это дано не всем. Я однажды всерьез повздорил с одним крупным начальником, который пытался на моем же командном пункте отдавать за меня приказы и только мешал руководить боем. «Берите ответственность на себя и руководите, а я тогда уйду, — сказал я ему. — Я отвечаю за жизнь солдат и офицеров и ваши указания выполнять не собираюсь». Уверен, так поступил бы и Дубынин.

В 1986 году было принято решение вывести шесть полков из состава 40-й армии в Союз. Три из них — мотострелковые. А у нас более пятисот застав, все маршруты, все важные объекты охранялись в основном мотострелками. Но как сокращать людей, когда их и так катастрофически не хватает?! О том, как Дубынин решил эту проблему, наши тогдашние вероятные про-

тивники — американцы узнали только полтора десятилетия спустя.

Мотострелковые полки были сформированы главным образом из военных строителей. Их вооружили техникой, которая подлежала списанию или ремонту, была еще на ходу, но не использовалась. Месяц я проводил инструктаж с этими полками... Никто из международных наблюдателей, а их прислали около ста стран, даже не заподозрили, что мы выводим не боевые подразделения, а строителей. Шесть полков вернулись в Союз, не потеряв ни одного человека, хотя некоторые полевые командиры поклялись на Коране, что живыми наших солдат не выпустят...

В апреле 1987-го начиналась боевая операция в Черных горах близ Джелалабада. Эти горы были настоящим гнездом оппозиции, там находились центры боевой подготовки, базы с оружием и боеприпасами. Когда планировалась операция, Виктор Петрович вызвал меня и предупредил:

— Георгий, я в Черные горы ходил в восемьдесят пятом, и ты запомни, что я потерял там много людей и восемь вертолетов...

Он хотел, чтобы я знал: Черные горы сходу взять нельзя, надо скрупулезно готовиться к боевым действиям. После тщательной подготовки было решено провести их в два этапа.

И вот первый этап позади: Черные горы взяты в кольцо. Я доложил командующему, что утром приступаю к высадке десанта. Дубынин одобрил план, но вечером изменилась погода. В апреле она в горах особенно переменчива. Утром светит солнце, к обеду небо может затянуться тучами, а вечером вдруг пойдет снег. Как назло, именно так и случилось. Я доложил командарму:

— Обстановка изменилась, применение авиации по погодным условиям сильно затруднено.

Он отвечает:

— Сворачивайся и уходи, потерь допустить мы не можем.

Посоветовавшись с командирами, решаем: ночью в горы можно скрытно подняться пешком. Дубынин был против:

— Я же тебе сказал — прекращай боевые действия, забирай группировку и уходи!

Но я к тому времени уже «оперился» и тоже имел свое мнение:

— Виктор Петрович, разведка докладывает: мы можем нанести очень большой урон противнику! Мы тут прикинули — можем занять господствующие вершины ночью.

Решение было рискованное, но игра стоила свеч. И Дубынин ответил:

— Жди меня. Через два часа буду.

Он не был твердолобым руководителем, который, сказав «нет», уже из принципа не может изменить своего решения. И он не боялся ответственности.

Через два часа Виктор Петрович уже был на моем командном пункте. Он, по существу, не просто согласился с моим решением. Прилетев, он разделил со мной ответственность. Теперь, в случае провала операции, неудачу нельзя было бы объяснить тем, что это, мол, Кондратьев ошибся. Командующий был теперь со мной, я почувствовал его поддержку.

Ночью батальоны поднялись в эти чертовы горы, «духи» даже не подозревали об этом. Наша разведка засекала тогда их переговоры в эфире:

– Где русские?

– Спят внизу!

А мы в это время были уже на вершинах...

Результаты операции были просто блестящими. Уничтожили около двух с половиной тысяч душманов, вывезли оттуда двадцать пять КАМАЗов, груженных боеприпасами. Трофейного оружия было захвачено столько, что часть его пришлось подрывать на месте. При этом не потеряли ни одного человека!

Когда все закончилось, Виктор Петрович позвонил мне и как-то заговорщицки сказал: «Георгий, надо бы еще одну задачу решить...» Он рассказал, что вблизи границы, уже на пакистанской территории, обнаружены большие склады боеприпасов и учебный центр по подготовке стрелков для переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер», которые тогда только появились в Афганистане. Командарм предложил мне собрать небольшую группировку войск, выскочить с ней к границе, накрыть этот учебный лагерь артиллерией и быстренько уйти в Джелалабад. То есть командующий армией принял решение о нанесении удара по территории сопредельного государства. Конечно, в горах нет границы в привычном понимании этого слова — нет столбов, колючей проволоки, контрольно-следовой полосы. Поди разберись, чья эта горка — афганская или пакистанская? И все же...

Пахло международным скандалом. Все, конечно, и так понимали, что Пакистан помогает афганским моджахедам и играет ключевую роль в войне, но вот чтобы взять и ударить по его территории?!

Но сказано — сделано! Ночью мы подошли к пакистанской границе, нанесли мощный артиллерийский удар по центру подготовки моджахедов и складам с боеприпасами и ушли. Вся операция длилась не более пяти часов. Я доложил Дубынину о выполнении задания, он поблагодарил меня и говорит:

– Ну, жди: завтра будет дипломатическая нота, командующего снимут.

Нота, правда, была, но довольно «хиленькая». Наша разведка доложила руководству страны об ошеломляющих результатах операции: уничтожен центр подготовки стрелков-зенитчиков

для «Стингеров», сгорело много складов с боеприпасами, которые должны были перебросить в Афганистан. Действия командующего армией были одобрены.

Просто невероятно, какую ответственность взвалил тогда на свои плечи Дубынин! Если бы он просил разрешения на операцию, как тогда говорили, «в инстанциях», то идея была бы просто загублена на корню.

К июню 1987 года стало ясно, что Виктора Петровича скоро заменят, поскольку он воевал уже три года. Ходили разные разговоры о том, на какую должность он должен уйти, назывались разные высокие, лестные для военного человека посты. Поговаривали, что Дубынин станет начальником штаба Киевского военного округа, и мы радовались за командарма. Однако, как-то зайдя к нему, я замечаю, что Виктор Петрович — какой-то пасмурный. Спрашиваю, что случилось, почему его настроение не соответствует предстоящему радостному событию — замене. А он только отмахивается: да какая там замена... Оказалось, ему предлагают должность командарма в танковой армии сокращенного состава в Борисове. Это явный «щелчок по носу», понижение. Совершенно не тот уровень, на который он, боевой командарм, мог рассчитывать. Думаю, так он расплатился за то, что никогда не поступался своей совестью, всегда говорил прямо то, что думает, а это не всегда нравилось кабинетным начальникам.

Возможно, сыграл свою роль и неприятный разговор со всемогущим председателем КГБ Крючковым, который произошел незадолго до этого. Тогда в Тулукане, на севере Афганистана, в зоне ответственности пограничных войск душманы смогли провести успешную операцию и нанести урон погранвойскам. Нам-то было ясно: пограничники не позаботились должным образом о собственной безопасности. Но, как водится, начались поиски виноватых. Командующий погранвойсками в докладе Крючкову свалил всю вину за это на командарма 40-й армии. Когда Крючков позвонил Дубынину, тот, естественно, объяснил, что речь идет о зоне ответственности пограничников и разбираться надо именно с ними. Председатель КГБ был очень недоволен ответом, и, не исключено, это и предрешило унизительное для Дубынина назначение на должность командующего танковой армией, к тому же сокращенной. Виктор Петрович, конечно, переживал по этому поводу... К счастью, справедливость вскоре восторжествовала и через полгода Дубынин все же стал начальником штаба Киевского военного округа.

Вскоре и мне пришло время прощаться с Афганистаном: меня назначили на должность командующего армией в Забайкальский военный округ. По пути в Москву я специально заехал повидаться с Дубыниным. Мы сидели у него дома, вспоминали Кабул, друзей...

Не было недели, чтобы Дубынин не позвонил мне в Забайкалье, не поинтересовался, как у меня дела. Сначала звонил из Киева, потом — из Польши. Я очень дорожил его вниманием: он был Человеком и Другом с большой буквы.

В 1992 году мы оба оказались в Москве, он — начальником Генштаба, я — заместителем министра. За несколько месяцев он многое сделал на новом посту. Успел создать аппарат Генштаба, под его началом была проведена ревизия того, что осталось в Российской армии после раскола Советского Союза... Очень жаль, что смерть помешала ему довести до конца все, что было задумано.

Когда его не стало, я испытал такое чувство опустошения, как будто потерял очень близкого человека. Среди нас, служивших в Афганистане, он был лучшим. И как профессионал, и как человек.

САЛЮТ В ПОДАРОК

Иосиф КОБЗОН,
Народный артист СССР

С Дубыниным связан лучший подарок, который я сделал моей жене — Неле. Точнее говоря, подарок преподнес он — Виктор, а я только, как говорится, примазался.

У него, вообще-то, было хорошее чувство юмора, и я, когда приезжал в Кабул, развлекал его свежими анекдотами — он любил слушать. Но сам он не то что соленный мужской анекдот рассказать — выругаться не мог, как положено военному человеку. Я, помню, только удивлялся: ну как он армией командует?!

Так вот, о подарке. Так случилось, что пятидесятилетие нашей с Нелей свадьбы совпало с моей очередной командировкой в Афганистан, и жена уговорила взять ее в поездку. И 3 ноября 1988 года в Кабуле, в гостинице «Ариана», мы отмечали годовщину нашей свадьбы.

Пригласили, конечно, наш коллектив, всех друзей. Обстановка была, прямо скажем, для такого события необычная. Большинство гостей, понятно, не во фраках — в полевой выцветшей форме. А Руслана Аушева, его тяжело ранили незадолго до этого, вообще привезли к застолью в больничном халате — прямо из госпиталя.

Приехали командующий и его заместитель, член военного совета, тоже замечательный человек — Валя Щербаков, подарили мне по красивой афганской сабле. И вдруг Дубынин берет меня за рукав и отводит в сторону:

– Иосиф Давыдович, посекретничать надо...

– Что такое?

– У нас ровно в 21.00 — плановые стрельбы. Но я скажу Неле в тосте, что в честь вашей свадьбы 40-я армия будет давать салют. Только вы — никому! Просто пригласите всех гостей во двор.

Ну, началось застолье, пошли, как водится, задравные тосты. Я помалкиваю, как мы и договорились, а без пяти девять говорю:

– Товарищи, прошу всех выйти во двор. Слово имеет командующий!

— В честь свадьбы наших друзей, в вашу честь, дорогая Неля, — говорит Дубынин, — примите салют от 40-й армии!

А на улице ночь уже, темень, на небе яркие звезды, и огни горят в глиняных домишках на склонах гор, которые окружали город, — их еще в шутку называли «кабульскими небоскребами». Красиво... И тут как пошли «Грады» долбить: ба-бах! ба-бах! ба-бах!

У моей жены глаза — круглые от восторга:

— Да что вы, — говорит, — зачем же, это же дорого очень...

— Нам для вас, — отвечает Дубынин, — ничего не жалко!

Потом, когда мы уже вернулись в Союз, она все никак успокоиться не могла:

— Иосиф, какие же это люди, какие люди!..

Я, глядя в ее восхищенные глаза, так и не решился сказать ей правду. Да она и сейчас не знает, что это был не праздничный салют в честь годовщины нашей свадьбы, а самые обычные плановые стрельбы.

Никак я от Дубынина такого подарка не ожидал. Он ведь даже не был похож на командующего, на генерала. Был скромным до застенчивости и, безусловно, честнейшим человеком.

Мы виделись иногда, когда Виктор вернулся в Москву, стал начальником Генерального штаба. Квартиры у него своей не было, и он обосновался в подмосковной Баковке, в казенном армейском Доме приемов. А у меня как раз там дача неподалеку.

Как-то я приехал к нему. Дубынин был один, холостяковал, жена его отлучилась куда-то. Сначала у меня попили «комсомольский чай», а потом он говорит: «Давай заедем ко мне». Мы к тому времени уже на «ты» перешли, как-то это само собой вышло. Я отвечаю: «Поехали, это же через дорогу буквально». Я чувствовал, что он хотел поговорить о чем-то, но у меня дома постеснялся.

И когда приехали, сказал:

— Иосиф, мне так неудобно, но просто не к кому обратиться...

— Виктор, что за разговоры! Что случилось?

— Понимаешь, у меня жилья здесь нет. Как-то обустроиваться надо.

— Чем я могу помочь?

— Мне бы денег немного, ненадолго. Я как только продам квартиру в Семипалатинске, сразу же рассчитаюсь.

Я опешил: стало неловко оттого, что у меня были деньги, а у него — нет. Он ведь мог тогда все, он командовал Генштабом, распоряжался всем имуществом Вооруженных сил, всей армейской казной! Да на такой должности иной себе не только квартиру — дворец бы построил. А он покраснел, как девица красная, и чувствовалось, что переступает через себя — в жизни ни у кого копейки не попросил.

– Виктор, как не стыдно! Мы же самые близкие друзья, но что за церемонии. Сколько тебе нужно?..

После этого он перестал мне звонить, и я понял — это от неловкости. Ну, и я просто перестал думать об этом. А месяца через два или три снова раздался звонок:

– Иосиф, нужно встретиться.

Он приехал ко мне в офис, протянул конверт и выдохнул:

– Слава богу, а то мне даже неловко было тебе звонить.

...Трогательный он был человек, порядочный до щепетильности. Таким и остался в памяти.

«САМОЕ ГЛАВНОЕ — ОТСЛУЖИТЬ ЧЕСТНО»

Строки из дневника генерала Дубынина

Будучи заместителем командующего 40-й армией, Виктор Петрович почти ежедневно делал короткие записи для себя. Он фиксировал ход боевых действий, вел учет потерям — нашим и противника, давал скупые оценки действиям командиров. Иногда — очень редко — он позволял себе выйти за рамки формальных перечислений случившихся за день событий. Будто тяжело вздыхал: ни дня без войны! Нам, составителям этой книги, показалось, что именно эти записи представляют особую ценность для читателя. По ним видно, какой колоссальный груз лежал на плечах генерала, какую огромную ответственность ему приходилось нести, как болезненно переживал он каждую неудачу. Вместе с тем этот дневник — яркий и красноречивый документ времени, страшное и мужественное свидетельство бессмысленной войны.

23.11.84 г.

В 4.30 начал боевые действия силами 103-й воздушно-десантной дивизии. С боем к 11.00 взяли крепость, но «духи» вышли и вынесли тяжелое оружие. Убитые в форме царандоя (афганская милиция. — Сост.). Сильное сопротивление встретил в кишлаке Чахаркульбай-Улиа, огнем подавил его и к полудню взял. Наводчики показали подземные убежища, доты, но все пусто.

Ужасное настроение. Где-то недоработал. Много потерь. Надо на будущее принимать более рациональные решения и конкретно спрашивать за потери. Плохо. Очень слабо обучены люди, и особенно в 70-й бригаде.

25.11.84 г.

Сегодня два месяца, как я улетел из Семипалатинска в ДРА. Время пролетело быстро. Хотя встаю на операции утром в 4.30 и ложусь в полночь. Времени не хватает. Мне всегда в жизни так «везет», всегда все должности самые ответственные, нервные...

В ДРА надо каждый месяц самостоятельно проводить минимум одну операцию: все спланировать, предусмотреть, за всех отвечать. Одни потери могут с ума свести. А есть же счастливичики и здесь — лишь бумаги пишут и указания по телефону дают. Так можно и десять лет воевать.

2.12.84 г.

Воскресенье. В 7.00 вылетел в Баграм, где проверил готовность 1ДШБ (десантно-штурмовой батальон. — Сост.) и всего полка к боевым действиям. В 12.00 прибыл в штаб 108-й дивизии, где уточнил вопросы по разведбату и поставил задачи. В 14.00 вылетел в Кабул на аэродром и затем прибыл в 181-й мотострелковый полк. Разобрался в ситуации, поставил задачу и в 16.30 выехал в район формирования колонн — всего 279 машин и четыре роты сопровождения. Поставил все на место, кроме колонны с боеприпасами, — их не загрузили. Дал команду грузить ночью. В 18.00 выехал в штаб по ночному Кабулу.

7.12.84 г.

Второй день операции. Начал выдвижение всех войск из Кабула на Бараки... Пока войска идут медленно. Узкое ущелье, много мин. Был подрыв афганской машины, и одновременно обвалилась скала, образовался завал. Заболел желудок, поднялась температура. Сегодня спал 1–2 часа. Надо что-то делать, чтобы обязательно выдержать до конца операции.

Погода портится: пошел мокрый снег, поднялся ветер. Низкие облака, горы закрыты, авиация не летает. Даже раненых вывезти — проблема.

12.12.84 г.

Седьмой день операции. Встал в 4.00. Всю ночь был дождь, а утром пошел мокрый снег. В горах сильный туман, видимость 20–30 метров. Погода нелетная. Как нам вывезти раненых — их 14 человек? Дал команду выносить на руках. А расстояние — 10–12 километров по горам, значит, потребуется 8–10 часов. К вечеру вынесли. Намучили ребят. Все время идет мокрый снег с дождем. Холод собачий. Все промокли до нитки. В 20.00 отправляю колонну с ранеными в Гардез. Очень опасно ехать ночью, но выхода нет: надо спасать людей.

Душманы ведут настоящую минную войну. На 10-километровом участке Норай-Алихейль за семь дней операции снято и уничтожено противотанковых мин — 274, фугасов — 22 (все они из наших неразорвавшихся авиабомб).

22.12.84 г.

Скоро Новый год. Велел нарубить елок или кедрача, просят многие, а деревья растут только в этом районе. Может, даже одну домой привезу, если отпустят меня на несколько дней. Сплю и вижу семью, очень соскучился. Сегодня снайпер стрелял в адъютанта, который был в белом полушубке, то есть выделялся из основной массы людей.

29.12.84 г.

Сегодня ровно три месяца, как я в Кабуле, а необходимо быть двадцать четыре. Осталось не так уж и много.

Началась настоящая зима. Идет снег, мороз доходит до минус пяти градусов. Кругом все бело. Погода такая же, как у нас в средней полосе в начале ноября. А я раньше думал, что в Афганистане нет настоящей зимы. Старожилы говорят, что в отдельных районах (Гардез, например) мороз бывает до минус тридцати и выпадает много снега. Афганцы очень мерзнут. Закутаны кто во что, на ногах в основном галоши. Людей на улицах мало, Кабул будто вымерз.

1.01.85 г.

Накануне в 17.30 заступил на сутки дежурить по армии. Выпала честь Новый год встречать в штабе, в своем кабинете. До 4.30 заслушивал доклады командиров частей и дивизий. В 12.00 по кабульскому времени и в 12.00 по московскому почти все советские посты открыли огонь из всех видов оружия и запустили в небо массу осветительных ракет. Фейерверк в честь Нового года.

Дежурил сутки. Больших происшествий не случилось. В 18.00 приехал в гости ко мне военный атташе Сень Василий Тимофеевич. Посидели пару часов, вспомнили своих знакомых. И на этом праздник закончился.

Дома все хорошо. Люда — молодец. Держится. Как я соскучился по детям, по Люде. Так хочется побыть дома хотя бы несколько часов, но судьба — злодейка, все получается наоборот.

10.01.85 г.

В 10.25 встретил командующего округом, который прилетел сюда, чтобы выступить перед участниками сборов командиров полков. Он остался недоволен тем, что собрали не всех (а 42 человека в госпиталях, 29 — на боевых действиях). Построил свою речь очень критически в адрес руководства армией и ничего не сказал нового по боевым действиям. Одни оскорбления. Удивительный человек. И это руководитель государственного масштаба, который своим присутствием только оттолкнул всех от себя. Меня он обвинил в том, что я квартиру не сдал в Семипалатинске. Нужна она мне сто лет, эта квартира! Наверное, жена не успела сдать справку в КЭЧ.

28.01.85 г.

С заместителем министра обороны ВС ДРА генералом Азими вылетел в 9.00 на КП 108-й и 103-й дивизий. Разобрался с обстановкой, встретились с местными старейшинами Ниджрабской долины. Очень хитрые: говорят, что душманов нет, и просят не бить их артиллерией и авиацией. Посмотрим.

Затем вылетели в Панджшерское ущелье, в Барак. Разобрался с обстановкой в районе Киджоля. Очень трудно. Постоянно бьют ДШК из подготовленных огневых точек, которые находятся в пе-

щерах. Там даже установлены рельсы, по которым двигаются тележки с пулеметами. Сверху пещеры прикрыты естественными «балконами», и ни авиацией, ни артиллерией взять их невозможно.

1.02.85 г.

Сегодня не спал всю ночь, хотя обстановка нормальная. Исполнилось 42 года. Вспомнилась вся пройденная жизнь, семья, этапы службы... Многого пришлось передумать. 42 года... Можно считать, две трети жизни прожил, хотя кажется порой, что еще и не жил, что все впереди... Самое главное сейчас — честно отслужить в ДРА, а потом уже жить, как и раньше. Лучше всего — в Союзе, дома. Хоть и работать по 10–12 часов в день, но дома.

14.03.85 г.

В 5.15 из ущелья начала выдвигаться 66-я бригада и к 10.30 сосредоточилась. В 6.30 вывез в ущелье воздухом тонну взрывчатки, и саперы приступили к подрыву пещер (базового района душманов).

В 6.30 начал выход 181-й полк. К 14.00 взорвали все пещеры, схроны и укрепления. Начали выход и к 17.00 вышли в район сосредоточения. Все в порядке.

В 10.30 принял решение выбросить вертолетами десант для захвата исламского комитета, складов и разгрома 200 «духов». В 12.30 нанес удар авиацией, в 12.39 — огневой налет артиллерией и с 12.47 до 13.27 (за 40 минут) выбросил 248 человек десанта.

24.03.85 г.

...Подвели «зеленые» (так на жаргоне называли солдат афганских правительственных войск. — Сост.). Они отказываются идти вперед или идут, но в другую сторону. Советники врут, что высоты заняты афганскими войсками, а на самом деле — нет. Из-за них мы понесли потери: трое убитых, четверо раненых. Тяжело воевать коалиционно...

Принял решение убрать «зеленых» из полосы боевых действий, но это не выход. Кто же будет защищать Апрельскую революцию? Трудно!

30.03.85 г.

Сегодня заболел адъютант. Тиф. А я постоянно находился с ним в одном кунге. Вместе пищу принимали, общались. Неужели заболелу и я? Нужно ждать десять суток (инкубационный период). Адъютанта увезли в госпиталь в Кабул.

4.04.85 г.

В 8.00 доложил командующему итоги операции в Джелалабаде. Итоги хорошие. Он сказал, что отправил представление на меня на орден Боевого Красного Знамени. Посмотрим, что будет.

В 10.00 с генералом Смирновым вылетел в Баграм, где возглавляю оперативную группу армии на несколько месяцев.

Настроения нет. С одной операции на другую. За все время только один день без войны. Должен был слетать в Ташкент — не отпустили. А теперь уже придется долго здесь быть. Эх, судьба дурная моя...

21.04.85 г.

Обстановка нормальная, правда, ночью было два обстрела. Не могу понять, откуда бьют? Местность в этой зеленой зоне сложная, она представляет собой пойму десятка рек. В основном равнина площадью 50 на 20 км. Здесь расположены сотни кишлаков, кругом сплошные виноградники, высокие дувалы. В каждом кишлаке по несколько средневековых крепостей. Все они приспособлены для ведения круговой обороны. Большое количество кяризов, причем многоэтажных и длиной до нескольких километров. Они проходят под руслами рек, дорогами, садами. По ним можно скрытно перемещаться из одного кишлака в другой.

В 10.00 вылетел на КП 108-й дивизии. При возвращении обратно погода на перевале испортилась, летели в облаках. Шли на высоте 5300, и вертолет начал обрастать льдом. Это самое страшное. Неделю назад в таких метеоусловиях в этом же районе после обледенения упал «Ми-8» (пятеро погибших). Но у нас все обошлось благополучно.

20.05.85 г.

В 4.00 войска начали выдвигаться на Джелалабад. В 12.00 вылетела и начинаю руководить боевыми действиями. В Джелалабаде стоит такая жара, что уши свертываются. Тяжело работать в таких условиях. Весь мокрый, постоянно мучит жажда. Врачи утверждают, что здесь нужно выпивать не менее восьми литров воды в сутки, только тогда не будет обезвоживания организма.

21.05.85 г.

66-я бригада действовала четко и к 10.00 задачу по захвату дороги (95 км) выполнила. 56-я не смогла своевременно выйти в свой район, а десант после высадки попал под очень плотный огонь. Завязался бой, который длился несколько часов, потери мы понесли солидные. Во многом виновен командир бригады, который встал на путь обмана (врет, а люди гибнут). Отстранил его от должности, но командующий армией с генералом Варенниковым оставили его до конца боевых действий.

За день десантировали 920 человек.

12.06.85 г.

Собирался в отпуск, но после разговора с командующим об этом пришлось забыть. Должен ехать в Баграм и руководить боевыми действиями. Это на все лето и даже осень. Что сделаешь, надо выполнять свой долг честно и до конца. Надо прослужить здесь два года так, чтобы никто не упрекнул.

19.06.85 г.

В 4.00 изучил обстановку. Афганцы еще и не думали выходить на Киджоль, хотя должны были уже взять его. В 4.30 принял решение на высадку десанта. В 6.00 начали высадку: задействовали 33 самолета, 32 вертолета, 26 артустановок. К 10.55 высадку закончили: всего 700 человек, из них 237 афганцев. Обошлось удачно, без потерь, но во время посадки один «Ми-8» упал. Причина: сажались на высоте 3150 метров и произошла просадка вертолета из-за нехватки мощности в разряженном воздухе. Машина свалилась на левый бок, но экипаж и десант живы — это главное. К 12.00 десант выполнил задачу.

Афганцы овладели Киджолем, но к исходу дня мятежники их оттуда выбили и они отошли назад. Плохо воюют. Попытка 37-ю (афганскую) бригаду повернуть на другой рубеж, но в течение шести часов не смогли их заставить.

День получился очень напряженный, полный нервов. Боевые действия на контроле у командарма, командующего округом, Москвы, — все звонят, требуют, мешают...

24.06.85 г.

Исполнилось девять месяцев, как я уехал от семьи, из Семипалатинска. Как время бежит. Но мне показалось, что прошло уже года два. Уже, кажется, вечность миновала. Я как будто всю жизнь в ДРА. До боли в сердце, до отчаяния здесь все надоело, особенно же — эти бестолковые боевые действия.

Сегодня Юра (сын. — Сост.) сдает последний экзамен в МСВУ. Вот уже какой большой вырос — 17 лет. Сейчас пойдет в военное училище, и через четыре года — лейтенант. Впереди самостоятельная жизнь. Будем с ним соревноваться, кто быстрее получит «лейтенанта».

27.06.85 г.

Все требуют как можно быстрее захватить Киджоль, а мы уже девятый день не можем, хотя задействованы три полка, 40 самолетов, 50 вертолетов. Противника очень много. Район хорошо подготовлен в инженерном отношении: масса дотов, щелей, пещер, а из них выбить «духов» ничем невозможно.

В 7.30 вылетел в Барак разобраться. Обстановка сложная. Роты лежат. Люди не смеют поднять головы, такой плотный огонь. Хотя авиация и артиллерия наносят десятки ударов с большим расходом боеприпасов.

Чтобы отвлечь наши силы от Панджшера, Ахмад-шах дал команду наносить удары на коммуникациях, и в 11.30 мятежники начали обстрел двух колонн с боеприпасами в районе Саланга. Был пробит трубопровод — он загорелся, а от него огонь перекинулся на колонны. Сгорели два БТР, семь машин, 3 убитых, 15 раненых.

В 14.30 поднял по тревоге 180-й полк, и в 15.30 он начал выдвижение из Кабула на Саланг для усиления охраны перевала и маршрута.

Принимаем решение: взять Киджоль ночью.

28.06.85 г.

На рассвете взяли Киджоль, начали действовать в направлении ущелья Аушаба, но около 10.00 по нам был открыт ураганный огонь из десятков пещер. Понесли потери. Танки подвести не можем, т.к. дорога разрушена и заминирована. Очень нервный и напряженный был день. Надо заканчивать эти боевые действия.

С 30.06.85 г. по 11.07.85 г.

Вести дневник не было возможности: очень напряженные и тяжелые дни. С трудом и большими потерями взяли Киджольский перекресток. Угробили при этом много бронетехники, а результат нулевой. Вместо взорванного моста бросили МТУ-12, пустили колонну афганцев в Пишгор. Какой страх у людей появляется при переезде через этот мост на перекрестке Киджоль! Один афганский водитель (шел обстрел из ДШК) от страха вырвал баранку руля, да так с ней и прибежал назад — весь мокрый, бледный, не способный издать ни звука.

На Саланге случилась неприятность: «духи» сожгли колонну наливников — 64 машины и два наших БТР. Не успеваем принимать ответные меры, мало сил. А противник стремится нанести ощутимые уколы.

7 июля возле Баграма сожгли 10 наших наливников, а 15 КАМАЗов вывели из строя. Вылетел туда на вертолете. Море огня. Хотел подсесть к колонне, но «духи» открыли огонь по вертолету.

В течение 10 дней пытались взять хотя бы 2–3 километра ущелья Аушаба... Сотни подготовленных к обороне пещер (есть пещеры с дверями и рельсами для передвижения крупнокалиберных пулеметных установок). Такие укрепления не возьмешь ни авиацией, ни артиллерией. Можно немного обрушить входы, однако все горы не развалишь. Пещеры находятся на разных высотах, многоярусно, а огневые средства там пристреляны по каждому квадратному метру.

Надо сказать, что советские солдаты воюют очень самоотверженно, смело, геройски. Если кто-то ранен, идут на смерть — лишь бы оказать помощь товарищу. Очень много таких поступков, которые вполне заслуживают звания Героя Советского Союза. Но как-то часто такие геройские дела мы быстро забываем...

И очень плохо ведут боевые действия афганцы. Много попыток дезертирства, не хотят воевать, хитрят. Практически основная масса солидарна с душманами. За полгода призвали в армию 16 тысяч человек, а дезертировали более 14 тысяч.

Сам постоянно нахожусь в Баграме, каждый день вылетаю на Саланг, в Панджишер, в войска. Дел по горло с 5.00 утра до 23.00. Мечтаю хотя бы одни сутки получить без войны и выспаться от души. Да и сон не идет в руку: все время снятся бои, потери, кошмары. Мирных снов уже давно не видел.

15.07.85 г.

В 11.00 с группой офицеров вылетел в район боевых действий 345-го полка. Высадился нормально, с зависания, и — бегом в дом, где КП полка. По дому стрелял снайпер, пуля залетела в окно и попала в стену. Внутри на полу грязные ковры, лежанки, кое-какая мебель. Прежде здесь располагались душманы. Разобрался в обстановке, а затем с группой солдат спустился в кишлак. Осмотрели бывший радиоцентр «духов», пещеры, огневые точки, склад с минами. Кишлак довольно хороший, даже есть новые и строящиеся дома. Поля засеяны, кругом сады...

В 15.00 вылетел обратно. Был сильный ветер, вертолет сел с трудом, пришлось с зависания забираться в него, и тут же полетели. Сильно болтало, машину бросало, как щепку, а летели по ущелью, кругом были отвесные скалы — того и гляди врежешься.

16.07.85 г.

С КП-345 доложили, что захватили тюрьму и несколько складов с оружием и боеприпасами. Взял с собой помощника по разведке, секретаря парткома армии, фотографа. Приземлились — обстрела не было. Спустились в ущелье и пошли под прикрытием снайперов и разведчиков. Кишлак пустой, все брошено. Бродят овцы, козы, ишаки. Ущелье очень узкое, кругом отвесные скалы высотой до 3000 метров, внизу бурлит река. Вдоль ущелья очень много пещер, которые оборудованы для стрельбы, жизни и отдыха. Идти до тюрьмы 3 км по узенькой тропе.

От тюрьмы осталось сильное впечатление. Новые постройки. Половина из них — в пещерах, это для обслуживающего персонала. А сама тюрьма — глубокие волчьи ямы с люками наверху. Внутри имеются три больших камеры, в которых могут разместиться до 40 человек. «Духи» содержали там 127 афганских военнопленных и 14 советских. В камерах на полу валялось тряпье, обувь, и все буквально было залито кровью. Наверху были комнаты пыток с «инструментом» и одиночные камеры для узников.

Расстреливали пленных на мостике через речку и в нее же их сбрасывали. В реке нашли 120 трупов афганских солдат, а советских пленных увели на юг. Тела зацепились за камни на протяжении 1,5 километра реки. Все были расстреляны и добиты ножами.

Вначале я хотел было все это взорвать, но затем решил пригласить сюда теле- и кинооператоров из Кабула — пусть заснимут и покажут варварство всему миру.

19.07.85 г.

В 7.30 вылетел в район боевых действий 56-й бригады. Потом перелетел на Саланг, в район б/д 201-й дивизии, где был до 13.00. Оттуда убыл в Баграм, а в 15.00 вылетел в Барак для управления высадкой десантов. Летели в сильный ветер, опять болтало.

Настроение архиплохое. Очень устал морально и физически. Все время недосыпание, нервотрепка. Хотя бы день отдохнуть, вы-

спаться, отвлечься от всех забот. Еще и писем нет из дома около двух месяцев. Что случилось? В общем, дела плохи. Стало сердце болеть от тоски по дому, по родине, семье. А еще ужас сколько времени надо быть здесь и работать плодотворно.

Сегодня, а вернее вчера, исполнилось ровно 24 года, как я в Советской Армии. Как время быстро прошло! Вроде бы только вчера уезжал из дома и меня провожала мать до Кирова, а дальше семь суток поездом — и я в Благовещенске. Не верится, что прошло уже 24 года.

22.07.85 г.

В 11.00 встретил нового главкома Южного направления генерала армии Зайцева Михаила Митрофановича, командующего округом генерал-полковника Попова Михаила Ивановича, командующего армией генерал-лейтенанта Родионова Игоря Николаевича и группу сопровождающих генералов, которые прилетели в Барак для изучения обстановки. Доложил по Панджшеру. Главком недоволен тем, что в ротах у личного состава мало ДШК и другого тяжелого оружия. Трудно доказать, что люди уже и так несут на своих плечах свыше 25 кг.

С 23.07 по 31.07. 85 г.

Не было времени вести записи в дневнике, но за этот период произошло много событий. Части и подразделения вели изнуряющие боевые действия на больших высотах. Так, 191-й полк в ущелье Хазара занимал высоты 3700-4000 метров. Надо сказать, что наши солдаты и офицеры не готовы действовать в таких горах. Нет горного и альпинистского снаряжения, каждый несет груз в 30 кг. Постоянная опасность обстрела. И главное — действовать приходится без какой-нибудь адаптации. Очень тяжело приходится людям. Воды не хватает, есть не хотят. До одной трети личного состава болеет.

В этих условиях трудно обеспечивать подразделения продуктами, боеприпасами, а если вдруг кого-то ранят или убьют, невозможно посадить вертолет («Ми-8» на такой высоте по горизонталу еще может лететь, а вот зависать нет — проваливается).

В эти же дни главком приказал выставить дополнительные посты вокруг аэродрома Баграм. Взятся за это дело, но, оказывается, не так просто зайти в зеленую зону на бронетехнике: масса арыков, каналов, дувалов, местность практически непроходимая... Посты душманье постоянно обстреливает. Да, для охраны аэродрома нужно их иметь, однако служба там абсолютно невыносимая. 30.08 вылетел на один такой пост на гору в центре «зеленки». Не гора, а сплошные пики, «карандаши», лунный пейзаж, со всех сторон продуваемый ветрами. И некуда спрятаться от душманских пуль. Высаживались с зависания. Сразу же нас обстреляли из пулемета, правда, пули прошли над головами. Прислал на эту гору 24 сапера, тонну взрывчатки, и они сделали «пятак» 6x4 метра для посадки вертолетов. Вот в таких условиях рота должна три месяца нести службу...

«БЕЛАЯ КОСТЬ»

Юрий КАШЛЕВ,
*проректор Дипломатической Академии,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
профессор*

Если бы я умел сочинять стихи, я бы написал об этом человеке поэму, хотя мы никогда не были с ним близкими друзьями. Мало того, мы и знакомы-то были всего около двух лет, виделись не очень часто, а если и встречались, то, как говорится, по служебной необходимости. Однако он оставил в моей душе неизгладимый след.

В мае 1990 года меня назначили послом в Польскую Народную Республику. Приехав в Варшаву, я, разумеется, первым делом собирался встретиться с командующим группировкой советских войск — Дубыниным. Виктор Петрович позвонил мне первым и пригласил в штаб-квартиру наших Вооруженных сил в Польше, которая располагалась в нескольких часах езды от Варшавы — в Легнице.

К тому времени я, человек сугубо гражданский, уже встречался с командующим группировкой наших войск в одной из стран социалистического лагеря. Это был человек с жестким характером и зычным голосом, от которого дрожали люстры (и не только они). Примерно такого же вояку я приготовился встретить и в Легнице. Именно так я представлял себе генерал-полковника, прошедшего Афганистан. Каково же было мое удивление, когда мне навстречу вышел мягкий, интеллигентный, очень симпатичный человек. Сначала подумалось, что это совершенно нетипичный офицер. Потом я решил, что это, наоборот, типичный военный интеллигент. «Белая кость» среди военных.

Человек большого ума, он обладал природной тонкостью, если можно так выразиться, которая позволяла ему глубоко проникать в суть самых сложных проблем. Надо сказать, что советский офицер, а тем более генерал-полковник, командующий войсками, в Польше находился в исключительно сложной ситуации. С одной стороны, военные подвергались яростным нападениям активистов из «Солидарности», и эти выпады нельзя было

оставлять без ответа. С другой стороны, все мы, конечно же, понимали, что у польских «товарищей» есть определенные основания для такого поведения, что наступит время, когда нам придется выводить советские войска из всех стран соцлагеря. Думаю, что Дубынин уже тогда проводил какую-то подготовку в Легнице для организованного вывода наших войск из Польши.

К тому времени генерал Ярузельский ушел с поста главы государства, а его место занял «антисоветчик» Лех Валенса из «Солидарности». Генерала Ярузельского во всех газетах обливали грязью. Активисты «Солидарности» требовали его ареста. Ему припомнили то, что в 1981 году он ввел в Польше военное положение. Генерал оправдывался, утверждая, что его действия спасли Польшу от ввода советских войск. Он аргументировал свою позицию тем, что вопрос о вводе войск в Польшу рассматривался в то время на Политбюро ЦК КПСС, поскольку в Советском Союзе боились «Солидарности» и «венгерского варианта» развития событий. Оппозиционеры в свою очередь опровергали Ярузельского, утверждая, что, мол, на самом деле угрозы вторжения советских войск не существовало, а потому и введение военного положения в стране было ничем не оправдано.

В этой непростой ситуации никто не мог даже предположить, что на защиту польского генерала Ярузельского может встать советский генерал Дубынин. Но именно это и произошло.

Виктор Петрович сделал то, чего никто от него не ожидал. Он дал сенсационное интервью польским журналистам, в котором привел неопровержимые факты, подтверждающие правоту Ярузельского. Он подтвердил, что угроза ввода советских войск в Польшу действительно была. Виктор Петрович рассказал польским газетчикам, что в 1981 году он, командующий дивизией в Белоруссии, имел на руках приказ, который не успел вступить в силу только благодаря действиям Войцеха Ярузельского. В том приказе был обозначен маршрут движения дивизии в Польшу. То есть, когда Ярузельский ввел в стране военное положение, он тем самым действительно снял реальную угрозу вторжения советских войск в Польшу, действительно предотвратил кровопролитие. Что могло быть более убедительным подтверждением правоты Ярузельского, чем подобные аргументы командующего советской группировкой войск в Польше?!

Помню, как Виктор Петрович звонил мне в Варшаву и спрашивал мое мнение: правильно ли он сделал, рассказав все журналистам? Спрашивал, не «заклюют» ли его сейчас из Москвы? Я был поражен смелостью генерала: этот поступок мог стоить ему карьеры. В первую очередь, могли последовать «организационные выводы по партийной линии», которые навсегда закрыли бы генералу дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Однако в то время, в 1991 году, в Москве было столько про-

блем, что у партийных функционеров просто не дошли руки до генерала, им было не до него. Это и спасло Дубынина от расправы чиновников.

Всегда вспоминаю Виктора Петровича спокойным, улыбочивым, рассудительным. При мне он ни разу не повысил голос ни на одного человека. Уверен, что и без меня — тоже.

Однажды генерал пригласил меня на охоту. Поскольку я в этом деле человек совершенно неопытный, Дубынин меня в лесу опекал. Дал мне теплую телогрейку, объяснил какие-то простейшие охотничьи приемы. И вот идем мы с ним вдвоем по просеке, которую впереди пересекает едва заметная лесная дорога. И вдруг по этой дороге пробегает олень. Идущий сзади нас офицер неожиданно пальнул по нему. Не скажу, что «пуля около уха просвистела», но я очень испугался, услышав за спиной выстрел. Он мог запросто сразить любого из нас — и командующего армией, и посла. Мы с Виктором Петровичем повернулись и пошли назад, а там стоит совершенно обалдевший от своего поступка офицер — бледный, с приоткрытым от него ужаса ртом. Он ожидал, наверное, что сейчас с него в ярости сорвут погоны! Когда мы подошли, Виктор Петрович сделал ему «выговор»:

— Ну, ты даешь...

И все. Ни слова больше... Потом забили кабанчика. Пока из него делали шашлык, мы с Дубыниным посидели вдвоем, поговорили, выпили водки. Пил он, правда, совсем мало. Чисто символически.

Я заметил, что генерал очень заботился, как говорится, о «моральном духе» войск. Вспоминается мелкий, на первый взгляд, но очень показательный эпизод. Однажды я приехал в Легницу не как посол, а как турист — показать сыну и внуку, что такое Советская Армия. Мы побывали на стрельбище, дети с восторгом посмотрели на танки. Так вот Виктор Петрович даже моим частным, неофициальным визитом воспользовался для того, чтобы сделать более торжественным вручение наград отличившимся солдатам и офицерам. Генерал попросил, чтобы я, Чрезвычайный и Полномочный Посол в Польше, вручил им грамоты и ценные подарки — часы.

Помню, какое ликование было в войсках, когда Виктора Петровича назначили начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. Знакомые офицеры из Легницы звонили мне в Варшаву и с нескрываемым восторгом сообщали, что «их Дубынина» назначили на такой высокий пост. Они откровенно гордились своим командующим.

Потом я слышал от военных, что Виктор Петрович работает на новом посту день и ночь. Они говорили: «Он вкалывает так, что мы просто боимся за его здоровье». Весть о кончине этого человека, по сути, малознакомого, потрясла меня. Я позвонил в

Легницу, спросил генералов, не летят ли они на похороны. Оказалось, что они уже вылетают целым самолетом. Попросил их залететь за мной в Варшаву.

Они даже не глушили моторы на военном аэродроме — я забежал в самолет, и мы полетели в Москву. Конечно, посол обязан предупреждать московское начальство обо всех своих перемещениях. Но я был так потрясен случившимся, что нарушил это незыблемое правило. Если бы я, как положено, послал телеграмму в Москву с просьбой разрешить мне прилететь на похороны, а потом дожидался бы рейсового самолета, то просто опоздал бы на кладбище. На панихиде меня увидел министр иностранных дел Андрей Козырев. Он удивился: «Ты как здесь оказался?» — «Я с военными». — «А-а-а...» Он был расстроен не меньше меня.

...Когда я впервые приехал в Легницу, Виктор Петрович подарил мне настоящую кавалерийскую шашку — с золотой рукоятью, в ножнах. Только по кинофильмам зная, что делать в таких случаях, я поцеловал ее. Теперь она висит на ковре над моей кроватью. Все говорят, что нельзя спать «под оружием», но мне почему-то хочется, чтобы она была рядом со мной, и я не могу перевесить ее в другое место.

УХОДИМ БЕЗ БОЯ, НО С ПОТЕРЯМИ

Интервью опубликовано в журнале
«Советский воин» (№10, 1992 г.)

Шесть последних из восьми лет службы генерал-полковника Виктора Петровича Дубынина прошли за границей. Заграница, однако, за границе рознь. Три года генерал отдал Афганистану. Был командующим 40-й армией в самый разгар той войны. Шестым безымянным, строго засекреченным командующим так называемого ограниченного контингента советских войск.

Сейчас генерал-полковник Дубынин — командующий Северной группой войск. На свои плечи генерал Дубынин взвалил всю тяжесть многочисленных проблем, связанных с выводом войск. Ему предстоит закрыть последнюю страницу почти полувекового советского военного присутствия в Польше.

— Товарищ командующий, раньше в Афганистане, а теперь в Польше вы оказываетесь во главе крупных группировок наших войск. Совершенно разные страны, условия. Непонятный и коварный Восток, бессмысленная война — это Афганистан. И относительно благополучная европейская жизнь, отсутствие не то что военной угрозы — даже потенциального противника. Это уже Польша... Общее, на мой взгляд, лишь одно: у местного населения присутствие наших войск оптимизма, мягко будет сказано, не вызывает. Накопившееся за долгие годы недовольство и раздражение выплескивается на солдат, офицеров, а больше всего на вас — командующего. Где было легче: тогда, в Афганистане, или теперь, в Польше?

— Разумеется, здесь. Выводить войска — все-таки не воевать. Трудности, конечно, и сейчас огромные. Но не льется кровь, не гибнут люди, не гремят выстрелы. Войну нельзя ни с чем сравнить. Разве что с самой войной.

А что касается вывода... Я этим и в Афганистане занимался. Помните, в мае 86-го Горбачев во Владивостоке объявил, что СССР выводит из Афганистана пять полков? Наверное, это был политический экспромт тогдашнего Генсека, потому что об этом, как оказалось, не знали даже в Генштабе. Не знал и я, командую-

щий 40-й армией. Сроки были сжаты до предела. За выводом, скажу без преувеличения, следил весь мир. Появился робкий лучик надежды покончить с явно затянувшейся афганской авантюрой. Нельзя было ударить в грязь лицом: полкам следовало выйти в полном составе, без потерь, чтобы опровергнуть гулявшие в западной прессе утверждения о якобы деморализованных советских воинских частях, огромных потерях и сожженной боевой технике.

План вывода удалось выполнить полностью. В пяти выводимых полках не оказалось ни одного погибшего или раненого. Сохранили все боевые машины. Но знали бы вы, чего это стоило... Война ведь не прекращалась ни на один день. Многие наши части вели отвлекающие боевые действия, вводя в заблуждение моджахедов. И несли потери, иногда совершенно не оправданные.

– *Что для вас было самым трудным в той войне?*

– Докладывать министру обороны и начальнику Генштаба о погибших. Каждый такой доклад отнимал у меня несколько месяцев жизни. Война есть война. Без жертв она не обходится. Но привыкнуть к тому, что каждый день погибают наши солдаты и офицеры, так и не смог. За что?! Во имя каких идей и целей?!

Доклад — мероприятие само по себе безрадостное. На душе кошки скребут, а в ответ неизменная реакция министра: «Почему порядок навести не можешь? Мальчишка, как ты воюешь? Почему комбата, у которого люди погибли, не привлек к суровой ответственности?! Я вот в свое время...» Получалось, будто один только командарм Дубынин и виноват в том, что идет война и гибнут люди. Но не я же ее начинал, не я принимал решение на ввод войск в чужую, непонятную страну! У правительства СССР того времени бытовала идея, что мы не воюем, а только выполняем интернациональный долг своим присутствием в ДРА. А на самом деле...

Однажды отчитывал меня новый министр Язов. Кричал так, что трубка накалилась. Чего я только не услышал о себе! И что воевать не умею, и что солдаты у меня гибнут по пьянке, а не в бою, потому что в Афганистане давно не стреляют... Я не выдержал, вспылел. Извините, говорю, товарищ министр, я здесь три года, но что-то вас не встречал. А из Москвы, может быть, в самом деле выстрелы не слышны... Ох, и досталось мне тогда!..

В этом месте нашей беседы произошла небольшая заминка. Я спросил генерала Дубынина: почему именно его назначили командующим 40-й армией, на самый горячий в то время участок? В Вооруженных силах вон сколько генералов... Виктор Петрович ответил, что выбор пал на него случайно. Судьба, мол, так распорядилась. Вызвали в Москву, предложили. Отказываться он не привык.

Ответил и замолчал. О чем он думал? Может, о превратностях судьбы военного человека. Лично к нему она вполне могла повернуться спиной.

С такой анкетой, как у Дубынина, раньше в генералы не выходили. А если и выходили, то только потому, что в идеологизированной машине подготовки военных кадров случались сбои. Впрочем, судите сами.

Родился Виктор Петрович в спецпоселке города Каменск-Уральский. Спецпоселок был одним из маленьких островков в огромном «архипелаге ГУЛАГ» и населен был сплошь «врагами народа» и их семьями. Здесь отбывал срок и отец будущего генерала. Пункт в анкете о родителях долго портил ему биографию. Постоянно чувствовал за спиной дыхание органов, которые принято считать компетентными. Несколько раз по требованию особого отдела писал объяснительные. Писал и упрямо карабкался по ступенькам военной службы, ни одну не пропуская и не перепрыгнув хотя бы через одну.

В 1984-м Дубынин окончил Академию Генерального штаба. Назначение получил в Казахстан. А через две недели неожиданно поступило новое предложение — убыть в Афганистан на должность первого заместителя командующего 40-й армией по боевым действиям. Не успел оглянуться, как командарм генерал-лейтенант Л.Генералов отправил его на первую операцию. Дубынин попытался было возразить: рано пока, в обстановку не врос, да и воевать в горах никакие академии и уставы не учат. На что командующий ему ответил: знаешь, как учат плавать?

Так-то оно так. Если бы речь шла об одном Дубынине, то данный метод можно было бы признать вполне пригодным. Но в «заплыв» он отправлялся во главе многих тысяч людей. Нетрудно представить последствия его каждого неверного шага.

Генерал Дубынин собрал командиров и офицеров штаба: так, мол, и так, знания есть, но боевого опыта пока не имею, а потому жду ваших советов и предложений. Не стеснялся спрашивать даже о мелочах. Положился на опыт подчиненных и не прогадал: боевая операция прошла успешно.

Полтора года был Дубынин заместителем командарма по боевым действиям. Лично провел 14 крупных операций. Каждая продолжительностью от 18 дней до месяца и больше. Из районов боевых действий практически не выходил. А иначе было нельзя. К тому времени 40-я армия, что называется, по уши была втянута в войну. Доводилось попадать в такие переделки, что впору теперь удивляться, как голова уцелела.

Когда назначили командармом, легче не стало. Ответственности прибавилось, возросла нервная нагрузка. А из Москвы — недовольство, постоянные упреки...

– *Наградами вас и ваших предшественников в должности командующего 40-й армией не баловали. Не осталось ли у вас обиды на такую очевидную несправедливость: воевали-то все, а лавры достались последнему?*

– Никакой обиды нет. Есть понимание ситуации, которая существовала до 1987 года. Все командующие 40-й армией были строго засекречены. Не я это придумал. Опасались террористических актов, других негативных последствий. А воевал каждый как мог.

– *Не могли бы вы назвать фамилии?*

– Пожалуйста. Генералы Тухаринов, Ткач, Ермаков, Генералов, Родионов, Дубынин и Громов. Конечно, это разные люди. Но каждый — частичка истории афганской войны.

– *Доводилось ли вам в те годы контактировать с высшим руководством страны? С Горбачевым, например.*

– Только по телефону. На меня тогдашний Генсек и будущий первый и последний Президент СССР произвел впечатление человека напористого, дотошного, но некомпетентного в военном деле. Иной раз после его советов оставалось только руками развести. Но я всегда считал, что у него в запасе есть сильные ходы. Увы, он ушел, так и не предъявив их.

– *Изменилась ли ваша оценка афганской войны сейчас?*

– И тогда, и сейчас я считал и считаю, что ввод войск был трагической ошибкой, авантюрой. Афганистан — это не та страна, которую можно легко завоевать. Бесперспективность и бессмысленность войны я почувствовал сразу же, как только прибыл в 40-ю армию. Я не молчал, поэтому и совесть моя чиста. Много раз излагал свои соображения министру обороны и начальнику Генштаба. Доводил и письменно, убеждал начать вывод войск. Если порыться в архивах, то можно найти мои доклады. Там я, кстати, излагал и конкретный план урегулирования, предлагал свои варианты вывода войск.

– *А в ответ?*

– В ответ было холодное молчание. А иногда и откровенное раздражение: не лезь, дескать, не в свое дело. Твоя задача воевать. А за что воевать, позвольте спросить? Стоять на страже южных рубежей страны, как пытались нас убедить. Если бы моя армия находилась где-то в Подмосковье, я бы нашел для солдат нужные слова. И про Отечество, и про родную землю, и про мать. А во имя чего мы воевали в Афганистане?! Чем оправдать гибель тысяч людей? А материальные потери? Знаете, в какую копеечку обходился каждый день войны нашей отнюдь не бездонной казне? Лично считал: миллионов в 10–15, а были дни, что и в 25.

– *Ваше назначение на должность командующего Северной группой войск, наверное, никак не связано с Афганистаном?*

– Я тоже не нахожу, как говорят философы, причинно-следственных связей. Единственная параллель и та с натяжкой —

опять попал в «горячую точку», только «температуру» нагнетает, слава богу, не война, а проблема вывода войск.

– *Куда, в какие регионы бывшего Союза будут выводиться войска группы?*

– Только в Россию, под чью юрисдикцию мы перешли. Украина и Беларусь, вопреки прежним договоренностям, отказались от размещения на своих территориях частей Северной группы войск.

– *Удалось ли найти понимание проблем вывода войск у тех местных властей России, где планируется разместить части и соединения СГВ?*

– В большинстве регионов России, куда будут выведены войска, нам идут навстречу. Хорошие контакты, например, сложились с руководством Тверской области. Впервые, пожалуй, мы сидели за столом переговоров как равноправные, одинаково заинтересованные партнеры.

Раньше ведь как было? Военные с местными властями не особенно считались. Размещали свои части там, где находили нужным. Отчуждали лучшие земли, возводили военные городки, обносили колючей проволокой полигоны.

Теперь все по-другому. С тверчанами мы согласовали буквально все: сколько квартир и к какому сроку нужно, в каких городах и поселках лучше всего разместить части, чтобы учитывалась и демографическая ситуация, и экологическая обстановка, и многое другое. Поскольку области придется кормить войска, то надо знать, сколько и каких видов продовольствия потребуются. А значит, нужно решение Президента России о том, чтобы снять с региона какую-то часть централизованных поставок продовольствия.

Считаю, что тверчане поступают дальновидно. Размещение войск на территории области выгодно во всех отношениях. Вступая в доленое строительство жилья, область получит часть квартир для своих нужд. Но главное — не так остро будет стоять проблема безработицы, которая неизбежно появится в ближайшие годы.

– *А вас не пугает, что строительство жилья может затянуться так лет на пять–восемь? Известно ведь, как мы строим...*

– Руководство главкомата ОВС СНГ, командование СГВ учли и этот момент. Действительно, самим тверчанам не под силу сдать за два года несколько тысяч квартир. Поэтому настояли, чтобы строительство вели инофирмы. Договоренность такая предварительно достигнута.

– *На эти цели можно пустить хотя бы часть денег, вырученных от реализации имущества группы. Это реально, товарищ командующий, или средства уйдут неизвестно куда?*

– Наша недвижимость в прежних ценах оценивалась в два миллиарда рублей. Огромная цифра! Но деньги эти существуют

пока на бумаге. Мы не всегда находим общие точки зрения в расчетах с польской стороной. Поляки настаивают, чтобы мы передали им здания, коммуникации в абсолютно исправном и пригодном для эксплуатации виде. Критерии выдвигаются заведомо неприемлемые. Если согласиться с их точкой зрения, то на капитальный ремонт придется поставить большинство жилых домов и служебных помещений.

Так что говорить о больших деньгах пока преждевременно. Поляки не торопятся их выкладывать, рассчитывают, видимо, что все имущество группы достанется им бесплатно. Они очень хотели бы повторить так называемый «нулевой вариант», который отрететирован при выводе наших войск из Венгрии и Чехословакии. Нам предлагают: давайте договоримся, что никто и ни за что не будет платить. Польская сторона снимает вопросы экологии, а Северная группа войск не будет требовать денег за жилые дома, казармы, школы, аэродромы, спортивные сооружения и другую недвижимость.

И еще одно уточняющее отступление в нашем интервью. Дубынин — человек прямой, в оценках категоричный, привык, что называется, резать правду-матку в глаза. На компромиссы не идет, позицию свою готов отстаивать до конца. Согласитесь, прекрасные качества для боевого генерала. Но в Польше ему придется быть еще и дипломатом. Значит, нужны гибкость, изворотливость, адское терпение и выдержка, чтобы добиться своего за столом переговоров. Впрочем, иногда и силовые методы помогают.

Вернулся прошлым летом Виктор Петрович из отпуска и с удивлением узнал, что поляки отказываются принимать военный городок в Свиднице. Как так?! Ведь была договоренность, подписан протокол, определены сроки! Все спорные вопросы сняли еще до его отъезда в отпуск...

Командующий созвонился с президентом Свидницы и местным воеводой. Встретиться договорились 15 августа. В назначенное время генерал Дубынин приехал в Свидницу. Вместо первых лиц воеводства, как было условлено, на встречу прибыли их помощники. Полномочий что-либо решать у них не было. К тому же один из чиновников опоздал, чем вызвал еще большее недовольство всегда пунктуального и обязательного генерала.

Слушал командующий, как представитель воеводства оправдывали волокиту с приемом военного городка, и не выдержал: «Записывайте мой ультиматум. Я — уполномоченный правительством своей державы по делам пребывания наших войск на территории Польши. Своим бездействием и нарушением прежних договоренностей вы унижаете меня лично, мою державу и ее армию. Прошу сегодня же передать вашим руководителям, что я жду их не позднее 18 августа для объяснений. Если они не при-

будут, я введу в военный городок танковый полк». Поляки опешили: «Для чего?» — «Для охраны городка, который вы не хотите принимать». Кто-то робко напомнил: в Свиднице, дескать, нет рампы для выгрузки танков. «Обойдемся и без нее, — ответил Дубынин. — Танки пройдут по улицам города ночью». После этих слов командующий оставил партнеров по переговорам и уехал, предупредив, что поставит в известность об этом инциденте Президента Польши и министра иностранных дел.

На следующий день первые лица воеводства были в приемной командующего СВ. Без проволочек подписали необходимые документы.

Неожиданно история получила продолжение. Спустя несколько дней грянули известные августовские события в Москве. Должностные лица воеводства конфликт в Свиднице (помните дату ультиматума — 18 августа?) увязали с заявлениями печально известного ГКЧП. Осторожно поинтересовались у Дубынина: так будут ли введены танки в город или нет? Командующий, остыв после раунда «силовой дипломатии», ответил, что теперь в этом нет ни малейшей нужды. Городок-то ведь продан. И добавил насчет даты: обычное совпадение...

Понимаю, что пример из разряда непоказательных. Силой и нажимом все проблемы вывода войск не решить. В цивилизованном мире имеют хождение несколько иные дипломатические средства. Но и генерала Дубынина понять можно. Когда еще с представителями нашей армии обходились столь бесцеремонно и, мягко говоря, не очень вежливо, как это не раз демонстрировали в последние годы бывшие союзники по бывшему Варшавскому Договору?

— Вы являетесь народным депутатом Республики Беларусь. Знаю, что в свое время в Верховном Совете республики ваша кандидатура рассматривалась как наиболее вероятная на пост министра обороны Беларуси. Однако министром избран другой человек. Что помешало вам занять этот пост?

— Я сам отказался. Не сразу, а после долгих размышлений и колебаний. Постарайтесь понять меня правильно. Мне очень нравится Беларусь, ее рассудительный и трудолюбивый народ. У меня в республике много друзей. В другое время я бы не сомневался. Но сейчас... Я — русский, большую часть своей жизни отдал армии. Был и остаюсь сторонником единых вооруженных сил. Растаскивание их по национальным квартирам считаю ошибкой. И потом, я представляю, сколько упреков пришлось бы мне выслушать, особенно от парламентской оппозиции. Ты, мол, не белорус, не ведаешь нашей мовы. Упрекнули бы и афганским прошлым...

— Мой следующий вопрос может показаться лишним. Знаю, что при вашей занятости свободного времени у вас

немного. И все же, если оно появляется, чем вы предпочитаете заниматься?

— Люблю читать историческую литературу. Художественную — романы, повести. Но особенно — исторические хроники, свидетельства очевидцев. В нашем прошлом много узнаваемого и поучительного. Были и смутные времена, как теперешние, но Россия выходила из них, не потеряв своей державности и силы. Уверен, что и эту смуту мы переживем.

— Возможно, мои наблюдения покажутся вам субъективными. Но мне кажется, что военные руководители вашего уровня — люди одинокие. Близких друзей у них немного. Есть, конечно, товарищи-сослуживцы, единомышленники. Но друзьями их назвать нельзя. Существует определенная дистанция, которую ни вам, ни им не преодолеть.

— Возможно, в чем-то вы правы. У меня почти нет друзей среди генералов, хотя со многими отношения прекрасные. А вот среди близких, дорогих мне людей, которых я с полным правом могу назвать друзьями, — прапорщик, капитан и майор запаса. Переписываемся, если есть возможность, встречаемся. Что ценю в друзьях? Бескорыстие и верность. Я знаю, что они не предадут меня, как и я их, в самую трудную минуту. В семье и в друзьях моя главная опора. А семья самая обыкновенная. Отец жены простой электрик. Так что к моим генеральским звездам ее родственники отношения не имеют. А жена — самое непосредственное отношение. Обеспечила надежный тыл, ждала, мужественно переносила все трудности кочевой военной жизни. Вместе с нами дочь-семиклассница. Сын Юрий уже старший лейтенант, командир танковой роты на Урале. Он совершенно раскрепощен в суждениях и независим во взглядах. Мы часто с ним спорим. И далеко не всегда мне удается взять верх. Помню, два года назад Юра сказал, что партия стремительно теряет остатки своего авторитета и доживает последние месяцы, что армии нужна департизация. Я возразил. Не так, дескать, все мрачно, как тебе, сын, кажется. Партия сможет очиститься и перестроиться. Нас рассудило время. Спор выиграл сын.

— Вскоре прекратит свое существование Северная группа войск. Каким вам, товарищ командующий, видится свое будущее?

— Я — человек государственный, а значит, самому себе принадлежу мало. Надеюсь, обновленной России мой опыт и знания наверняка пригодятся.

Беседу вел подполковник В. ЗДАНЮК

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Александр ВОРОНКОВ,
полковник

Меня представили Виктору Петровичу Дубынину как старшего адъютанта на аэродроме в Чкаловском, когда он прилетел в Москву уже в качестве начальника Генерального штаба.

Все знали о его афганском послужном списке и, готовясь к встрече нового НГШ, говорили меж собой: дураку на войне делать нечего. Он и людей положит, и сам погибнет. В бой людей за собой ведут истинные воины — таким и был Дубынин. Мы понимали, что хотя он и не Герой Советского Союза, но он — Герой. Когда же я познакомился с ним лично, то увидел, что это к тому же и удивительный человек.

Кто-то сказал: для того чтобы стать хорошим воспитателем, надо уметь произнести фразу «Иди сюда» со ста различными оттенками. Виктор Петрович обладал этим умением. Как руководитель он был исключительно демократичен. Люди шли в его кабинет без страха перед генералом, как это частенько случается в армии. Я никогда не видел, чтобы кого-то в его приемной «бил мандраж». Не было у него и привычки уходить от решения проблем, «футболить» посетителя по замам и инстанциям. Если человек приходил к Дубынину с действительно дельным предложением, он мог быть уверенным, что Виктор Петрович выслушает идею и примет решение, а не отправит «еще подумать».

У Дубынина был талант дипломата. Я неоднократно наблюдал, как он встречался с иностранными делегациями и в очень сложных ситуациях умел так провести переговоры, чтобы и овцы были целы, и волки сыты.

Несмотря на запредельный ритм, в котором работал Дубынин, нам, подчиненным, было с ним легко: он ставил задачи четко и понятно. Если же просил о чем-то трудновыполнимом, к нему всегда можно было подойти и спросить совета, сказать о своих сомнениях — без опаски показаться глупым или смешным.

Мне очень многое нравилось в нем. И то, что Виктор Петрович не просто гордился военной формой, он обожал ее. И то, как он ценил дружбу и умел дружить. Например, вспоминается, как он

тепло относился к Ивану Коротчене. Виктор Петрович подружился с ним еще в молодости, когда служил в Белоруссии, и сохранил эту дружбу на всю жизнь. Я был свидетелем того, как они часто общались, перезванивались, встречались. Было видно, что это настоящая мужская дружба.

Однажды меня просто поразила скромность Виктора Петровича. Помню, как в его приемную позвонил Иосиф Кобзон и попросил соединить его с Дубыниным. Я ответил, что не могу сделать это немедленно, поскольку в кабинете начальника Генерального штаба идет важное совещание. Тогда Иосиф Давыдович отвечает мне: «Передай Виктору Петровичу, что я только что от Лужкова — вопрос с его квартирой решен». (Лужков тогда еще не был мэром Москвы.) И тут до меня дошло! Встретив на аэродроме в Чкаловском Дубынина, мы отвезли его в Баковку, где был Дом приемов Минобороны, проще говоря, — гостиница, где он и жил. Словом, я догадался, что Дубынин, конечно же, ни к кому не обращался по поводу квартиры, продолжая жить в Баковке, а Кобзон, видимо, по собственной инициативе занялся жилищной проблемой начальника Генштаба, поскольку исключительно хорошо к нему относился.

А вот меня Виктор Петрович подробно расспросил о том, в каких я условиях живу. Условия, увы, были обычные — «офицерские». Когда же подошла, наконец, очередь на квартиру и мне предложили ее в доме за кольцевой дорогой, в Ново-Косино, Дубынин сказал:

— Бери машину, поезжай за женой. Посмотрите вдвоем, что за квартиру тебе предлагают.

Идея взять жену, помню, меня удивила:

— А при чем здесь жена? Квартиру ведь я получаю, а не она.

Он как-то по-отечески укорил меня:

— Но жить-то там вы будете вместе...

Я часто видел его в домашней обстановке, и мне очень нравилась теплая атмосфера, царившая в его семье. Его близкие никогда не пользовались тем, что их муж и отец занимает такой высокий пост. Его сын, окончив военное училище, проходил службу в обычных, не «блатных» местах. Когда семья Дубынина из Дома приемов переехала жить на дачу начальника Генштаба в Барвиху, я обратил внимание на то, что у них там не было никакой прислуги. Кстати, у них жила собачонка, которую Виктор Петрович не бросил в Польше, уезжая оттуда, а взял с собой в Союз. Когда генерал выходил из «Волги», собака летела к нему изо всех сил и потом не сходила с его рук.

Иной генерал может, поранив палец, поднять «на уши» три медсанчасти и пару госпиталей. Дубынин был другим. Со своей тяжелой болезнью он сражался, как воин, и на посту начальника Генерального штаба, как говорится, «пахал», не жалея себя,

не щадя своего здоровья. Помню, мы поднимаемся с ним в лифте, и я вижу, что ему совсем плохо — он уже не в силах скрыть боль. Уговариваю вызвать врача, он соглашается, но с оговоркой: чтобы врач у него не задерживался долго — еще очень много дел.

Виктор Петрович очень много курил и любил кофе. Мы старались беречь его, а потому установили негласное правило: если генерал утром пил кофе, то к обеду ему приносили чай. Он мирился с этим, хотя было видно, что ему не очень хочется соглашаться с нами. Времени на обед, впрочем, обычно не хватало. Бывали ситуации, когда нам надо было срочно вылетать в командировку, буфетчица совала ему в руку бутерброды на ходу, а он только отмахивался: «Да отстаньте вы от меня, срочно лететь надо». Мы часто брали обед с собой — в машину.

...Я ушел на другую должность через сорок дней после смерти Виктора Петровича. Так получилось, что у меня остались его погоны со звездами генерала армии, предназначенные не для кителя, а для рубашки. Погоны и память об этом замечательном человеке — на всю оставшуюся жизнь.

НЕЗАВИЗИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Виктор ЛИТОВКИН,
военный обозреватель, полковник

На интервью к новому начальнику Генерального штаба Вооруженных сил России Виктору Дубынину я шел, что называется, не без робости.

В то августовское лето 1992 года, работая в «Известиях» военным обозревателем, я числился на службе в армии — офицером Управления информации Генерального штаба — и фактически непосредственно подчинялся Дубынину. Но встречаться с ним один на один мне пока не доводилось. И я не знал, как он отнесется к моим «острым», как того требовали в газете, вопросам.

— Твоя задача, — говорили мне в редакции, — не блюсти честь мундира, а задавать вопросы, которые интересуют наших читателей. Важно, чтобы ответы были информационно-насыщенными, без общих слов и никому не нужных философских рассуждений. Иначе — в корзину!

Объяснить эту позицию некоторым генералам было мучительно трудно. Практически невозможно. Многие обижались, считали, что журналист специально задает неудобные вопросы, чтобы «подорвать авторитет армии»...

— Мы тебя зачем в газету послали? — топали на меня ногами в Главпуре. — Чтобы ты проводил в жизнь политику нашей партии и руководства Министерства обороны. А ты что печатаешь?!

Я опасался, что и новый начальник Генерального штаба, которого я попросил об интервью по телефону, тоже ограничится округлыми фразами, напечатать беседу с ним я не сумею, и тогда получится конфуз, в котором виноват, естественно, буду я — «крайний»... Трубку «кремлевки» поднял сам Дубынин, а не дежурный по приемной. Что было по-своему показательно. На просьбу дать интервью он тут же ответил согласием, причем не сам назначил время, а спросил, когда мне удобно к нему прийти. Для столь занятого человека, как НГШ, это был своеобразный показатель вежливости по отношению к журналисту, знак уважения к газете. Я сказал, что мне удобно в любое время, но лучше вече-

ром. Он предложил вечер того же дня, поинтересовался, о чем будем говорить.

Мне показалось, что самая актуальная тема для разговора — участие российских войск в миротворческих операциях. Я не раз бывал в «горячих точках», только вернулся из Абхазии, где уже месяц шла кровопролитная война между абхазскими ополченцами и частями так называемой армии Госсовета Грузии, которую возглавляли недавние криминальные авторитеты. Там барьером между сражающимися встали наши десантники, которые несли потери, и хотелось узнать: как дальше будут действовать наши войска? На чьей стороне они окажутся? Сколько это будет стоить новой России?

Дубынин с темой разговора согласился и предупредил, что пропуск мне будет заказан. Тут я, что называется, «прокололся».

— Мне не нужен пропуск, — сообщил я генералу. — Я офицер Управления информации.

Дубынин на это никак не отреагировал, а я себя отругал. «Ну, — думал, — нет ума, — считай, калека. Зачем признался, что служишь в армии? Теперь начальник Генерального штаба встретит тебя упреком: почему обращаешься через головы своих армейских командиров?! Жди неприятностей...»

Но Виктор Петрович ни словом не обмолвился по этому поводу. Встретил не за столом, как это обычно делали начальники его уровня, а в дверях своего кабинета, с левой стороны которого в углу висел огромный, метра полтора в диаметре, глобус, а справа стоял своеобразный стол-бюро с картами театров военных действий. На полках лежали и стояли тома военной литературы, в том числе тринадцать книг первой русской военной энциклопедии, выпущенной еще до революции, Атлас морей и океанов, Офицерский атлас, еще какие-то книги. Висел портрет Александра Суворова. И больше — никого другого. Что тоже бросилось в глаза.

Я спросил: каким временем располагаю? Он ответил: пока не закончатся вопросы. Я включил диктофон.

Что сразу же удивило — начальник Генерального штаба не стал ссылаться на секретность цифр и закрытость некоторой информации, как это часто бывает в его ведомстве, а сразу открыто признался, что миротворческие силы России только создаются. В советские времена в них не было надобности, настоящего опыта их применения у нас, по сути дела, нет.

По соглашению между главами государств СНГ, сообщил Дубынин, на Тоцком полигоне готовится к выполнению миротворческих функций целая мотострелковая дивизия. В ее составе три полка новой организационно-штатной структуры. Они вооружены только легким стрелковым оружием, размещаются на броне-

транспортерах и автомобилях. Артиллерии, танков, средств противоздушной обороны у них не будет. Основу миротворческих сил составят мелкие подразделения, способные самостоятельно выполнять задачи по разъединению враждующих сторон, контролировать ситуацию в своем районе и, если придется, подавлять огнем небольшие огневые точки. Такие подразделения будут комплектоваться системами связи, средствами разведки, инженерного обеспечения боя и разминирования.

Конечно, я тогда не знал, что всю эту абсолютно новую для нашей армии программу создания миротворческих сил и принципы их построения разработал лично генерал-полковник Виктор Петрович Дубынин.

— А зачем это нам надо? — спросил я его. — Зачем жертвовать жизнью наших солдат, если между собой не могут договориться националистические силы с одной и с другой стороны? Их лидеры дерутся за власть на территории, а гибнут ни в чем не повинные воины России.

Виктор Петрович посмотрел на меня с удивлением.

— Миротворческая деятельность, конечно же, не приносит Российской армии ни финансовых, ни экономических дивидендов. Но наша страна как постоянный член Совета Безопасности ООН не может оставаться в стороне от проблем мира и безопасности. Тем более — на территории бывшего Советского Союза. Ибо нет таких денег, которые были бы дороже спокойствия людей, — ответил он.

— А ведь и в Южной Осетии, и в Приднестровье, и в Абхазии — всюду наши люди, пусть даже они отделены теперь от России государственными границами. Мы не можем равнодушно относиться к их жизням и судьбам, тем более, когда нас об этом официально просят лидеры бывших советских республик. Мы действуем на основе международного права и заключенных руководителями стран СНГ соглашений.

— Конечно, — сказал мне Дубынин, — в миротворческих силах должны принимать участие все страны СНГ, но пока, несмотря на достигнутые договоренности, ни одна из них не выделила для этого ни одного взвода. А миротворцы тогда станут действовать эффективно, когда сразу же за первым этапом их применения — приостановкой конфликта и разведением враждующих сторон — последует политическое урегулирование. Будет определен статус проблемной территории, на ней будет установлена законная власть, избранная демократическим путем, начнутся экономические преобразования и создадутся условия для спокойной жизни.

— Затяжка с политическими решениями проблем, — говорил Виктор Дубынин, — может привести только к обострению ситуации, и тогда миротворческие силы окажутся под перекрестным

огнем справа и слева, их роль сведена к нулю, а идея применения — дискредитирована.

...Судя по тому, как сегодня развивается ситуация в Кодорском ущелье, по берегам Ингури и в Гальском районе Абхазии, этот дубынинский прогноз оказался очень точным. За те десять лет, которые прошли после начала миротворческих операций наших Вооруженных сил, нигде — ни в Южной Осетии, ни в Приднестровье, ни в Абхазии, ни даже в Косово, где до сих пор остаются наши миротворцы-солдаты и офицеры, — урегулирование, о котором говорил генерал Дубынин, так и не достигнуто. А наши миротворцы по-прежнему несут потери.

Начальник Генерального штаба сказал мне тогда, в конце августа 1992 года, что он очень озабочен тем, что расходы на проведение миротворческих операций ложатся только на плечи Российской Федерации и ее Министерства обороны.

— А почему, — спросил я его, — в миротворческих операциях на территории бывших советских республик не принимают участия, к примеру, болгары, финны, те же поляки? Многие из них, особенно офицеры, говорят по-русски, могли бы наравне с нами стоять на страже мирной жизни. Или нам это невыгодно из политических соображений? Мол, сами не можем справиться?

— Мы ничего против этого не имеем, — ответил Виктор Петрович. — Пусть приезжают и поляки, и финны... Кто угодно, если это принесет пользу. Но проблема в том, что за их услуги государство, пригласившее миротворцев, должно расплачиваться валютой, а ее нет ни у Грузии, ни у Молдовы. Едва хватает на военных наблюдателей ООН. А России можно по-соседски не платить ни гроша, и мы это почему-то терпим. Но этот вопрос — уже не к начальнику Генерального штаба.

Вопросы для интервью были исчерпаны. Я спросил у Дубынина: когда я могу принести ему текст на согласование? Он ответил, что этого делать не надо. Во-первых, он улетает в командировку, а во-вторых, доверяет моему профессионализму. Так что тут нет никаких проблем.

Материал был опубликован на следующий день, занимал треть полосы и был отмечен на «летучке» как лучший в номере. Виктор Петрович Дубынин позвонил мне в редакцию сразу же после выхода газеты.

— Спасибо вам, — сказал он. — Я не сомневался в том, что наш разговор будет передан читателям так точно и доходчиво, как это сделали вы. Еще раз спасибо.

Встретиться больше не удалось...

В ТО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ...

Андрей КОКОШИН,
заместитель председателя Государственной Думы РФ

К моему величайшему сожалению, мне довелось работать с Виктором Петровичем недолго — ровно столько, сколько он пребывал на посту начальника Генерального штаба Вооруженных сил России — первого заместителя министра обороны РФ. Но он оставил после себя добрую память не только как настоящий верный товарищ, но и как человек, которому за эти несколько месяцев удалось сделать очень многое для нашей Родины, для наших Вооруженных сил.

Традиционно в Минобороны нашей страны отношения между первыми заместителями министра обороны и начальником Генерального штаба складывались непросто, а часто и остро конфликтно, что, конечно, сильно вредило делу. Я к тому же был первым за долгие десятилетия гражданским человеком в руководстве Минобороны, что далеко не приветствовалось значительной частью генералитета, особенно поначалу.

Но все эти обстоятельства не помешали нам быстро найти общий язык с Виктором Петровичем — буквально через несколько дней после его появления в кабинете начальника Генерального штаба на том же пятом этаже нового здания Минобороны, где были расположены кабинеты министра обороны и мой. Мы с ним по несколько раз в день стали ходить друг к другу, решая текущие вопросы и обсуждая долговременные проблемы. Кстати, эта традиция продолжилась с преемником Дубынина Михаилом Петровичем Колесниковым, а потом — и с Анатолием Васильевичем Квашниным, занявшим пост НГШ в 1997 году.

Но наш первый откровенный «стратегический» разговор с Виктором Петровичем состоялся в резиденции НГШ в Баковке, на так называемой «даче Буденного».

На руководство нового Минобороны России в 1992 году свалилась лавина дел, связанных с последствиями распада СССР и совершенно новой политической и экономической ситуацией в стране. Это беспрецедентное по масштабам мирного времени перемещение личного состава, вооружений, военной техники и

имущества, семей военнослужащих и гражданского персонала — в основном в порядке вывода войск из «дальнего» и «ближнего» зарубежья, это резкое сокращение ассигнований на нужды обороны, это ликвидация существовавшей десятилетиями системы управления оборонной промышленностью.

Кроме того, нам пришлось еще организовывать и проводить миротворческие операции на постсоветском пространстве, среди которых можно отметить, как одну из наиболее удачных, операцию в Южной Осетии. Она проходила под непосредственным руководством генерал-полковника Г.Г. Кондратьева, но к ней на разных этапах «приложили руку» и В.П. Дубынин, и автор этих строк.

Но, конечно, мы тогда занимались не только такими, наиболее жгучими делами — нет, были еще сотни, если не тысячи каждодневных рутинных забот, которые порождали и порождают лавину бумаг и отвлекают много сил и времени.

В 1992 году решался вопрос о том, быть или не быть целому ряду систем вооружений, которые находились в разных стадиях «законности». Некоторые из них уже тогда оказались на грани умирания. Одной из таких систем была перспективная межконтинентальная баллистическая ракета, которую, по моему предложению, стали именовать «Тополь-М». В тот момент доминирующие в правительстве и в окружении Президента России настроения были отнюдь не в пользу развития нашей ракетно-ядерной мощи, да и военной мощи в целом. Но мы с Виктором Петровичем проявили полное единодушие в этом вопросе и отстаивали свою позицию — как применительно к наземному компоненту стратегических ядерных сил (СЯС), так и к двум другим — морскому (МСЯС) и авиационному (АСЯС), стараясь не забывать и о силах общего назначения.

Совместная работа подчинявшейся непосредственно мне службы начальника вооружений во главе с замечательным специалистом, истинным патриотом своей Родины и своего дела генерал-полковником Вячеславом Петровичем Мироновым, Комитета по военно-технической политике Минобороны и Главного оперативного управления Генштаба, подчинявшегося непосредственно Виктору Петровичу, позволила подготовить солидное, «неотбойное» обоснование для реализации в новых условиях программы создания новой межконтинентальной баллистической ракеты с характеристиками, превосходящими любую другую имеющуюся и перспективную систему за рубежом. Естественно, большую роль в том, чтобы эта программа восстановилась и реализовалась, сыграл Главкомат Ракетных войск стратегического назначения, который в 1992 году возглавил генерал-полковник Игорь Дмитриевич Сергеев (в 1997-м он стал министром обороны РФ).

Виктор Петрович Дубынин, придя «на Генштаб» с должности общевойскового командующего и не занимаясь до этого вопросами стратегического ядерного сдерживания, тем не менее, сумел быстро разобраться в этих проблемах. Он хорошо понимал значение стратегического «ядерного щита» для всей системы безопасности страны, сознавал необходимость формулирования ядерной политики России в новых условиях. Немало «тонких» вопросов этой политики, в том числе роли тактического и оперативно-тактического ядерного оружия, систем боевого управления СЯС, системы предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, обсудили мы с Виктором Петровичем. Удалось нам вместе посоветоваться и с маршалом Советского Союза Николаем Васильевичем Огарковым, которого мы оба очень высоко ценили как одного из наиболее мудрых и порядочных военачальников.

Виктор Петрович, в частности, сразу должным образом оценил значение качественно новой способности МБР «Тополь-М» к прорыву даже «плотной» противоракетной обороны, что делает эту систему особенно ценной в современных условиях, когда нам предстоит жить без ограничений, налагавшихся ранее советско-американским Договором по ПРО 1972 года. Тогда же в ТТЗ по этой новой системе нами была окончательно заложена «резервная» способность этой ракеты нести не один боезаряд, а несколько. В то время это не разрешалось имевшимися ограничениями по договорным обязательствам с США. Но в современных условиях в соответствии с Договором об ограничении стратегических наступательных потенциалов, подписанным в Москве 24 мая 2002 года президентами России и США, мы имеем право оснащать в том числе и эту МБР любым количеством боеголовок, чем, надеюсь, мы и не преминем воспользоваться.

В отличие от многих других «сухопутных военачальников», Дубынин хорошо понимал и значение Военно-Морского флота для обороны страны. В условиях жесточайших бюджетно-финансовых ограничений, когда в Правительстве и парламенте приходилось биться за каждый рубль ассигнований, нашему флоту грозила участь оказаться в пасынках. Выручила поддержка «сухопутного» начальника Генерального штаба. Так что и моряки должны быть признательны Дубынину. Он выступил за реализацию важнейших программ вооружений для ВМФ России, а также за разработку концепции «Северного стратегического бастиона», которая позволяла более четко определить роль ВМФ в системе обороны страны в новых условиях. В результате флот в 90-е годы получил в свой боевой состав тяжелый атомный ракетный крейсер «Петр Великий», большой противолодочный корабль «Адмирал Виноградов», новейшие эсминцы со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами «Москит», серию атом-

ных многоцелевых подводных лодок с предельно низким уровнем шумности, включая АПЛ «Гепард», спущенную на воду в 2002 году. Единственный наш авианосец «Адмирал Кузнецов» получил палубную авиацию.

Виктор Петрович Дубынин как военный профессионал высочайшего класса хорошо понимал значение развития средств боевого управления, связи, разведки и в целом информационного обеспечения принятия решений на всех уровнях — от тактического до стратегического. Он не раз с болью и горечью рассказывал о том, какой кровью приходилось платить в Афганистане за слабые звенья в управлении, за отказы в системе связи, за некачественные разведданные. Поэтому он полностью поддержал эти направления как особо приоритетные для военно-технической политики Минобороны на первом заседании Коллегии Министерства (если не ошибаюсь, в августе 1992 года). К сожалению, далеко не все из того, что тогда задумывалось и планировалось, удалось реализовать...

Виктор Петрович казался человеком немногословным, но отнюдь не сухим или замкнутым. Разговорить его было непросто, но, когда это удавалось, от него можно было услышать ценнейшие размышления, результаты глубоких наблюдений о жизни Вооруженных сил, о сущности воинской службы. Немало он мне поведал в разговорах «по душам» о реальной боевой жизни 40-й армии в Афганистане в бытность его ее командующим, о том, как приходилось решать боевые задачи, стремясь свести к минимуму и наши потери, и потери для мирного населения.

Помню, как он, мягко говоря, сдержанно относился к традиционным в России застольям, особенно к многочисленным (и не всегда искренним) тостам «с трехкратным ура», с восхвалением начальства.

Работал он на износ до последнего момента. Я навестил его в госпитале буквально за несколько дней до смерти. Виктор Петрович интересовался у меня тем, как проходили через Правительство вопросы обеспечения Вооруженных сил. Он до последнего момента своей жизни оставался на своем боевом посту, служа примером беззаветной преданности Родине, солдатскому долгу, долгу военного руководителя высшего стратегического уровня.

ПОРТРЕТ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Александр БОНДАРЕНКО,
журналист

Одной из самых любимых песен Виктора Петровича Дубынина была «Молодость моя — Белоруссия». Действительно, в этой союзной республике прошли его молодые годы. Здесь, под Борисовом, в поселковом автобусе он впервые увидел свою будущую супругу. Он в ту пору был лейтенантом, она — старшеклассницей. Приятель Дубынина, сослуживец, решил подкузьмить своего соседа и громко, почти на весь пригородный автобус, сказал: «Глянь, Петрович, вон невеста твоя в салон входит, смотри не упусти!» Эта реплика вогнала в краску школьницу и заставила молодого офицера растеряться и расплыться в невольной извинительной улыбке. Он почувствовал неловкость своего положения, но не смог прийти в себя и отшутиться, а лишь смущенно посмотрел на юную красавицу своими добрыми иссиня-голубыми глазами.

Девушке стало немного жаль старлея, сгоравшего от смущения, и она одарила его ободряющим приветливым взглядом. Мол, не переживайте, все в порядке, это всего лишь автобусная шутка, через две-три остановки мы благополучно расстанемся...

Однако шутливое предсказанье приятеля-сослуживца оказалось пророческим. Через несколько месяцев та самая десятиклассница Люда и смущенный офицер Виктор встретились на свадьбе их общих друзей. И она очень скоро разглядела в подтянутом, стройном, пригожем лейтенанте доброту, порядочность, трогательную незащищенность, открытость и даже ранимость. Знакомство переросло в привязанность, а затем и в любовь.

Людмила на всю жизнь запомнила первый букет, подаренный ей будущим мужем. Это были ландыши, которые он сам собрал в лесу для нее. Когда сегодня Людмила Васильевна вспоминает об этом, то не может удержаться от невольных ассоциаций, от символики судеб. Общеизвестно, что ландыш — цветок нежный, ранимый, который растет только в чистых местах. Такой же чистой душой обладал ее муж — мягкий, интеллигентный, добрый, отзывчивый человек. До сих пор для Людмилы Васильевны остается загадкой, как с таким характером ее Виктор мог успешно командовать взводом, ротой, дивизией, армией... Но, с другой сто-

роны, она с первых же дней знакомства с Дубыниным почувствовала, что воинская служба для него всегда будет главным смыслом в жизни, его призванием, а семья отойдет на второй план. По крайней мере, до тех пор, пока Виктора не уволят в запас.

Все姆 родным и близким Людмилы жених приглянулся сразу же. И родственники, и друзья, и подруги были очарованы его мягким обаянием, его истинно армейской аккуратностью, простотой и сердечностью. Все, не сговариваясь, тут же приняли его за своего и одобряли выбор Людмилы. А она, не раздумывая, в девятнадцать неполных лет вышла замуж за синеокого старлея.

Поселок, откуда была родом Людмила, стоял, как говорится, впритык к военному городку и, можно сказать, жил с ним одной жизнью. А как иначе, если, к примеру, средняя школа находилась в военном городке и учились в ней не только дети военнослужащих, но и юные сельчане. Люда тоже была выпускницей этой школы. Взять в мужа старшего лейтенанта из военного городка в поселок считалось, в общем-то, обычным делом. Особого престижа и выгоды в этом не усматривалось: местные сельчане не по книжкам знали о суровой, кочевой судьбе офицерских семей. И все-таки Людмиле многие завидовали белой завистью. Такие обаятельные офицеры, как Виктор, даже в военном городке — штучный, дефицитный «товар». Таков был единогласный отзыв о женихе опытных поселковых «оценщиков».

Впрочем, и невеста, по мнению родственников жениха — семьи старшего брата, приехавшего на свадьбу Виктора с женой и детьми, тоже была, как говорится, на уровне. Вполне достойна молодцеватого офицера — любимца и надежды всей его семьи, жившей в далекой от Белоруссии Курганской области. Родители Виктора, Ирина Ивановна и Петр Сергеевич, благословили сына заочно — возраст и здоровье помешали им приехать на его свадьбу.

Вскоре у молодоженов родился первенец. Виктор был на седьмом небе от радости. Помимо соков и фруктов, он купил для ошастливившей его жены букет шикарных роз. Однако Людмила эти цветы так и не увидела. Бдительная педантичная медсестра «арестовала» запрещенную передачу. Оказалось, что цветы входили в «черный», запретный список. Видимо, врачи подстраховывались на случай аллергии у рожениц. Впрочем, этому инциденту и Виктор, и Людмила не придали особого значения. Все мысли молодых родителей были о сыне, которого по желанию матери и при полном согласии отца нарекли Юрием.

С его рождением хлопот в семье Дубыниных намного прибавилось. Виктор в меру сил старался помогать жене в домашних заботах, хотя времени на это у командира учебного танкового взвода оставалось немного. Стрельбы, учения, дежурства в полку, марши, маневры... Дубынин уходил на службу засветло, а возвращался затемно. Он был предан своей профессии, своему призванию.

Конечно, уставал, отдавая службе все силы. Людмила видела, чувствовала это — и жалела мужа: она сознательно оградила его от домашних хлопот. Настолько, насколько это было возможно. Однако в редкие часы досуга Виктор любил поиграть с сыном, поговорить с ним, покачать его на руках, искупать его в корытце... В общем, все было так, как обычно бывает в офицерских семьях.

Разумеется, иногда случались и размолвки, и даже ссоры, но все они носили мимолетный характер. Виктор был на редкость мягким, уживчивым человеком. С ним легко было ладить. Дубынин был немногословен. Говорил бархатистым баритоном и чуть-чуть приятно шепелявил. Редко когда повышал голос. Умел выслушать и понять собеседника. А кроме того, был исключительно аккуратным. Всегда гладко выбрит, отутюжен, обут в армейские ботинки (или сапоги), начищенные до блеска, по-спортивному коротко подстрижен и по-военному подтянут. Все в Людмилиной родне не просто любили Виктора — его обожали. Для всех он был дорогим и желанным гостем, близким и уважаемым человеком.

Как-то раз в местный военторг завезли шикарные по тем временам шубы. Людмила не смогла удержаться от соблазна и загорелась желанием приобрести шубейку. Посоветовалась с мужем. А как иначе: лишних денег в семье не было, а покупка дорогая. Виктор с пониманием отнесся к желанию супруги. Да только их семейная казна не могла сразу осилить такое приобретение. Как ни кроили молодые семейный бюджет, а без займа никак было не обойтись. Пошла тогда Людмила к своей родне — деду и бабке — в долг просить сто рублей. Знала, что отложили старики на «черный» день. Однако, как говорится, получила от ворот поворот. Отказали старики наотрез: мол, вы вдвоем работаете, а мы лишь на пенсию живем. Дескать, выкручивайтесь сами, как хотите. Людмила пришла домой, расстроилась, рассказала мужу об отказе. Тот успокоил супругу и решил сам навеститься к Людмилиным старикам, чтобы занять у них денег. Только пришел к ним домой, а его дед с бабкой с порога улыбками встречают: знаем, мол, зятек дорогой, зачем пришел, дескать, выручим — одолжим сто рублей. Не жалко. Более того, уговорили Виктора не напрягаться: не возвращать им долг сразу, а отдавать по частям. Вот так и справили обнову Людмиле, можно сказать, за счет личного обаяния мужа.

Вскоре старший лейтенант стал капитаном. Как выяснится позже, это было единственное воинское звание, которое присвоили Дубынину в срок, все остальные чины вплоть до генерала армии он получал досрочно.

С одной стороны, служить под Борисовом в учебном полку было неплохо, даже престижно: налаженный быт, родственники под боком, до Минска рукой подать. Но, с другой стороны, если иметь в виду продвижение молодого офицера по службе, то учебный полк не лучшее место для карьеры. Поэтому отношение в се-

мье Дубыниных к новому назначению Виктора в Уречье, затеявшееся в белорусском Полесье, было неоднозначным. Виктор не скрывал своей радости, а Людмиле было немного грустно и даже тревожно уезжать в полесскую глушь из родимых мест, от налаженного быта и опеки родных. Однако никаких дискуссий в семье на эту тему не происходило. Погрузили вещи в грузовик и отправились вслед за мужем в Уречье, где вместо обжитого военного городка под Борисовом сиротливо стояли, словно заблудившиеся в глуши, три кирпичных дома. В одном из них был продмаг, в другом — проммаг, а в третьем — общежитие.

Но при всем при этом местные уречинские танковые полки (а их было два) гремели на весь Союз и среди танкистов славились не меньше, чем знаменитые «таманцы» или «кантемировцы». Новые друзья, знакомые, новая работа: Людмила устроилась библиотекарем в военной части. Очередные повышения по службе у Виктора, которые сопровождали его еще большей занятостью в полку. Армейские будни офицера: стрельбы, полигон, маневры, учения, шефская помощь селу, дежурства по части, командировки... Чем выше воинская должность, тем меньше времени остается у офицера для семьи, для отдыха, для домашних забот.

Виктор Петрович старался уделять воспитанию сына как можно больше внимания: привозил его с собой в полк на занятия, показывал танки, орудия, автоматы, знакомил с армейским бытом. Как-никак мужчина растет, воин, защитник Отечества... Стоит ли удивляться, что в семь лет Юра уже мог без труда управлять автомобилем — армейским «газиком», а в 10 лет не хуже некоторых солдатсрочников из отцовского полка разбирался в ходовой части танка.

А еще все соседские ребята завидовали Юре: ему принадлежали самые интересные и зачастую самые дорогие игрушки в округе. Их покупал ему папа Витя. Степенный офицер из всех магазинов, в которые заходил, проводил больше всего времени в «Детском мире». Он как бы на время становился сам ребенком и с азартом возился на прилавке с той или другой игрушкой. Тщательно выбирал очередной подарок сыну, не жалея для этого денег. У самого Виктора Петровича детство сложилось трудно. Родители жили бедно, семья прошла через сталинские репрессии... Короче, не до игрушек было. Вот и хотелось, чтобы у сына по-другому детство прошло...

Однажды, будучи в Москве, Виктор Петрович истратил в «Детском мире» уйму времени, играя с «Луноходом», модной и ужасно дорогой по тем временам игрушкой. В конце концов он не выдержал и попросил продавщицу выписать счет на «Луноход». Людмила Васильевна пыталась остановить мужа: «Виктор, одумайся, этот «Луноход» сожрет наши последние деньги. На что жить-то будем?!»

Супруг загадочно улыбнулся, театрально завел глаза: «Ну, что-нибудь придумаем...» А затем решительно направился в кассу.

Нечасто Юре удавалось с отцом погонять мяч, хотя все знали в семье, что Виктор Петрович в юности был неплохим спортсменом: футболистом и волейболистом. Реванш за редкие спортивные игры с сыном на воздухе он иногда брал дома. Тут они азартно резались в настольный футбол или хоккей, а позже увлеченно играли в шашки и шахматы. Причем глава семейства настолько отдавался игре, что, когда терпел поражение от сына, нервничал, расстраивался и рвался в бой, чтобы отыграться.

Очень редко Виктору Петровичу выпадала возможность поболеть с сыном на стадионе за свой любимый спортивный армейский клуб. Но уж если приходил он на спортивную трибуну, то болел неистово, страстно, темпераментно. Хватался за голову, вставал и вскидывал руки, свистел, кричал, хлопал в ладоши и радостно скандировал вместе со всем стадионом «Мо-лод-цы!» Как правило, домой отец и сын возвращались с футбола возбужденные, восторженные, охрипшие. Однако с каждым годом времени на семейный досуг у Виктора Петровича оставалось все меньше и меньше...

Суровые армейские будни сменялись праздниками. Их отмечали в Уречье дружно — либо в офицерском клубе, либо у кого-нибудь на квартире, закупаая угощение к столу в складчину. Особенно весело проходили новогодние праздники. У Виктора Петровича был сольный номер. В один из новогодних вечеров он наряжался под цыганку. Людмила на скорую руку шила ему из штор специальную юбку, шторные кольца привязывали к ушам, яркая блузка, несметное количество бус, черные космы парика, одолженного у знакомой для этого случая, и колоритная маска на лице. Вот в таком маскарадном, озорном виде Дубынин гадал сослуживцам по руке, весело и безобидно шутил, пел и обязательно плясал зажигательную «Цыганочку». Причем в гадалку он превращался почти каждый Новый год, но никогда не повторялся, всякий раз исполняя свою любимую маскарадную роль с выдумкой, с искрящимся юмором, свежо и своеобразно.

Несомненно, отпуск для офицера и его семьи — дело святое, долгожданное и примечательное. Однако до тех пор, пока Виктор не дослужился до полковника, отпуска семьи Дубыниных проходили однообразно. Каждый раз Виктор с женой и сыном уезжали к родителям в село. А там дел всегда хватало: то сено надо накосить, то забор обновить, то крышу починить, то баньку построить, то водопровод подвести. Виктор был любящим и заботливым сыном, к тому же мастером на все руки. Работы он не боялся. Людмила тоже в меру сил помогала ему. Отец, больной астмой, радовался каждому приезду сына и снохи, гордился быстрым продвижением сына по службе и все-таки не верил в удачную офицерскую карьеру Виктора. Время от времени Петр Сергеевич виновато предрекал сыну:

— Меченные мы, Витя, сталинским клеймом. Так что, прости, сынок, не верю, что тебе майора-то дадут.

А Виктор Петрович всегда с улыбкой отвечал отцу:

– Успокойся, батя, я не только майором — полковником стану. Вот увидишь.

Виктор для своих родителей был светом в окошке — надеждой и гордостью большой семьи, рассеянной по стране и настрадавшейся от сталинского режима. Каждый приезд Виктора к отцу, матери и брату-инвалиду, жившему с ними, был глотком свежего воздуха, струей оптимизма в их трудной, стоической жизни.

Только в 1980 году офицерская чета Дубыниных впервые получила возможность отдохнуть на юге.

К тому времени Ирина Ивановна, овдовев и похоронив сына-инвалида, влилась в дружную семью Виктора. Она прекрасно ладила со снохой Людмилой и внуком Юрой, а недавно появившуюся на свет внучку Танечку просто обожала. Таня была на 10 лет моложе своего брата. Она сразу же стала центром внимания семьи, оттеснив Юру на задний план. Чтобы загладить свою невольную «вину» перед сыном, Виктор Петрович и Людмила Васильевна взяли его с собой в Ялту. А Танечку оставили дома на попечение бабушек.

Виктор Петрович на тот момент уже сдержал обещание, данное отцу: он стал командиром дивизии и с гордостью носил полковничьи погоны.

И тот первый отдых на юге, и все последующие южные поездки семьи Дубыниных во многом проходили по одинаковому сценарию. Наверное, потому, что основным автором его был Виктор Петрович. А он не любил однообразия и даже у моря никогда не отдыхал больше двух недель. Но за эти четырнадцать дней чета Дубыниных столько времени проводила на различных экскурсиях, сколько иные отдыхающие семьи за целое десятилетие не проводили. Вечерами Виктор Петрович с женой ходили на концерты и в театры. А утром и днем часами купались в море, ловили крабов, собирали со дна ракушки, плавали на лодке и на морском велосипеде... На топчанах подолгу не валялся. Он никогда, даже на югах, не был лежебокой, предпочитал активный отдых. Жена и дети старались не отставать от главы семейства и становились в эти две недели путешественниками, экскурсантами, атралами и заядлыми купальщиками.

Нравилось Виктору Петровичу бывать на приморских рынках, он любил и умел торговаться: делал это тонко, изящно и непременно с юмором. Ни одна торговка не могла устоять перед ним и, как правило, сбавляла цену. Обычно в овощных, фруктовых, ягодных, бахчевых рядах глава семейства долго не стоял — покупки делал быстро и с выгодой. Но постоянно задерживался у прилавков, где торговали домашней аджикой, соусами, черемшой, маринованным чесноком, прочими диковинными разносолами, приправами и пряностями. Он, словно гурман, не спеша пробовал каждый гастрономический продукт и обменивался с продавцами и стоявши-

ми рядом покупателями, считавшими его знатоком, впечатлениями от дегустаций. Людмила Васильевна с улыбкой наблюдала за мужем в эти моменты. Она-то как никто другой знала, что на самом-то деле Виктор Петрович отнюдь не чревоугодник. Даже любимые свои домашние пельмени, приготовленные специально для него, он обычно ел с аппетитом, но без особого смака. Дубынин вообще никогда не делал культа из еды и в этом смысле был человеком непритязательным, непритязательным. Видимо, ему нравился сам процесс отбора, снятия проб, публичного обсуждения вкусовых особенностей диковинного товара и шутливая роль тертого кулинарного знатока, которую он исполнял озорно и азартно.

Больше всех в семье отцовского отпуска ждала маленькая Танечка. В будни отца она видела урывками: уходил он на службу, когда она еще спала, а возвращался домой поздно вечером. Таня изо всех сил старалась дожидаться прихода папы и, заслышав его шаги, со всех ног неслась навстречу ему в прихожую. Виктор Петрович, не раздеваясь и даже не снимая фуражку, несколько раз подбрасывал к потолку визжащую от восторга дочурку, потом осторожно ставил ее на пол и величественно награждал конфетой за упорство и терпеливое ожидание.

Правда, и будни зачастую так складывались, что отца неделями не было дома: командировки, учения, сессии в военных академиях... Не по сладостям тосковала Таня, а по сильным отцовским рукам и по усталым, но добрым и заботливым небесно-голубым глазам, в которых светились негаснущими огоньками нежность и любовь.

Еще в раннем детстве Таня поняла: маму трудно разжалобить, с ней ни покуситься нельзя, ни покапризничать, ни поупрямиться до слез. Людмила Васильевна никогда не покупалась на ее уловки. Другое дело — Виктор Петрович, его легко было разжалобить, он не мог устоять перед дамскими слезами, а перед детскими — тем паче.

Эту особенность отцовского характера Таня своей не по возрасту тонкой интуицией уловила еще в раннем детстве. Поэтому время от времени она пользовалась слабостью отца в своих личных, «корыстных» целях. Например, как-то поздно вечером дочка надумала купаться и устроила, как говорится, сцену, точнее разыграла целую театральную пьесу для одного актера на тему «Хочу купаться, а мне не дают». Людмила Васильевна, уже вдоволь насмотревшись таких представлений, на эту детскую уловку не поддавалась, а Виктор Петрович, как и рассчитывала Танечка, попался. Он поднялся на защиту законных прав ребенка. Материнские пояснения, что девочку недавно мыли и это — всего лишь ее очередной каприз, на главу семейства не подействовали. Тогда Людмила Васильевна сказала супругу, как отрезала: «Считаешь, что я не права, — купай ее сам!» Ответ отца не заставил себя ждать. Несмотря на усталость и поздний час, Виктор Петрович занялся с ребенком, как говорится, водными процедурами. На следующее утро Таня проснулась споза-

ранку и сразу поняла, что родители дуются друг на друга. Ей стало ужасно стыдно, и настроение у нее испортилось на целый день. Оно поднялось только вечером, когда мама и папа помирились.

Конец подобным детским капризам положила история с карнавальным платьем, которая произошла в Ташкенте. Из Афганистана Виктор Петрович всего на сутки тогда прилетел по делам в столицу Узбекистана. Поздним вечером заехал проведать родных и переночевать в семейном кругу. И в этот момент дочь в слезах обратилась к отцу за поддержкой. Завтра в школе утренник, на который Таня хотела пойти, нарядившись Мальвиной. Но мама не пускает ее в школу в таком наряде из-за плохой погоды, которую обещали в сводках по радио и телевидению. В очередной раз папа принял сторону дочери и допоздна собственноручно наглаживал ее наряд. А в результате все вышло так, как предсказывала мама. Таня в своем легком маскарадном костюмчике простудилась и проболела целый месяц... Однако после столь горького урока Дубынина-младшая никогда больше не использовала ради каприза, ради блажи отцовскую слабину, по-человечески понятную и вполне простительную...

Чета Дубыниных старалась привить детям чувство ответственности, приучить к самостоятельности, выработать в них привычку не пасовать перед трудностями. К примеру, ни Людмила Васильевна, ни тем более Виктор Петрович никогда не брали на себя роль домашних репетиторов и контролеров. Никто из них не проверял школьные уроки детей и не заставлял их отчитываться о выполнении домашних заданий. Родители доверяли детям, а те в свою очередь не жалели сил, чтобы оправдать это доверие. Дубынины-младшие учились хорошо, хотя за годы кочевой жизни их семьи каждый из них сменил полторы дюжины школ.

Интересна и поучительна история с папиным пианино. Она произошла, когда Виктор Петрович служил в Киевском военном округе, а семья его жила в столице Украины. Татьяна решила осуществить свою давнюю мечту и пошла учиться в музыкальную школу. Родители догадывались, что у дочери не самые яркие музыкальные способности, но отговаривать ее не стали. Более того, как-то вечером грузчики втащили в квартиру Дубыниных вполне приличное пианино. После ухода настройщика Людмила Васильевна как бы вскользь обронила всего одну реплику, но с большой смысловой нагрузкой: «Таня, помни, что на твое пианино ушла вся месячная зарплата отца». Татьяна вскоре сама убедилась, что Ойстрах из нее не получится, но музыкальную школу не бросала, пока не попала в Москве в жуткую автокатастрофу. Только это и вынудило ее оставить занятия музыкой...

Виктор Петрович ценил порядок не только на службе, но и в семейном быту. Он не терпел, к примеру, разбросанную обувь в прихожей или включенный телевизор в пустой комнате. Уроки

отца до сих пор в памяти его дочери. Татьяна часто ловит себя на том, что делает замечание своим племянницам с отцовской интонацией, почти дословно повторяя реакцию Виктора Петровича: «Горе-хозяюшки, почему у вас бардак в прихожей и зачем пустые стены смотрят телевизор?!»

И все же Дубынин был далек от солдафонства: семейный быт никогда не превращался в казарменный. А роль командира в семье номинально принадлежала хозяйке, хранительнице домашнего очага. Себе же Виктор Петрович отводил роль мудрого советника и «продюсера», обеспечивающего реализацию общесемейных проектов.

При огромной занятости на службе Дубынин находил время на книги. Впрочем, читал урывками: в дороге, на отдыхе, а бывало, и ночами, недосыпая... Из отечественных писателей любил Валентина Пикуля. Однако, пожалуй, самое сильное впечатление на Виктора Петровича произвела повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Кто-то из знакомых Дубынина дал на сутки затрепанный экземпляр «оттепельского» журнала «Новый мир», где в 60-х годах было опубликовано это произведение. Вечером Людмила Васильевна его залпом успела прочесть. А ночью запоем его читал муж.

Как уже отмечалось, Виктор Петрович родился в семье репрессированных. Справку о реабилитации отца он до последних дней жизни носил в нагрудном кармане, рядом со своим воинским удостоверением. Понятно, что тот документ значил для Виктора Петровича очень много. Но на эту тему Дубынин избегал дискуссий. Она, словно осколок, жила в нем и кровоточила. И все-таки не смогла озлобить Дубынина. Он и с этой болью в сердце оставался мягким, интеллигентным и оптимистичным человеком. Недаром его любимым фильмом была знаменитая картина «Белое солнце пустыни». А еще одной любимой песней — произведение Островского «Вьюга смешала землю с небом...» Песня о большой, всепоглощающей любви, ради которой и стоит жить на свете. Дубынин и был жизнелюбом, но при этом не раз смотрел смерти в глаза...

Война поглотила Дубынина полностью, словно гигантский спрут. Уже через несколько месяцев службы в Афганистане в нем произошли тревожные внешние и внутренние перемены. Седая прядь волос и устремленный куда-то внутрь себя невидящий взгляд. Это то, что было, как говорится, на поверхности. А о том, что творилось в душе Виктора Петровича, Людмила Васильевна могла только догадываться... Муж становился все более замкнутым и погруженным в себя, лишь иногда он оживал и становился на время прежним. Потом опять уходил в себя, мысленно окунаясь в огненный водоворот афганской войны. Седая прядь появилась в его шевелюре внезапно, можно сказать, в один миг. Виктор Петрович заглянул в тентованный КАМАЗ, а там лежали

вповалку погибшие солдаты. «Понимаешь, Людмила, десятки молодых ребят, чуть старше нашего Юры, — мертвых, с остекленевшими глазами...» Так Виктор Петрович объяснил жене происхождение своей ранней седины...

Впрочем, он мог бы ничего и не рассказывать — Людмила Васильевна сердцем чувствовала, как несладко ему приходится. А потом, когда полулегально пробыла полторы недели в Кабуле, воочию убедилась в том, что война выматывает, истязает, мучает, обескровливает ее мужа... Быт у генерала Дубынина в Кабуле был налажен, но психические и моральные перегрузки, невероятное нервное напряжение превращали его военную жизнь в Голгофу. Однако генерал Дубынин был настоящим воином и нес свой крест, не теряя человеческого достоинства, без жалоб и причитаний.

В Кабуле Людмила Васильевна впервые в семейной жизни ощутила реальную смертельную опасность службы ее мужа. Однажды он должен был вылететь в Джелалабад. Людмила Васильевна попросила супруга, чтобы он взял ее с собой. Виктор Петрович посмотрел на нее строгим взглядом и сказал тоном, не терпящим возражений: «Ни в коем случае. Если что с самолетом произойдет, с кем дети останутся?!» Людмила Васильевна не обиделась, но ей стало ужасно жалко мужа. Она поняла, что каждый час ее присутствия в Афганистане приносит ему дополнительные волнения, а переживаний, стрессов на войне у него и без того хватает.

Но даже в таких условиях Виктор Петрович старался оставаться хорошим семьянином. С большим вкусом он покупал наряды для дочери и подарки для жены и сына. Много лет прошло с того времени, а Танины афганские наряды до сих пор с радостью доншивают ее племянницы — дочери Юрия. А еще у Людмилы Васильевны и Татьяны, как память о службе Дубынина в Афганистане, остались две недорогие, но изящные вещицы, купленные Виктором Петровичем в какой-то кабульской лавке по пути в аэропорт. Это два набора зеркал с одинаковым рисунком на крышке, выполненным в стиле Ренуара. Изображение на обеих крышках идентично: мать и дочь в изысканных шляпках и платьях эпохи французского импрессионизма на кого-то внимательно смотрят, словно кто-то желанный и любимый идет им навстречу.

До сих пор Татьяна и Людмила Васильевна, когда открывают эти зеркальные наборы, видят не свои отражения, а знакомые черты несравненного и желанного отца и мужа. Жене и дочери зачастую кажется в эти мгновения, что вот-вот откроется дверь и в нее войдет Дубынин-старший, все такой же красивый, аккуратный, заботливый и нежный, как прежде, как много лет назад, когда он привез своим любимым женщинам эти зеркальные подарки.

Безусловно, афганская война не прошла бесследно для Дубынина. Она серьезно подточила его здоровье. Его часто мучили бессонница, жуткие головные боли, острые колики в желудке...

Нередко он просыпался от собственного крика, обрывавшего его очередной кошмарный афганский сон. Впрочем, и явь иногда доставляла Дубынину немало переживаний и потрясений. Ему было невыносимо больно смотреть в глаза родителей его погибших на войне сослуживцев. Виктора Петровича никто не винил в их смерти, кроме его собственной совести. Чувство ответственности за все, что происходило там, «за речкой», за всех, кто был под его началом, не давало Дубынину покоя. Он изводил себя постоянным вопросом: все ли он сделал, чтобы свести вынужденные потери к минимуму, чтобы потом было как можно меньше родителей, переживших своих детей... Он часто повторял жене и самым близким своим друзьям: «Я за всех за них в ответе, за всех, кто был в моем подчинении и не вернулся живым...»

Сослуживцы Виктора Петровича часто рассказывают членам его семьи о необычайной организованности и собранности Дубынина. Он всегда имел под рукой все, что могло понадобиться для планирования военных операций и решения вопросов, не терпящих отлагательств. Это помогало ему в самые ответственные моменты в условиях жесткого цейтнота соперничать с компьютером, мобилизовывать в считанные секунды весь свой творческий, интеллектуальный потенциал и, словно гроссмейстеру, выбирать самый сильный ход, самый оптимальный вариант развития ситуации.

Людмила Васильевна, Юрий и Татьяна добавляют к этим воспоминаниям очевидцев свои наблюдения. Они, к примеру, воочию убедились в высоком профессиональном уровне, организованности и дисциплинированности Дубынина-старшего в период его командования Северной группой войск. В те годы впервые у Виктора Петровича появился свой домашний кабинет. Роскошь, о которой раньше он и не мечтал. Однако в силу занятости он проводил в нем на редкость мало времени. Дубынин старался по максимуму решать все рабочие вопросы на службе. Домой приходил, как правило, поздно вечером уже уставшим, до предела измотанным. В домашнем кабинете он лишь по-военному сжато отвечал на телефонные звонки, читал газеты, писал открытки и письма родным и близким.

Организованность и дисциплинированность сочетались в нем со скромностью и совестью. Свои служебные привилегии использовал, как принято выражаться, строго по мере необходимости. Квартиру в Москве и дачу в Подмосковье получил в последний период жизни, будучи уже тяжелобольным человеком. Но даже страшная болезнь не превратила Виктора Петровича в черствого, замкнутого, озлобленного на весь мир отшельника. До последних дней жизни он оставался верен себе, был сердечным, заботливым, необыкновенно стойким и вместе с тем удивительно мягким, интеллигентным человеком.

Примерно за полгода до своей кончины Виктор Петрович узнал, что осенью он станет дедом. Ему позвонили с Урала по теле-

фону сын Юрий и его жена Марина. Будущий дед был несказанно счастлив и тут же попросил сноху без ложной стеснительности обращаться к нему за советом и помощью в любое время суток. Через два месяца Виктор Петрович прилетел из Польши в Москву и увез с собой сноху, чтобы переправить ее к сыну, который, будучи офицером, получил новое назначение и уже служил в Германии.

Вскоре после того стало известно, что Марина ждет двойню. Роды ожидалось непростые, и ее заранее положили в родильное отделение госпиталя в немецком городе Белице. Туда из Москвы частенько звонил Виктор Петрович, подбадривая сноху, вселяя в нее уверенность в успешном исходе предстоящих родов. Правда, когда на свет появились две очаровательные девочки — Виктория и Дарья, — Виктор Петрович уже сам лежал в реанимационной палате и держался в этом мире только на уколах и непостижимой силе воли. Он стойко переносил мучительную боль, и когда ему объявили, что он стал дедушкой, то на его перекошенном от мучений лице вдруг появились слезы радости и счастливая улыбка...

Незадолго до смерти Виктора Петровича его дочь Татьяна попала в автокатастрофу. Нелепое стечение обстоятельств, несчастный случай, в результате которого дочь Дубынина оказалась в реанимационной палате в одном госпитале со смертельно больным отцом. Виктор Петрович к тому времени двигался уже с трудом и испытывал нечеловеческие боли. Но он нашел в себе силы прийти в палату к дочери подтянутым, свежеевыбритым и даже подчеркнuto элегантно. Он в первый и последний раз появился на публике в новой форме — генерала армии. Он пришел к Татьяне, чтобы помочь ей выжить, чтобы поддержать родную дочь в трудный момент ее судьбы, чтобы вселить в нее оптимизм. Одному Богу известно, сколько сил стоило самому Виктору Петровичу нанести такой визит. Но с того дня Татьяна быстро пошла на поправку...

Когда хоронили Виктора Петровича, всем его родным и близким казалось, что в гробу лежит другой человек: чудовищно худой, с искусанными от невыносимой боли губами... Многим и вправду не верилось, что перед ними останки знаменитого генерала...

А на сороковины в Москву приехала из Германии сноха Марина с двумя малышками: Викой и Дашей. И если первую из двойняшек назвали специально в честь деда Викторией-Победительницей, то вторая по велению свыше тоже стала, видимо, в память о Дубынине-старшем Дарьей-Побеждающей. Кстати, прежде в роду Юрия и Марины Дубыниных никогда не было двойняшек. Правда, никто из предков и не имел такого деда — Виктора-Победителя, каким был и остается в памяти всех, кто его знал, обаятельный, интеллигентный и — поразительно волевой.

До сих пор все члены семьи Виктора Петровича не могут смириться с мыслью о его смерти. Для них он жив — просто стал незримым. Но он рядом, он вместе с ними, он в каждом из них. Он по-прежнему глава семейства.

ТАКИЕ КОМАНДИРЫ РОЖДАЮТСЯ РАЗ В СТО ЛЕТ

Павел ГРАЧЕВ,
генерал армии

Наше знакомство с Виктором Петровичем Дубыниным началось для меня с приятной неожиданности.

Обычно ведь как бывает, когда приезжаешь на новую должность? Войдешь в кабинет к начальству, щелкнешь каблуками: такой-то в ваше распоряжение прибыл. Ну, тебе пожелают успехов, буркнут что-нибудь руководящее, и дело с концом.

С Дубыниным — в ту пору заместителем командующего армией — получилось иначе. Успеха он мне, конечно, пожелал. А потом попросил разрешения... у меня поучиться! Конечно, я в свое время уже отвоевал в Афганистане два года в должности командира отдельного полка, у меня был серьезный боевой опыт и знание обстановки, а теперь прибыл туда вторично — уже на должность командира 103-й воздушно-десантной дивизии. Дубынин же находился в Кабуле недавно и только вникал в особенности горной партизанской войны. Так что если разобраться, то по существу он был, может быть, и прав. Но по форме такая просьба от вышестоящего начальника была абсолютно неожиданной! Во всяком случае, к тому времени за годы службы в армии я перевидал многих начальников, но не один из них не допускал мысли, что их подчиненный может быть в чем-то опытнее их... Дубынин был первым.

Мы проговорили тогда с замкомандующего часа три, сначала в его кабинете, потом переместились в баньку. Баня в штабе армии была похуже, чем у нас в дивизии, и я сразу же пригласил Виктора Петровича к нам с ответным визитом. Хотя в его манере разговаривать не было даже намека на панибратство, дистанция между нами стала сокращаться сама собой с первых же минут знакомства. Сразу же стало понятно, что наши отношения не ограничатся служебной необходимостью и выйдут за рамки субординации. Так впоследствии и случилось.

И вот что интересно: с ним было приятно общаться, но еще лучше рядом с ним было воевать! Причем не только мне — всем. Бывало, когда начинались боевые действия, ко мне подходили солдаты:

- Павел Сергеевич, а кто руководит операцией?
- Дубынин.
- Ура!

И на постановке задачи, когда объявляешь офицерам: «Приказом командующего 40-й армией руководить боевыми действиями назначен генерал Дубынин Виктор Петрович», — в ответ всегда звучали аплодисменты. А когда армия так относится к командиру, — считай, успех обеспечен!

Он был настоящим полководцем. Работал практически круглосуточно. Спал по три-четыре часа, не больше. Как ему ни позвонишь или ни заедешь, он всегда в кабинете — сидит над огромной картой. «Садись-ка. Смотри, здесь спецназ попал в засаду, надо помочь... Как думаешь, пройдут в этот район без потерь?..» Вроде бы встречались с ним часто, но за каким-то другим занятием я его редко видел. Все его мысли были об одном: как лучше провести операцию, обеспечить войска, провести колонну... Ни о чем другом не думал, ни на что не отвлекался, я только диву давался: как выдерживал человек?

Он не любил и застолий. Хотя что там скрывать: многие в Афганистане после операций, особенно успешно проведенных, «квасили». На боевых, в горах, сухой закон соблюдался строго. А по возвращении домой людям нужно было как-то снять стресс и усталость, дать разрядку эмоциям. Театров и танцплощадок там ведь не было, чарка да банька — вот и все развлечения. Дубынин если рюмку выпивал, то сразу поднимался из-за стола. Думаешь: ну, наконец-то выспится командарм. Нет, опять уходил к себе в кабинет, закрывался там... Работал как вол.

Я и дома у него много раз бывал. Петрович жил в обыкновенной двухкомнатной квартирке, где всегда располагались командующие. Никакой особой мебели, только самое необходимое. Холодильник его я тоже инспектировал: всегда полупустой, там только и было, что сухпайки, обыкновенная солдатская еда. Сам он к еде относился очень нетребовательно. Разве что картошку с обычной тушенкой любил и меня, кстати, к этому блюду приучил. Он ведь деревенский человек, из самой простой семьи. Но при этом был настоящим интеллигентом.

После боевых действий у командующего всегда проводились «разборы полетов». Дубынин очень редко повышал голос, и то в основном когда по халатности какого-нибудь командира не выполнялась боевая задача или случались потери. Я старался его не подводить, да и 103-я воздушно-десантная дивизия все же считалась одной из лучших в армии, хорошо воевала. Но, бывало, и мне доставалось: Павел Сергеевич, вы действовали в целом неплохо, но вот тут и тут у вас просчеты. Вы должны были лучше подготовиться к операции... Он как следует даже матом не умел

ругаться! Но так отчитывал, что иной раз уходишь от него — проклинаешь себя, думаешь: лучше бы накричал!

И никогда не позволял себе критиковать старших офицеров в присутствии подчиненных. Выслушает доклад, виду не покажет, а потом пригласит в кабинет и там уж выскажет все по полной программе. Это он умел. Тихо и спокойно, но аж мурашки бегали по спине.

Он был смелым человеком. Сам летал и ездил повсюду, подставляясь под пули и не считаясь с опасностью. И не боялся брать на себя ответственность, даже если это было чревато последствиями. Помню, однажды во время боевых действий на меня, как говорится, «вышел» по спецсвязи один из начальников Туркестанского военного округа, — не буду называть его фамилию, Бог ему судья. И сразу же начал орать: почему не соблюдаете график, почему до сих пор не заняли высоту, немедленно вы полнять!!!

А на той высоте — «духи», огонь плотный, снайперы в пещерах, каждый пяточок пристрелян. Если туда без артиллерийской подготовки, без бомбоштурмового удара направить людей, — ни один не вернется. Как быть?

Докладываю Дубынину: так, мол, и так — начальник из ТурКВО требует занять высоту. Я считаю, что это приведет к неоправданным потерям... Что делать?

— А ты пошли его на три буквы, — спокойно отвечает Виктор Петрович. — Я с ним сам потом разберусь...

Вот так мы с ним воевали.

Только благодаря Виктору Петровичу я получил звезду Героя Советского Союза. Именно он предложил Игорю Николаевичу Родионову, тогда еще командующему армией, представить меня к этому званию. И в указе Верховного Совета СССР даже формулировка прошла дубынинская: «За умелое выполнение боевых задач при наименьших потерях среди личного состава».

Прощались мы с ним по-братски. Он сначала устроил официальные проводы в штабе армии, а потом я его пригласил к нам в дивизию, и мы провожали его у меня в домике — до самого утра. А на следующий день перед ним по аэродрому прошли с оркестром десантные роты. Честно говоря, у многих офицеров глаза были на мокром месте. И когда мы с ним расцеловались, обнялись, оба заплакали. Жаль было расставаться с таким командиром.

Ну а дальше наши пути разошлись. Он уехал в Союз, а я еще на полтора года остался воевать в Афганистане.

А потом... Я много раз рассказывал: стать министром обороны я и не рассчитывал, и не мечтал. Ельцин мне дважды предлагал, я отказывался, а в третий раз он даже и спрашивать не стал. Просто позвонил и сказал: «Будешь министром, я уже подписал указ». Ну, куда деваться, если тебе нарочным уже указ везут?

Так я пришел в Министерство обороны. Сел в этот огромный кабинет, и первая мысль была: с кем я работать-то буду? Я же десантник, в своем деле вроде бы неплохо разбираюсь, но тут — все Вооруженные силы! Совершенно другой, колоссальный масштаб. Да и время такое, о котором лучше в исторических книгах читать: армия в буквальном смысле слова на голодном пайке, финансирования нет, техника устарела, толковые офицеры увольняются в запас... На кого опираться, чтобы сдвинуть всю эту гору проблем? Своих десантников брать — они бы не потянули. На руководящих должностях нужны были очень опытные, профессиональные люди. А к тому времени весь цвет армии составляли «афганцы» — те, кто служил в руководящем составе 40-й армии. Практически все они были в прошлом моими начальниками. Как они ко мне отнесутся, будут ли выполнять мои приказы?

И самое главное: министр обороны — должность в основном политическая, отчасти — оперативно-хозяйственная. Все-таки главная фигура в Вооруженных силах — начальник Генерального штаба. Это — мозг армии, он осуществляет оперативное руководство войсками. Поэтому на этом посту должен быть очень грамотный в стратегическом отношении человек, пользующийся непререкаемым авторитетом в Вооруженных силах.

Я долго думал о кандидатуре, перебирал фамилии — Громов? Миронов? Сергеев? Кондратьев?.. Советовался. Все сходились на одном имени: Виктор Петрович Дубынин! Сильный штабист, прекрасный организатор, опытный боевой генерал. И замечательный, порядочный, скромный человек.

Но как он сам к такому предложению отнесется, согласится ли? Он в то время командовал Северной группой войск. Я набрал номер его телефона:

— Мне нужен, — говорю, — начальник Генерального штаба. На мой взгляд, лучше вашей кандидатуры для этой должности нет.

Он уже ко мне, как министру, на «вы» обращается:

— Не знаю, Павел Сергеевич, справлюсь ли...

Я ему отвечаю: «Если вы сомневаетесь, то что уж про меня говорить? Вы прекрасно знаете Вооруженные силы, вас все уважают, — справитесь!»

— Если вы прикажете, то я готов. Но вы же знаете, что я болен. Действительно, я знал, что у него начальная стадия рака.

— Виктор Петрович, все это ерунда, — отвечаю ему. — Врачи мне говорят, что у вас есть шанс на излечение. На это не будем обращать внимания. Если бы я знал, что вы безнадежно больны, я бы не предложил вам эту должность. Приезжайте в Москву, будем с вами беседовать.

Прибыл он через два дня в Москву, мы с ним обнялись, вспомнили наши афганские годы. Я сказал ему:

— Вы будете начальником Генерального штаба. Я решил окончательно!

И тут как раз — звонок Президента. Я поднимаю трубку, докладываю:

— Борис Николаевич, у меня тут находится Дубынин Виктор Петрович, я предлагаю назначить его на должность начальника Генерального штаба.

— Знаю-знаю, привет ему передавай.

— Так чего передавать — вот он сам тут сидит.

— Ну, тогда передай ему трубку!

Дубынин побелел даже.

— Ну что, товарищ генерал, я о вас наслышан, — сказал Ельцин. — Раз вы не возражаете, то проект указа о вашем назначении уже готов, — я подписываю...

Я дал Виктору Петровичу трое суток на сборы и выделил самолет, но он, как порядочный человек, вернулся уже на следующий день. Я пригласил его к себе: необходимо было срочно обсудить, кого назначать на ключевые должности в Министерстве. Разногласий у нас не было: конечно, «афганцев» — Громова, Кондратьева, Миронова. Андрея Кокошина назначил сам Президент: решил, что одним из заместителей министра обороны должен быть гражданский человек.

Виктор Петрович, хотя и был хорошо знаком с ними, перед назначением встретился и очень серьезно беседовал с каждым: «Готовы ли вы работать? Как видите свою задачу на этом посту?»

Мы работали с ним как единое целое. Встречались каждое утро. Я приезжал в Министерство к восьми, он уже был там. Докладывал обстановку, мы намечали задачи на текущий день, обсуждали неотложные дела, говорили о планах. Честно признаюсь: его авторитет в Вооруженных силах был выше, чем у министра. Я не расстраивался, наоборот, даже гордился: вот какой у меня заместитель!

Он очень быстро включился в работу Генерального штаба. Пока только что назначенные замы вникали в дела, Дубынин уверенно управлял Вооруженными силами. А чуть позже произошел эпизод, после которого я буквально влюбился в этого человека.

Моя неопытность, неполное знание обстановки порой болезненно воспринимались высшим командным составом Министерства. В кулуарах начались разговоры: министр, дескать, ничего не знает, ему приходится объяснять очевидные вещи... Бабские сплетни, одним словом, расходились за моей спиной по Генеральному штабу. Я знал об этом: в желающих проинформировать министра обо всем происходящем тоже не было недостатка. Дошли эти разговоры и до Дубынина.

Мне он об этом не проронил ни слова. Просто зашел однажды и спокойно говорит:

– Мне необходимо собрать заместителей министра, я хотел бы, чтобы и вы тоже присутствовали.

– Зачем?

– Есть кое-какая важная информация...

Ну, я доверял ему безгранично, в подробности не стал вникать — назначил совещание. К условленному часу все собрались в моем кабинете.

Дубынин попросил у меня слова. Говорил он недолго, минут пять, и сказал примерно следующее.

– Все вы меня знаете не один год, и я вас тоже. Мы с вами вместе воевали, дружили, служили на разных должностях. Сегодня все мы — сотрудники Министерства обороны, и министр у нас — Грачев. Я знаю, что некоторые из вас позволяют себе высказывания, которые дискредитируют министра. Как начальник Генерального штаба хочу вас предупредить: если эти разговоры не прекратятся, я приму все меры к тому, чтобы тут же уволить любого из вас из рядов Вооруженных сил, — несмотря на наши многолетние отношения... Павел Сергеевич, у вас есть что добавить?

– Нет.

– Тогда разрешите закончить совещание...

Когда мы остались вдвоем, я подошел к нему и обнял. С тех пор, я думаю, у меня было полное право вообще отменить всяческую субординацию в наших отношениях и считать его просто одним из самых близких своих друзей. Тем более что к тому времени мы уже подружились семьями, вместе отмечали праздники. Дарили подарки, какие обычно дарят друг другу военные. Душманская сабля, подаренная мне по какому-то случаю Виктором Петровичем, до сих пор висит у меня на видном месте...

А все закулисные разговоры после того совещания притихли. Все действующие лица приходили потом ко мне по одному — оправдываться, и у меня тогда еще сохранялись иллюзии на их счет, но в конечном счете Дубынин оказался прав: они меня не поддержали. Опереться, полностью доверять я мог только Петровичу.

Планы у нас с ним были грандиозные — постепенная, продуманная реформа армии, переход на новую технику, новое штатное расписание... Он успел очень многое сделать на посту начальника Генерального штаба, но еще больше — не успел. Ему просто не хватило времени: болезнь прогрессировала.

В 92-м он лег в госпиталь. Начальник медицинской службы Иван Михайлович Чиж доложил мне, что жить Виктору Петровичу оставалось недолго. Я навещал его практически через день. Он вскакивал, как ни тяжело ему было, и сразу же спрашивал:

– Как обстановка, какие новости?

– Да что обстановка, ложитесь, Виктор Петрович, успеете еще...

— Нет, я должен быть в курсе всех дел!

...За неделю до его смерти я должен был улетать в командировку на Дальний Восток. А тут как раз Чиж доложил: жить Виктору Петровичу остались считанные дни. И я решил, что не могу просто так с ним проститься, что должен хоть как-то отблагодарить этого человека за все, что он для меня сделал. Да и даже не во мне дело. Такие командиры, как он, рождаются раз в сто лет. Я ведь прекрасно понимал: на моем месте, на посту министра, конечно, должен был быть Дубынин. И если бы не болезнь, я бы уговорил Ельцина поменять нас местами: я бы стал у Виктора Петровича заместителем. Или с радостью вернулся бы в ВДВ. Каждый должен заниматься тем, что умеет, чему его учили. А меня учили десантной науке...

Я позвонил Ельцину, объяснил ему все и попросил, не откладывая, подписать указ о присвоении Виктору Петровичу Дубынину звания генерала армии. Президент меня понял, указ был подписан сразу же. Я вызвал начальника тыла и отдал распоряжение: к завтрашнему дню должна быть сшита новая форма для генерала армии Виктора Петровича Дубынина.

Назавтра форма была готова, и я отправился в госпиталь. Когда я вошел в палату, он, преодолевая боль, встал мне навстречу, хотя к тому времени не вставал с кровати уже неделю.

— Виктор Петрович! Указом Президента Российской Федерации вам присвоено звание генерала армии, — сказал я, давая в себе слезы. Вручил ему погоны, помог надеть китель...

Через три дня он умер.

ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Вот и закончена последняя глава книги о генерале Дубыныне. Впрочем, почему последняя? Наверное, найдутся еще люди, которые захотят поделиться своими воспоминаниями о Викторе Петровиче, о такой короткой и такой яркой жизни этого необыкновенного человека. Поэтому мы не будем ставить точку. Мы будем надеяться на то, что следующие издания книги еще подробнее расскажут читателям о генерале Дубыныне.

Нам кажется, что сам факт выхода такой книги — явление знаменательное. Увы, минувшее десятилетие было отмечено тотальным разрушением всего и вся. При этом часто с водой выплескивали ребенка. Так, проснувшись однажды утром, мы с удивлением обнаружили, что отныне наряду со многим другим у нас нет героев. Нет, и все тут. Банкиры, бандиты, депутаты, олигархи, шоумены — есть. А героев нет. Нам объявили, что нормальной, цивилизованной стране они, дескать, и не нужны. Рынок — он всех воспитает и построит как надо. И многие в это поверили.

Но вакуума не бывает. Эту брешь тут же заполнили новые «герои», чаще всего — действующие лица американских боевиков или свои доморощенные киллеры. И молодежь решила, что жизнь надо делать с них.

У людей, где бы они ни жили, всегда есть потребность в нравственных ориентирах. Беда, если кумирами целых поколений становятся циничные и бездушные роботы.

Виктор Петрович Дубынин — настоящий, с большой буквы Герой. Это абсолютно не важно, отмечен он соответствующим знаком, золотой звездой, орденом или нет. Он — Герой народный, не назначенный «сверху», а рожденный самой жизнью. И потому его биография, его поступки так интересны для нас и сегодня, спустя годы после смерти генерала.

Знакомясь с воспоминаниями его родственников, друзей, сослуживцев, мы часто ловили себя на том, как в нашей сегодняшней жизни не хватает Дубынина. С его неподкупной честностью. Верностью воинскому долгу. Скромностью. Бескорыстием. Отвагой. Умением ценить и беречь людей. Как потребовался бы его талант в затянувшемся реформировании наших Вооруженных

сил, в решении вопросов государственного строительства, проблем целостности России.

В этой книге использована только малая часть дневниковых записей генерала. Мы читали их полностью. Это потрясающий документ! Там волнует каждая строчка. Там за каждым словом такое напряжение, такая боль... Только очень совестливый, очень порядочный человек мог делать подобные записи.

Сколько же сил отняла у него война! Три года на передовой. Колоссальный груз ответственности. Стремление выполнить приказ и при этом свести к минимуму потери, сохранить людей, технику, а еще — сохранить авторитет страны, которой он служил. Три года невероятного напряжения. Поразительно, как он мог выдержать все это и не очерстветь душой.

Из дневников видно, как больно ранила командарма любая потеря. Он беспощадно казнит себя: не уберег солдат. Он в бою лично следит за тем, чтобы с полей сражений вынесли каждого раненого, каждого погибшего. Уже одним только этим он заслужил право на нашу светлую память.

Дубынин — человек поступка. Он не декларирует добрые дела, а совершает их. Нам кажется, что это тоже важно подчеркнуть. Ибо говорить о хорошем научились все, да только мало кто способен последовательно, изо дня в день творить само добро. В книге — много эпизодов, повествующих о том, как Виктор Петрович отстаивал конкретного человека, кому-то помогал, кого-то защищал, способствовал продвижению по службе достойного, а негодяя наказывал.

Вроде бы ничего особенного. Но как часто облеченные большой властью начальники видят не человека, а людей вообще, как часто они с легкостью переступают через судьбы своих подчиненных и сослуживцев. Лишь бы сделать карьеру...

Дубынин и в этом был ни на кого не похож.

Он все принимал близко к сердцу. Потому и сгорел так быстро. Еще одна малоизвестная деталь, о ней нам поведала вдова генерала Людмила Васильевна Дубынина. Удивительно, но даже в зрелые годы, став генералом и командующим, Виктор Петрович не потерял юношеской любви к небу. Он завидовал летчикам и втайне жалел о том, что сам не смог стать пилотом. Наверное, командарм нарушал инструкции, когда просился в кабину боевого истребителя или штурмовика и уходил в полет. Но, согласись, как много эта деталь говорит о нем, как по-новому раскрывает она его характер. Он всегда поднимал голову вслед летящему высоко в небе самолету.

Такие люди, как он, во все времена были в дефиците. Штучные люди.

Дважды в год, 1 февраля и 22 ноября, на Новодевичьем кладбище собираются друзья генерала Дубынина. 1 февраля 1943 го-

да он родился. 22 ноября 1992 года скончался. У его могилы всегда можно увидеть массу знакомых лиц. Многозвездные генералы, Герои Советского Союза, министры, губернаторы, президенты субъектов Федерации... Они приходят «к Петровичу», отдавая дань уважения этому выдающемуся военачальнику. Они приходят, потому что любили и любят его. Им выпала великая удача — знать его, дружить с ним, служить рядом.

Присутствие генерала Дубынина делает любого человека лучше, смелее, честнее. Даже если он присутствует только в нашей памяти.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>А. Квашнин</i>	
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
<i>С. Лагуткин</i>	
КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ	6
<i>И. Коротченя</i>	
СВЕТ ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ	13
<i>П. Петух</i>	
ЧЕЛОВЕК ИЗ СВЕТОЙ РОЩИ	19
<i>Е. Шарипо</i>	
ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК	22
<i>Н. Чергинец</i>	
НЕПРАВДА, ДРУГ НЕ УМИРАЕТ... ..	24
<i>И. Родионов</i>	
ГЕНЕРАЛ ПО ПРИЗВАНИЮ	26
<i>М. Гареев</i>	
ТАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОМАНДИР	29
<i>В. Исаков</i>	
ОН СПАС МНЕ ЖИЗНЬ	34
<i>В. Варенников</i>	
ВСПОМИНАЮ О НЕМ С ГОРДОСТЬЮ.....	40
<i>А. Проханов</i>	
ПЕДАГОГИКА ПАНДЖШЕРА.....	43
<i>С. Маев</i>	
ПОГОНЫ НА ПАМЯТЬ	47
<i>Б. Громов</i>	
ДЕСЯТЬ ЛЕТ — РЯДОМ	55
<i>Р. Аушев</i>	
ОН ВЕЛ НАС В БОЙ	60
<i>Е. Михалко</i>	
НЕ ДОЛЖНОСТЬ КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА	64
<i>В. Филатов</i>	
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДИРА	67
<i>В. Востротин</i>	
СТАРАЮСЬ БЫТЬ НА НЕГО ПОХОЖИМ	76
<i>М. Елов</i>	
«ДУМАЙ САМ, ПОДПОЛКОВНИК!»	81
<i>Е. Никитенко</i>	
ЖИЛ, НЕ ЖАЛЕЯ СЕБЯ.....	84

<i>А. Жуков</i>	
ОН УМЕЛ И ВОЕВАТЬ, И ДРУЖИТЬ	91
<i>А. Казанцев</i>	
ЗА ЧУЖИМИ СПИНАМИ НЕ ПРЯТАЛСЯ	95
<i>В. Барынькин</i>	
ЧЕМ РИСКОВАЛ КОМАНДАРМ	99
<i>Ю. Моисеев</i>	
С НИМ НЕ БОЯЛИСЬ ИДТИ ПОД ПУЛИ	107
<i>Ю. Немытин</i>	
ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ	109
<i>М. Зайцев</i>	
НАСЛЕДНИК СЛАВЫ ВЕТЕРАНОВ	115
<i>Ю. Ярыгин</i>	
ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БОЮ	117
<i>Е. Смирнов</i>	
СОЛДАТ СУВОРОВСКОЙ ШКОЛЫ	121
<i>Н. Чуркин</i>	
ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, ТЫ — КОМАНДИР	124
<i>Г. Кондратьев</i>	
ЛУЧШИЙ ИЗ НАС	127
<i>И. Кобзон</i>	
САЛЮТ В ПОДАРОК	133
<i>В. Дубынин</i>	
«САМОЕ ГЛАВНОЕ — ОТСЛУЖИТЬ ЧЕСТНО» (строки из дневника)	136
<i>Ю. Кашлев</i>	
«БЕЛАЯ КОСТЬ»	145
<i>В. Зданюк</i>	
УХОДИМ БЕЗ БОЯ, НО С ПОТЕРЯМИ	149
<i>А. Воронков</i>	
НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ	157
<i>В. Литовкин</i>	
НЕЗАВИЗИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ	160
<i>А. Кокошин</i>	
В ТО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ...	164
<i>А. Бондаренко</i>	
ПОРТРЕТ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ	168
<i>П. Грачев</i>	
ТАКИЕ КОМАНДИРЫ РОЖДАЮТСЯ РАЗ В СТО ЛЕТ	180
ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ	187

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ГЕНЕРАЛЕ

**Герой Российской Федерации,
генерал армии В. П. Дубынин
в воспоминаниях друзей и сослуживцев**

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Усл. печ. л. 12,0+вк.п.
Заказ 483. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Издательская группа «Граница»
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46
www.granicagroup.ru